

ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994-9065

2(8)
2011

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ

РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ им. М. В. Ломоносова

Выходит 2 раза в год

Издается с 2008 г.

Шеф-редактор
Л. Е. Гринин

Главный редактор
А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:

Барлыбаев Х. А., Гирусов Э. В., Ивахнюк И. В., Ильин И. В., Калачёв Б. Ф., Калининченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д., Мамедов Н. М., Митрофанова А. В., Мозговой С. А., Попков В. В., Пырин А. Г., Режабек Б. Г., Снакин В. В.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И. (Россия), Акаев А. А. (Киргизия), Ань Циньянь (Китай), Бондаренко Д. М. (Россия), Вебер А. Б. (Россия), Гэй У. (США), Гусейнов А. А. (Россия), Данилов-Данильян В. И. (Россия), Дафферн Т. (Великобритания), Добровольский Г. В. (Россия), Ечимович Т. (Словения), Израэль Ю. А. (Россия), Иноземцев В. Л. (Россия), Камуселла Т. (Польша), Капица С. П. (Россия), Киш Э. (Венгрия), Калбаси Х. (Иран), Кортаев А. В. (Россия), Кучуради И. (Турция), Лисеев И. К. (Россия), Мазур И. И. (Россия), Назаретян А. П. (Россия), Степин В. С. (Россия), Трубецков Д. И. (Россия), Урсул А. Д. (Россия), Хасбулатов Р. И. (Россия), Чилингаров А. Н. (Россия), Юдин Б. Г. (Россия).

Адрес редакции:

119992, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14, к. 102, Президиум РФО.

Тел.: (495) 609-90-76. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.socionauki.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Ласло Э. Глобальная бифуркация: время принимать решения	3
Степин В. С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей	8
Борзых С. В. Понятие глобализации: новое прочтение	18
Хасбулатов Р. И. Идолы и идолопоклонники: крах либертаризма. Статья вторая.....	32
Дробот Г. А. Проблема глобального управления в контексте теории между- народных отношений	41

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Дергачева Е. А. Особенности глобальной техносферизации биосферы	53
Абылгазиев И. И., Ильин И. В. Пути к стратегической стабильности	62

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Рубцов Б. Б. Глобальные финансовые рынки: масштабы, структура, регулирование	73
Дувэ В., Давиденко К. В. Глобальный финансовый кризис: уроки для творцов политики	99
Ивахнюк И. В. Управление трудовой миграцией: противоречивые уроки глобального кризиса	109

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Саблин И. В. Международные аспекты экологической политики Индии и Китая	126
Комлева Е. В. Антропосоциоядерный феномен	140

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Монахова И. Р. Российский менталитет в свете глобальных вызовов – вечных и современных	150
Авилов В. И., Авилова С. Д. Российская космология в решении глобаль- ных проблем	163

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Чумаков А. Н. Культура и вызовы глобализации: новые подходы	174
Рзаева Р. О. Многообразие культур и философия диалога в современ- ном мире	181
<i>Письмо в редакцию</i>	188
<i>Наши авторы</i>	190
<i>Contents</i>	191

ТЕОРИЯ

ГЛОБАЛЬНАЯ БИФУРКАЦИЯ: ВРЕМЯ ПРИНИМАТЬ РЕШЕНИЯ*

Ласло Э.

основатель и президент Будапештского клуба,
автор пятого доклада Римскому клубу «Цели для человечества»,
проф. Университета глобальных изменений им. Джордано Бруно.
E-mail: ervin@ervinlaszlo.it

Автор считает, что современное глобальное сообщество вплотную подошло к точке бифуркации своего развития и рассматривает два возможных сценария предстоящих изменений. Пролонгация существующих тенденций, которую он называет «бизнес без изменений», чревата серьезными негативными последствиями. Второй сценарий – «своевременных изменений» – предпочтителен, но для его реализации потребуются особые усилия, о чем говорится в заключительной части статьи.

Ключевые слова: система, глобальные изменения, трансформации, бифуркация, тенденции, взаимодействие.

The author supposes that the modern global society has come close to the bifurcation point of its development and considers two possible scenarios of coming changes. The present trends prolongation which is named by the author 'business without changes' is fraught with serious negative consequences. The second scenario 'of timely changes' is preferable, but it demands special efforts to realize it – states the author in the final part of the article.

Keywords: system, global changes, transformations, bifurcation, trends, interconnection.

Говорят, что наше поколение впервые в истории может решать, станет ли оно последним. Стоит добавить, что наше поколение также впервые в истории может решать, станет ли оно первым поколением на новом этапе развития.

Мы подошли к переломному моменту нашей социально-культурной эволюции. Системные науки говорят о том, что когда сложные открытые системы, такие как живые организмы, а также экосистемы и сообщества организмов, достигают состояния критической нестабильности, для них наступает момент истины: они либо трансформируются, либо разрушаются. Человечество подходит к точке критической нестабильности – глобальной бифуркации. Возможные варианты выбора в этой критической точке иллюстрируются следующими сценариями.

* Основано на: Laszlo E. Worldshift 2012. Toronto, Canada: MacArthur & Co; Rochester, VT: Inner Traditions, 2009.

1. Сценарий ББИ (бизнес без изменений).

- В мире не происходит никаких реальных изменений в методах ведения бизнеса, эксплуатации ресурсов и производства энергии. Это ведет, с одной стороны, к усугублению глобального экономического кризиса, а с другой – к значительному изменению климата в результате ускоренного накопления тепла в земной атмосфере.

- В некоторых регионах глобальное потепление вызывает засуху, в других – разрушительные ураганы, и все это приводит к неурожаю на обширных территориях. В прибрежных районах происходит затопление больших участков плодородных земель вместе с городами, поселками и деревнями. Сотни миллионов людей остались без крова и голодают.

- Огромные потоки нуждающихся мигрантов устремляются из прибрежных регионов и территорий, испытывающих нехватку воды и пищи, прежде всего в Африке, Азии и Латинской Америке, в глубь континента, где основные жизненные ресурсы более доступны. Мигранты перегружают человеческие и природные ресурсы принимающих стран, что провоцирует конфликты с местным населением. Международная гуманитарная помощь предоставляет продовольствие тысячам людей, но становится бесполезной, когда речь идет о миллионах.

- В тщетной попытке остановить лавину беженцев Индия возводит стену на границе с Бангладеш, США – на границе с Мексикой, Италия и Испания строят стены, чтобы защитить свои северные регионы от переполненных южных территорий.

- Мировое население делится на государства и сообщества, ориентированные на собственную защиту, и массы отчаявшихся людей неизбежно сталкиваются с голодом и болезнями. Конфликты создают неустойчивость и напряжение в структуре международных отношений. Социальные и экономические интеграционные группы и политические альянсы распадаются. США разрывают отношения со своими южными соседями, Европейский союз – со странами Средиземноморского региона, Индия и Китай – с сильно пострадавшими государствами Юго-Восточной Азии.

- Мировые военные расходы растут в геометрической прогрессии, так как правительства пытаются защитить свои территории и восстановить порядок. Силовые режимы приходят к власти в традиционно горячих точках, и между государствами и населением, поставленным на грань физического выживания, разгораются локальные войны за продовольствие и воду.

- Террористические группы, люди, занимающиеся распространением ядерного оружия, наркоторговцы и организованные криминальные синдикаты образуют альянсы с беспринципными предпринимателями для продажи оружия, наркотиков и товаров первой необходимости по завышенным ценам. Правительства отслеживают террористов и нападают на страны, подозреваемые в их укрывательстве, но еще больше террористов приходят на место уничтоженных или заключенных под стражу преступников.

- Сторонники агрессивной политики и лоббисты от вооруженных сил настаивают на использовании мощного оружия для защиты территорий и интересов богатых стран. Локальные войны, в которых изначально используется обычное вооружение, перерастают в войны с использованием оружия массового поражения.

- Мировые взаимосвязанные и критически дестабилизированные экономическая, финансовая и политическая системы разрушаются. Окружающая среда с

нарушенными процессами воспроизводства и жизненно важным тепловым балансом теперь способна обеспечить пищей и водой лишь небольшую часть выжившего населения. Хаос и насилие охватывают людей и страны, как бедные, так и богатые.

Однако существует и другой сценарий.

2. Сценарий СИ (своевременных изменений).

- Опыт войн и террора вместе с растущей бедностью и опасностью изменения климата дают толчок ко всеобщему осознанию того, что пришло время перемен. Постепенно в странах мира образуются сначала небольшие, но со временем быстро растущие сообщества людей, сплотившихся для противостояния угрозам глобального кризиса и использования появившихся вследствие кризиса возможностей для перемен.

- Подъем общественных движений в защиту устойчивого развития и мира приводит к избранию тех политических лидеров, которые поддерживают проекты по экономической кооперации и солидарности. Прогрессивные правительства отслеживают опасные тенденции и предоставляют финансирование для срочных экономических, экологических и гуманитарных проектов.

- Неправительственные организации объединяются для реализации проектов по восстановлению регионов, пострадавших от экологической деградации. Странам и регионам, пострадавшим от засухи, сильных ураганов, затопления прибрежных областей и неурожая, выделяются резервные фонды.

- Сокращаются, а в некоторых странах ликвидируются военные бюджеты, и полученные «мирные дивиденды» направляются на производство основных продуктов питания, питьевой воды, выработку необходимого количества энергии и обеспечение минимального уровня санитарии и здравоохранения для нуждающегося и малоимущего населения.

- Постепенно при производстве энергии страны переходят от использования ископаемого топлива к альтернативным источникам, уменьшая выброс парниковых газов в атмосферу и замедляя процесс глобального потепления. На передний план выходит объединенная в глобальную сеть система возобновляемых энерго-ресурсов, что способствует производству продуктов питания, обеспечивает энергией процессы опреснения и фильтрации морской воды и помогает маргинализированным слоям населения выбраться из порочного круга бедности.

- Ведущие компании объединяют классическое стремление к выгоде и росту с экологической и социальной ответственностью. По инициативе просвещенных управленцев формируется свободная саморегулирующаяся социальная рыночная экономика, а вновь избранные прогрессивные политики всемерно ее поддерживают.

- Когда начинают функционировать новая энергосистема и саморегулирующаяся социальная рыночная экономика, все страны и экономики получают доступ к экономической деятельности и техническим и финансовым ресурсам. Разочарование, негодование, враждебность и недоверие уступают место духу сотрудничества, освобождая разум и развивая творчество нового поколения людей, мыслящих глобально и активных на местном уровне. Человечество продвигается по пути создания мирной и устойчивой, разнообразной и в то же время единой общепланетарной цивилизации.

Выбор между этими двумя сценариями еще не сделан. Судя по текущей ситуации, мы движемся по пути сценария ББИ, хотя все больше людей осознают и ищут возможности перехода к сценарию своевременных трансформаций. Вопрос в том, сколько времени потребуется для такого перехода. Временной интервал для принятия решения ограничен: когда состояние сложной открытой системы достигает критической точки, система становится хаотичной и либо преобразуется, либо разрушается. Чем дольше откладываются преобразования, тем труднее становится их осуществить.

Чтобы определить реальное временное окно для принятия решения, мы должны принять в расчет время, за которое отдельные тенденции достигают критической фазы, а также их взаимодействие и обратную связь.

I. Развитие отдельных тенденций. По некоторым оценкам временной интервал, когда угрожающие жизни тенденции достигнут критической точки, сместился с конца века до середины, а для отдельных тенденций – до ближайших десяти-двадцати лет.

Например, уровень моря повышается в полтора раза быстрее, чем прогнозировалось в Третьем докладе МГЭИК об оценке, опубликованном в 2001 г. Прогнозы, опубликованные в конце 2008 г., предполагают подъем уровня моря вдвое больше предсказанного в Четвертом докладе МГЭИК об оценке подъема на 0,59 м.

Уровень выброса углекислого газа и скорость развития процессов глобального потепления также превзошли ожидания. Уровень выброса CO₂ возрос с 1,1 % в период с 1990 до 1999 г. до более 3 % в период с 2000 до 2004 г. Начиная с 2000 г. уровень роста загрязнения был выше, чем предполагал любой из сценариев МГЭИК, опубликованных в Третьем и Четвертом докладах.

Потепление атмосферы также происходило быстрее, чем ожидалось. В 1990-е гг. в прогнозах говорилось о всеобщем потеплении максимум на 3 °С к концу века. Затем временной интервал для такого потепления сократился до середины века, а в настоящее время некоторые эксперты прогнозируют, что это может случиться в течение десяти лет. В то же время прогноз максимального повышения температуры при глобальном потеплении изменился с 3° до 6°. Это существенная разница. Повышение на 3° может вызвать значительные нарушения в человеческой жизни и экономической деятельности, но потепление на 6° может сделать большую часть планеты непригодной для производства пищи и крупномасштабного заселения.

II. Обратная связь и взаимодействие. Во многих прогнозах, касающихся критической точки, учитываются только отдельные тенденции: глобальное потепление и сопутствующее изменение климата; качество воды и ее доступность; производство продуктов питания и экономическая самодостаточность; жизнеспособность городов; бедность и перенаселение; качество воздуха и минимальные санитарные стандарты и пр. Таким образом, упускается из вида вероятность того, что критическое состояние одной из тенденций может ускорить развитие другой тенденции до критического уровня.

Существует множество обратных связей и взаимодействий между основными тенденциями, относящимися как к биосфере, так и к состоянию человеческого сообщества.

В биосфере все тенденции, воздействующие на человеческую жизнь и благополучие, также оказывают влияние на циклы, которые поддерживают экологию

планеты на уровне, пригодном для жизни людей. Это касается глобальных циклов, связанных с водными запасами и углеродом: изменение этих циклов под влиянием одной из тенденций воздействует на развитие другой тенденции. Например, увеличение количества углекислого газа в атмосфере ведет к глобальному потеплению, что влияет на количество осадков и рост лесов. Это, в свою очередь, уменьшает способность биосферы поглощать углерод. Последствия также затрагивают воздух и океанические течения. Теплая вода в океане провоцирует циклоны и сильные ураганы, изменяя направление главных океанических течений, таких как Гольфстрим и течение Гумбольдта. Это запускает дальнейшие изменения климата.

Обратная связь существует и между экологическими и социальными тенденциями. Например, нагревание атмосферы вызывает продолжительную засуху в одних регионах и затопление прибрежных районов в других. Голодающие и оставшиеся без крова люди вынуждены мигрировать из наиболее пострадавших районов в более благополучные, создавая критические условия еще и в этих регионах. Ухудшение качества воздуха в городских и промышленных мегакомплексах ниже минимально допустимого уровня вызывает нарушения здоровья людей, а также распространение эпидемий на больших территориях. Упадок финансовой системы влияет не только на банки и фондовые биржи, но и отражается на объемах промышленного производства и торговли по всему миру, создавая критические условия прежде всего для беднейших стран и экономик.

Взаимодействие глобальных тенденций уменьшает реально существующий временной интервал для принятия решения. Невозможно точно предсказать, сколько времени потребуется для осуществления значимых перемен, но вследствие обратных связей и взаимодействия тенденций, похоже, его меньше, чем рассчитывалось в прогнозах критических точек для отдельных тенденций. Время принятия решений может наступить через десять лет, а может и раньше – предположительно к концу 2012 г., совпадая со знаменитым пророчеством майя, которое предсказывает если не конец, то значительное изменение нашего мира.

Перевод с английского М. С. Картузовой

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ

Степин В. С.

акад. РАН, руководитель секции философии,
социологии, психологии и права отделения Общественных наук РАН.

E-mail: rphs@iph.ras.ru

Анализируются новые перспективы взаимодействия культур. Утверждается необходимость альтернативной стратегии глобализации, которая должна быть связана с поиском новых ценностных ориентиров и новых путей цивилизационного развития. Показано, что в системе ценностей западной культуры вектор человеческой активности направлен вовне, на преобразование мира, тогда как восточная традиционалистская система ценностей полагает человека включенным в организм природы. Делается вывод, что синтез этих двух противоположных представлений будет связан с корреляцией, взаимной зависимостью этих двух векторов.

Ключевые слова: культура, глобализация, ценности, диалог, модернизация, традиция, рынок, технологии, стратегия.

The new perspectives of cultural interaction are analyzed. The author argues the need of an alternative globalization strategy that should be aimed at searching a new value system and new ways for civilizational development. It is shown that within the value system of Western culture the human activity vector is oriented outside; while the Eastern conventional value system supposes the man to be included in the nature. It is concluded that the synthesis of these two opposite views will be connected tightly with correlation, interdependence of these two vectors.

Keywords: culture, globalization, values, dialogue, modernization, tradition, market, technology, strategy.

Великие достижения цивилизации часто возникали при взаимодействии различных культурных традиций. «Греческое чудо» обязано встрече античных традиций и восточных культур. Греческая математика возникла как результат синтеза античной философии и логики с достижениями математики Египта и Вавилона.

Грандиозные трансформации европейской культуры в эпоху Ренессанса и последующих эпох Реформации и Просвещения были продуктом встречи достижений христианской культуры с переоткрываемой культурой античного мира.

В наше время глобализации создаются новые перспективы взаимодействия культур. И от того, как будут протекать эти взаимодействия, зависят судьбы цивилизации.

Современная глобализация выростала из процессов модернизации, которые начались достаточно давно. Они были связаны с заимствованием западных технологий традиционалистскими обществами. Вместе с технологиями заимствовались породившие их пласты западной культуры, которые трансплантировались в

традиционалистскую почву. В этой связи уместно вспомнить высказывание Герцена относительно последствий для отечественной культуры первой российской модернизации – петровских реформ. Герцен писал, что на реформы Петра I Россия ответила своеобразно – более чем через сто лет гением Пушкина. Н. Бердяев, продолжая эту мысль, отмечал, что весь «золотой век» русской культуры и ее Серебряный век были ответом на реформы Петра I. Это действительно так. Встреча разных культур всегда приводит к инновационным всплескам и великим творениям.

Модернизации переводят традиционалистские общества на путь техногенного развития, сохраняя при этом фрагменты традиционалистской культуры и порождая проблемы их адаптации к новым ценностям. Так было в истории России, Японии, Китая. Эти же особенности можно зафиксировать в новейшей истории Индии, Бразилии и других стран, осуществляющих модернизационные процессы.

Когда мы говорим о современной глобализации, то речь идет о взаимодействии стран разного цивилизационного типа. Еще сохранились государства, где доминируют черты традиционалистского типа, есть общества, породившие техногенный тип развития (Запад) и далеко продвинувшиеся на этом пути, и есть страны, перешедшие на этот путь благодаря процессам модернизации (Россия, Япония, Китай, Индия, ряд стран Латинской Америки).

В процессах модернизации, которые осуществлялись в индустриальную эпоху, культура техногенных обществ позиционировала себя в соответствии с идеалом прогресса как символ более высокой ступени развития по сравнению с традиционными культурами. Эта же позиция пока доминирует и в современных процессах глобализации.

На этот сценарий работают: а) современная организация мирового рынка; б) политические и военно-политические факторы, связанные с доминирующей ролью США; в) агрессивная трансплантация массовой культуры в различные страны и регионы планеты.

Массовая культура укоренялась в техногенных обществах в связи с преобразованиями повседневной жизни, вызванными урбанизацией, разрушением традиционалистских общинных отношений, распространением массовых форм образования. Стандартизация производства и потребления, возникновение индустрии детского воспитания, медицинского обслуживания, досуга и развлечений превратили массовую культуру в реальный регулятор повседневной жизни населения. Массовая культура вытесняет и трансформирует народную культуру, которая была основой социальной жизни в традиционных обществах.

Во второй половине XX в. массовая культура стала не только выразителем, но и своего рода пропагандистом идеалов потребительского общества. Ее внедрение в культуру обществ, сохранявших самобытные традиции, создает угрозу утраты этой самобытности. Глобальная трансляция массовой культуры сегодня выступает особым средством утверждения ценностей «проекта модерн», видоизмененных в эпоху общества потребления.

В принципе эффективность модернизации, основанной на копировании западных образцов, сегодня подвергается серьезным сомнениям. Тезис западных идеологов глобализации: «Делайте как мы, и вы будете жить как мы» – содержит большую долю лукавства. Рост благосостояния людей в экономически развитых обществах потребления связан с постоянным повышением уровня энергопотребления. Энергетические затраты растут даже с учетом внедрения все более эффек-

тивных энергосберегающих технологий. Подсчитано, что если бы в наше время все человечество перешло на тот уровень энергопотребления на душу населения, который реализован в США, то уже освоенные и разведанные на сегодня энергоресурсы были бы исчерпаны буквально на протяжении жизни одного поколения.

К этому следует добавить, что прямо пропорционально росту энергопотребления возрастает и загрязнение природной среды. Если предположить, что все человечество реализовало бы стандарты потребления развитых стран Запада, то экологическая катастрофа произошла бы за считанные годы (а может быть, даже и месяцы).

В 90-х гг. XX столетия была сформулирована концепция, согласно которой поддержание современного уровня потребления, характерного для экономически развитых стран, возможно только для «золотого миллиарда» жителей планеты. Из пропагандистских целей эта концепция сегодня практически не упоминается в западных СМИ. Но реальные стратегии современной глобализации пока разворачиваются в соответствии с этой концепцией.

Вместе с тем большинство развивающихся стран вряд ли удовлетворятся положением, когда их население заранее обречено быть за пределами «золотого миллиарда». Сегодня Китай вышел на второе место в мире по валовому продукту производства, но по уровню доходов на душу населения он многократно уступает развитым странам Запада. Большинство интенсивно развивающихся стран ставят своей целью повысить уровень потребления на душу населения, а в идеале – сравняться по этому показателю со странами Запада. Но поскольку существуют объективные энергетические и экологические ограничения этого процесса, то такие цели вряд ли могут быть реализованы без дальнейшего обострения глобальных кризисов. Это означает, что необходима альтернативная стратегия глобализации, которая должна быть связана с поиском новых ценностных ориентиров и соответственно новых путей цивилизационного развития.

Взаимодействие культур в двух упомянутых стратегиях (уже реализуемой и возможной альтернативной) имеет разную направленность. В первом случае взаимодействие культур ориентировано на тот тип модернизации, в котором страны, достигшие больших успехов в техногенном развитии, предлагают свою версию техногенных ценностей и свой образ жизни как идеалы и образцы, которые должны быть восприняты менее развитыми странами. Во втором случае на смену односторонней трансплантации ценностей приходит диалог культур, предполагающий равноправное партнерство и уважение к культурным традициям. Диалог культур в этом случае обретает своего рода сверхзадачу – отыскать ценности, обеспечивающие выход из глобальных кризисов.

Чтобы продвинуться в этом направлении, нужно первоначально определить то общее, что может стать основой взаимопонимания культур. Здесь возможны два подхода. Первый из них акцентирован на выявлении общечеловеческого в различных культурных традициях. Предполагается, что наличие общечеловеческой компоненты обеспечит диалог культур. Но все дело в том, что общечеловеческое в разных культурах имеет свои особые интерпретации. Оно сплавлено с пластами смыслов, которые характеризуют историческую специфику той или иной культурной традиции. И сама попытка отделить общее от особенного в культуре наталкивается на сопротивление, поскольку люди идентифицируют себя как народ, этнос, социальную группу именно в связи с особенностями, отличающими их от людей другой культурной традиции.

Диалог культур в этом подходе предполагает границы взаимовлияния, где особенности каждой культуры должны быть признаны, и к ним необходимо уважительно относиться. Здесь создаются предпосылки взаимопонимания культур, но не просматриваются возможности изменения базисных ценностей, их разделяющих.

Во втором подходе к диалогу культур границы особенностей, определяющие самобытность культур, предстают как исторически изменяющиеся, а традиции – как переосмысливаемые. В этом случае анализ акцентирован на выявлении тенденций изменения традиций. И в этой связи возникает вопрос о предпосылках формирования точек роста новых ценностей как условия преодоления глобальных кризисов.

Точки роста новых ценностей – это такие состояния культуры, в которых зарождаются новые мировоззренческие смыслы, могущие быть воспринятыми различными культурами, в том числе и сохранившими стереотипы традиционалистских ментальностей.

Принципиально важно обнаружить эти точки роста в различных сферах техногенной культуры – в политическом и правовом сознании, искусстве, религии, нравственности, и главное – в характере научной и технологической рациональности. Главное потому, что научно-технологическое развитие выступает сердцевинной техногенной цивилизации, основой ее изменения и формирования новых состояний социальной жизни. Именно в научно-технологическом развитии переплетены связи фундаментальных ценностей техногенной культуры – креативной деятельности, научной рациональности, отношения к природе как ресурсу для преобразующей деятельности, понимания власти как контроля над природными и социальными объектами.

Эти же мировоззренческие установки определяют приоритетную значимость в жизни общества его экономической сферы. Экономическое развитие и научно-технический прогресс рассматривались как два теснейшим образом взаимосвязанных фактора, которые определяют социальный прогресс. В техногенной культуре он интерпретируется прежде всего как рост общественного богатства и повышение уровня потребления. Доминирующие этические и социально-политические идеи были направлены на обоснование этих ценностей как приоритетов человеческой жизнедеятельности. Возникновение глобальных кризисов и осознание их опасности приводит к проблематизации этих установок.

В современных философских и социальных исследованиях уже не раз высказывалась мысль о необходимости изменить стратегию такого отношения к природе, которое лежит в основе современного экономического развития. Эти идеи разрабатывались еще в исследованиях Римского клуба. Известны также разработки экологической этики, в рамках которой наиболее радикальные направления провозглашают отказ от идеала господства человека над природой. Выдвигается альтернативный идеал, согласно которому мы не должны относиться с чувством превосходства к животным и растениям, видеть в них только средство нашего жизнеобеспечения. Эти мысли о новой этике имеют немало сторонников. Из западных авторов я бы выделил работы Б. Калликота, Л. Уайга, Р. Атфильда. И, конечно же, в качестве первоисточника справедливо упомянуть идеи А. Швейцера о благоговении перед жизнью. Сегодня предпринимаются попытки расширить понимание категорического императива, применяя его не только в сфере нравственных отношений людей, но и в отношении человека к живой природе. Рассужде-

ния о новом отношении к природе сопровождаются у большинства исследователей и интеллектуалов, отстаивающих идеи новой этики, ссылками на опыт традиционных восточных культур, на бережное отношение к природе, свойственное традиционным обществам.

Но каковы возможности укоренения этой системы новых мировоззренческих образов и этических регулятивов в массовом сознании? Ведь они во многом ориентируют скорее на созерцательное отношение к природе, более свойственное традиционным, чем техногенным культурам. Однако возврат к традиционалистскому типу развития невозможен. Он смог обеспечить жизненными благами лишь небольшую часть населения Земли. В эпоху Ренессанса, когда готовился старт техногенной цивилизации, на всей Земле жило примерно 500 млн человек. А сейчас – более 6 млрд, и без современных технологий невозможно даже минимальное жизнеобеспечение населения планеты. Кроме того, не следует забывать, что бережное отношение к природе, благоговение перед ней в традиционных культурах сопрягались с определенным пренебрежением к человеку, жизнедеятельность которого в шкале ценностных приоритетов была на вторых ролях. Поэтому, когда мы говорим о возможностях восточных культур, отношение к ним должно быть избирательным, а свойственная западной цивилизации приоритетная ценность человека, его духа и его деятельности, судя по тенденциям постиндустриального развития, должна сохраниться, обретая новые измерения.

Я думаю, что в будущем наше отношение к природе не сведется к созерцанию и адаптации к ней. Человек по-прежнему будет видоизменять природу. Весьма вероятно, что преодоление экологического кризиса будет связано не с сохранением дикой природы в планетарном масштабе (что уже сегодня невозможно без резкого, в десятки раз, сокращения населения Земли), а с расширяющимся окультуриванием природной среды. В этом процессе важную роль будут играть не только природоохранные меры, направленные на сохранение тех или иных естественных локальных экосистем, но и созидание новых биогеоценозов, обеспечивающее необходимый уровень их разнообразия как условия устойчивости биосферы. Вполне возможно, что в этом благоприятном для человечества сценарии окружающая нас природная среда все больше будет аналогичной искусственно созданному парку или саду, который уже не сможет воспроизводиться без целенаправленной деятельности человека.

И в этом будет состоять предназначение человека, который так изменил облик планеты, что стал реальной силой, определяющей сохранение биосферы. В принципе эти идеи высказывали русские философы-космисты. Они были развиты в работах В. И. Вернадского.

В системе ценностей и мировоззренческих образов техногенной (западной) культуры вектор человеческой активности направлен вовне, на преобразование мира. Восточная традиционалистская система ценностей полагает человека включенным в организм природы, как бы растворенным в ней; вектор человеческой активности ориентирован не столько вовне, сколько вовнутрь, на самовоспитание, самоограничение, включение в традицию.

Я думаю, что синтез этих двух противоположных представлений будет связан с корреляцией, взаимной зависимостью этих двух векторов. Это будет не западная и не восточная система ценностей, а нечто третье, синтезирующее достижения современной техногенной культуры и некоторых идей традиционных культур, обретающих сегодня новое звучание.

Предпосылки такого синтеза возникают не только благодаря осознанию опасности экологической и антропологической катастрофы, угрозе грядущего апокалипсиса, стимулирующей поиск новых ценностей и этических регулятивов. Эти предпосылки порождаются также и современными тенденциями научно-технического развития.

Сегодня на переднем крае науки и технологической деятельности формируется новый тип рациональности. Он связан с интенсивным научным и технологическим освоением принципиально новых типов объектов, представляющих собой сложные саморазвивающиеся системы.

Стратегия деятельности с саморазвивающимися системами неожиданным образом порождает переключку между культурой западной цивилизации и традиционными восточными культурами. Было время, когда новоевропейская наука отторгала картины мира традиционалистских культур как противоречащие научному взгляду на мир. Но сегодня ситуация изменилась, и многие мировоззренческие идеи традиционных восточных культур начинают коррелировать с современными научными взглядами.

Здесь я обычно выделяю три основных момента [Stepin 2005: 357–369].

Во-первых, восточные культуры (как и большинство традиционалистских культур) всегда исходили из того, что природный мир, в котором живет человек, это живой организм, а не обезличенное неорганическое поле, которое можно перепахивать и переделывать. Долгое время новоевропейская наука относилась к этим идеям как к пережиткам мифа и мистики. Но после развития современных представлений о биосфере как глобальной экосистеме выяснилось, что непосредственно окружающая нас среда действительно представляет собой целостный организм, в который включен человек. Эти представления уже начинают в определенном смысле резонировать с организмическими образами природы, свойственными и древним культурам.

Во-вторых, объекты, которые представляют собой развивающиеся человеко-размерные системы, требуют особых стратегий деятельности. Эти системы наделены синергетическими характеристиками, в них существенную роль начинают играть несиловые взаимодействия, основанные на кооперативных эффектах. В точках бифуркации незначительное воздействие может радикально изменить состояние системы, порождая новые возможные траектории ее развития.

Установка на активное силовое преобразование объектов при действии с такими системами не всегда является эффективной. При простом увеличении внешнего силового давления система может воспроизводить один и тот же набор структур и не порождает новых структур и уровней организации. Но в состоянии неустойчивости, в точках бифуркации часто небольшое воздействие – укол в определенном пространственно-временном локусе – способно порождать (в силу кооперативных эффектов) новые структуры и уровни организации [Курдюмов 1990: 6–7]. Этот способ воздействия напоминает стратегии ненасилия, которые были развиты в индийской культурной традиции, а также действия в соответствии с древнекитайским принципом «у-вэй»^{*}.

^{*} Древнекитайская притча о «мудреце», который, пытаясь ускорить рост злаков, стал тянуть их за веревочки и вытянул из земли, наглядно иллюстрировала, к чему может привести нарушение принципа «у-вэй».

В-третьих, в стратегиях деятельности со сложными, человекообразными системами возникает новый тип интеграции истины и нравственности, целерационального и ценностно-рационального действия. В западной культурной традиции рациональное обоснование полагалось основой этики. Когда Сократа спрашивали, как жить добродетельно, он отвечал, что сначала надо понять, что такое добродетель. Иначе говоря, истинное знание о добродетели задает ориентиры нравственного поведения.

Иной подход характерен для восточной культурной традиции. Там истина не отделялась от нравственности и нравственное совершенствование полагалось условием и основанием для постижения истины. Истина открывается только нравственным людям. Напомню, что один и тот же иероглиф «дао» обозначал в древнекитайской культуре закон, истину и нравственный жизненный путь. Когда ученики Конфуция спрашивали у него, как понимать «дао», он давал каждому разные ответы, поскольку каждый из его учеников прошел разный путь нравственного совершенствования.

Одной из древнейших и фундаментальных в китайской философии была идея космического значения моральных качеств человека. Размышляя о резонансе всех частей Космоса, китайские мудрецы считали, что путь в образе *дао* или *неба* регулирует поступки людей, но *небо* «может и повернуться лицом к человеку, и отвернуться от него». Не случайно китайцы говорят, что «*небо* действует в зависимости от поступков людей» [Го Юй 1987: 298]. Стихийные бедствия в Древнем Китае воспринимались как свидетельства неправильного правления, как показатель безнравственного поведения властителей, за что *небо* и отворачивается от человека [Григорьева 1983: 128].

Конечно, если эти идеи понимать буквально, то они выглядят мистически. Но в них скрыт и более глубокий смысл, связанный с требованием этического регулирования познавательной и технологической деятельности людей (включая технологии социального управления). И в этом, более глубоком, смысле они вполне созвучны современным поискам новых мировоззренческих ориентиров цивилизационного развития.

Новый тип рациональности, который в настоящее время утверждается в науке и технологической деятельности и имманентно включает рефлексию над ценностями в научный поиск, резонирует с представлениями о связи истинности и нравственности, свойственными традиционным восточным культурам.

Сказанное, конечно, не означает, что тем самым принижается ценность рациональности, которая всегда имела приоритетный статус в западной культуре. Тип научной рациональности сегодня изменяется, но сама рациональность остается необходимой для понимания и диалога различных культур, который невозможен вне рефлексивного отношения к их базисным ценностям. Рациональное понимание делает возможными позиции равноправия всех «систем отсчета» (базовых ценностей) и открытости различных культурных миров для диалога. В этом смысле можно сказать, что развитые в лоне западной культурной традиции представления об особой ценности научной рациональности остаются важнейшей опорой в поиске новых мировоззренческих ориентиров, хотя сама рациональность обретает новые модификации в современном развитии. Ее жесткое противопоставление многим идеям традиционных культур сегодня во многом теряет смысл.

Таким образом, на переднем крае научно-технологического развития в связи с освоением сложных саморазвивающихся систем возникают точки роста новых ценностей, что открывает новые перспективы для диалога культур.

Проблемные ситуации, затрагивающие базисные ценности техногенной культуры, возникают сегодня и в сфере мировой экономики.

Во второй половине XX в. в экономически развитых странах Запада возник особый вариант капитализма – общество потребления. Основной принцип экономики этого общества гласит: «Чем больше мы потребляем, тем лучше это для экономики». Потребление порождает спрос, спрос стимулирует новый виток экономического развития. Возникает система с обратной связью. Удовлетворение спроса порождает новый спрос, что обеспечивает рост экономики.

В середине XX в. западные теоретики рынка, социологи и философы обосновывали этот принцип как выражение справедливости. Известная концепция Дж. Роулза соотносила идею регуляции социально-экономического неравенства с повышением уровня потребления «нижних страт» общества и возможностью подтягивать их до уровня среднего класса благодаря новому циклу наращивания общественного богатства.

Идеологами рынка были предложены механизмы повышения потребительского спроса. Виктор Лебов, один из исследователей и пропагандистов свободного рынка, еще в середине XX в. писал, что необходима особая система человеческого сознания, направленная на повышение потребительского спроса. Наряду с расширением рекламы и в ее рамках нужно постоянно менять моду на вещи. В. Лебов полагал так изменить пропаганду рынка в СМИ, чтобы приучать людей потреблять, изнашивать и заменять вещи со все возрастающей быстротой. Это выгодно для экономики. Кстати, сегодня эта установка практически реализовалась. Многие производители товаров намеренно так упрощают технологии, чтобы товары быстрее изнашивались, и у потребителей был стимул покупать новые. Как отмечает Э. Ласло, современная цивилизация за пятьдесят последних лет потребила столько же товаров и услуг (по стоимости в неизменных ценах), сколько все предыдущие поколения, вместе взятые [Ласло 2004: 70].

Понятно, что такая система экономики может развиваться только поглощая все большее и большее количество природных ресурсов и увеличивая масштабы загрязнения окружающей среды.

Второй механизм повышения спроса связан с расширением практики дешевого кредитования. Это жизнь в рассрочку, в долг.

Во второй половине XX в. широкие масштабы приобрело кредитование не отдельных лиц, а корпораций и стран. Расширяющийся обмен валют и биржевые спекуляции превратили деньги в особый товар. Возник посредник обмена этого нового товара – мировая валюта. Ею стал доллар США. И тогда изготовление этого нового товара стало источником прибыли. На рынке появилась огромная денежная масса, не обеспеченная товарами и услугами. США, увеличивая эмиссию доллара и выпуск государственных бумаг, получили возможность кредитовать сами себя, постоянно наращивая уровень потребления. Возник феномен супердержавы, обладающей огромной военной мощью, которая живет в рассрочку. Долг США сегодня составляет больше 14 триллионов долларов. Тем не менее это государство продолжает политику увеличивающегося бюджетного дефицита, наращивая расходы и обеспечивая рост потребления.

Но жить в долг – это значит жить за счет будущих поколений. В результате принцип «Чем больше мы потребляем, тем лучше это для экономики» перестает быть справедливым. Как регулятор экономического развития он был санкционирован логикой техногенной культуры. Однако сегодня этот принцип проблематизируется.

По существу, он лежит в основе превращения финансовой сферы в особую экономику, жестко не связанную с производством товаров и услуг. Современный финансовый кризис порожден разделением этих двух сфер экономической жизни. И пока оно существует и углубляется, подобные кризисы будут повторяться.

Известный футуролог Э. Ласло в своей книге «Макросдвиг» [русское издание: Ласло 2004] рассматривает принцип «Чем больше мы потребляем, тем лучше это для экономики» как путь к экологической катастрофе. Он отмечает, что новые стратегии развития цивилизации должны быть связаны с отказом от этого принципа. Но тогда возникает новая проблема: каковы возможности столь радикальных перемен? Здесь нужен специальный анализ тех изменений в структуре современной экономики, которые вносят экономика знаний, рост информационного потребления и возможности новых энергосберегающих технологий. Важно отметить перспективы внедрения в производство нового дизайна. Согласно этому подходу, вещь-товар проектируется как система, где есть долговременное качественное ядро и его оболочка из обновляющихся аксессуаров, которая изменяется в соответствии с изменяющейся модой. Такой подход открывает путь не только к экономии ресурсов, но и к преодолению провозглашенной В. Лебовым стратегии взаимодействия производства и потребления.

Важно также проанализировать возможности изменения структуры финансового рынка на путях международного контроля над мировой валютой, перехода к такому виду мировой валюты, которая, будучи наднациональной, одновременно не является валютой одной отдельно взятой страны.

Конечно, все эти процессы, затрагивающие фундаментальные принципы организации современной экономики, будут воздействовать на культуру. И нужен специальный анализ того, какие перспективы открывает этот сценарий для интенсификации диалога культур.

Точки роста новых ценностей могут возникать и в других областях техногенной культуры, в частности в религиозном и политико-правовом сознании. Примером таких точек роста в сфере религиозного сознания могут служить новые идеи протестантской теологии. Например, Х. Ролстон и А. Пиккок отстаивают идею, согласно которой Бог еще не закончил процесс творения мира, а творит его непрерывно: эволюция продолжается. Получается, мир не просто создан Богом, который смотрит на него как бы со стороны и наблюдает за ним. Бог – соучастник этого процесса, и сумма зла, творимого людьми на Земле, тоже оказывает влияние на этот процесс. Возникает представление о том, что человек ответственен за космическую эволюцию, влияя на нее добром или злом, которое сам творит. Эти идеи могут по-новому осветить принципы человеческой ответственности перед природой, перед собой и будущими поколениями. В ряде аспектов они перекликаются с идеями философии русского космизма.

Важно также внимательно присмотреться к тому, как меняется политическое сознание, какие проблемные ситуации там возникают. В свое время Уинстон Черчилль сказал, что демократия имеет множество недостатков, но ничего лучшего

человечество пока не придумало. Демократия действительно обеспечивает эффективное управление сложными социальными системами, поскольку предполагает многообразные обратные связи, корректирующие управленческие решения. При монархическом и автократическом способе правления эти связи резко ослабевают. Но в условиях быстрых перемен социальной жизни начинают обостряться и изъяны демократии. В современных условиях она ориентирует власть больше на тактические программы, чем на стратегические. Президент избирается на четыре, максимум на восемь лет (два срока), и он, естественно, думает о том, что сделает за этот короткий срок, какие реальные результаты может получить. Он тактически ориентирован, а нужна иная стратегия, потому что речь идет о планетарных переменных, меняющих состояние современного мира. Должна быть ответственность человека перед будущими поколениями, а не просто сиюминутная борьба за голоса избирателей.

Развитие новых технологий породило разнообразные практики программирования массового сознания. Особенно активно они применяются в период избирательных компаний. Действия людей в этих ситуациях внешне выглядят как добровольный выбор личности в демократическом обществе, но в реальности мы имеем дело с проявлением информационного насилия.

Вместе с тем новые технологии коммуникаций (Интернет, мобильные телефоны и т. д.) могут быть использованы и для совершенствования демократических институтов. Они создают новые возможности гласности, активного участия людей в политической жизни, организации массовых протестов против несправедливых действий властей и т. д.

Сегодня ускоренные темпы социального развития многое меняют в культуре и жизнедеятельности людей. Ряд базисных ценностей техногенной цивилизации проблематизируется, возникают точки роста новых ценностей. Их надо проанализировать, установить, насколько они жизнеспособны, какие последствия могут вызвать. Сегодня это уже не чисто абстрактные занятия, а практическая потребность определить возможные стратегии развития цивилизации. Я думаю, что реализация этой программы является наиболее перспективной задачей современного философского исследования и всего многообразия наук о культуре.

Литература

Го Юй. Речи царств. М., 1987.

Григорьева Т. П. Японская литература XX века. М., 1983.

Курдюмов С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1990.

Ласло Э. Макродвиг. М., 2004.

Stepin V. Theoretical Knowledge // SYNTHESE Library: Studies in Epistemology, Logic, Methodology, and Philosophy of Science. Vol. 326. Dordrecht, The Netherlands : Verl. Springer, 2005.

ПОНЯТИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Борzych С. В.

к. ф. н., доцент кафедры философии
Томского государственного архитектурно-строительного университета.

E-mail: c_tac@ngs.ru

В статье раскрываются вопросы, связанные с понятием глобализации. Аккумулируются общие для нее черты и описываются условия, при которых она разворачивается во времени и пространстве. Предлагается новое определение глобализации, опирающееся на понятие режима взаимности. Рассматриваются отличия между глобализмом и глобализацией, а также изучается проблемная ситуация выбора, в которую поставлены все современные общества.

Ключевые слова: *глобализация, холизм, статика, динамика, глобализм, Запад, Интернет, коммуникация.*

The article explores issues relating to the notion of globalization. There are accumulated its general features and described the conditions needed for its development within time and space. The new definition of globalization, basing on the notion of mutuality principle, is proposed. The author examines the difference between globalism and globalization and explores the problem situation of choice all modern societies face.

Keywords: *globalization, holism, statics, dynamics, globalism, the West, Internet, communication.*

Термин «глобализация» используется сегодня в огромном количестве публикаций, причем не только в научных, но и в околонучных и публицистических изданиях. Однако многие авторы используют его в своих построениях, не предлагая точного определения. Безусловно, мы можем интуитивно понять, что стоит за этим словом, но такой подход выглядит, мягко говоря, неряшливым, а то и вовсе неприемлемым.

Вместе с тем необходимо особо отметить тот факт, что данный термин употребляется учеными не в произвольном порядке, но наделяется, по сути, одинаковыми для всех значением и содержанием. Целью этой статьи и является раскрытие общих для всех исследований черт и особенностей глобализации, позволяющих дать ей точное и исчерпывающее определение.

Прежде чем приступить к этой задаче, нам хотелось бы особо подчеркнуть, что отечественные работы все же имеют некоторое преимущество перед иностранными, главным образом западными, аналогами. Они входят в проблему глубже и основательнее, что помогает приблизиться к той точке, за которой и следует искомое определение. Однако и российские ученые все же не до конца последовательны, и мы в меру своих способностей и возможностей постараемся устранить данный недостаток.

Век глобализации 2/2011 18–31

Давая определение понятию глобализации, большинство исследователей согласны друг с другом сразу по нескольким параметрам. Во-первых, они признают факт причастности глобализации ко всему в мире. Эта причастность, правда, не должна пониматься в духе всеобщей тотальности. Если что-либо происходит на одном конце света, это не означает, что и во всем остальном мире произойдет в точности то же самое. Доступность, которую предоставляет глобализация, позволяет следить за всем и всеми. В этом заключается смысл причастности.

Действительно, сама этимология слова «глобализация» свидетельствует в пользу необходимости рассмотрения процессов, протекающих по всему земному шару, а не в отдельных его регионах или участках. Поэтому и конечное определение должно содержать в себе отсылку именно к всепланетарным явлениям, пусть и локального масштаба.

Во-вторых, следуя букве работы А. Н. Чумакова [2009], мы должны обратить внимание на связность или целостность различных сфер жизни в современном мире, или, выражаясь более академично, на холистичность глобализации, когда она рассматривается как «многовековой естественно разворачивающийся процесс становления единых для всей планеты биосоциальных структур, связей и отношений» [Там же: 87]. Сегодня, в эпоху все более активно разворачивающейся глобализации, уже нельзя разделять сферы жизни человека и общества, изучая их как не зависящие друг от друга образования. Следовательно, наше определение данного термина обязано нести в себе указание на соединения, пронизывающие всю сложную систему глобализации.

В-третьих, работы, посвященные обозначенным проблемам, говорят о динамичности глобализации, но не о ее статичности. Глобализация является процессом¹, то есть имеет черты, свойственные именно динамическим системам. Нельзя упускать из виду и само слово «глобализация», которое опять же в свете своей этимологии ясно говорит именно о процессе. А это значит, что наше определение должно учесть и эту ее особенность.

Наконец, последнее и наиболее важное. Используемые определения и понятия глобализации очень часто содержат в себе упоминания о взаимности. Как правило, говорят о том, что глобализация является взаимопроникновением, взаимовлиянием, взаимосвязанностью. Акцент на взаимности, следовательно, делает почти каждый исследователь. И, по-видимому, именно здесь и скрыта основная особенность глобализации. Мы также не имеем права обойти эту важную характеристику в своем определении.

Таким образом, можно сказать, что само понятие, как и определение термина глобализации, обязательно должно иметь указания на всемирный масштаб, на холистичность, динамичность и, наконец, на взаимность. Со всей очевидностью предварительное, рабочее, определение будет гласить следующее: глобализация – это всемирный процесс, каким-то образом связанный с единством сфер существования землян и их способностью к взаимности. Хотя данная версия явно не полна, она уже содержит многие важные параметры. Рассмотрим их по порядку, сопровождая наши размышления изучением необходимых для их реализации инструментов.

Что означает всемирность глобализации? Безусловно, ее нельзя понимать исключительно или преимущественно в рамках масштаба. Глобальный не значит

¹ Несмотря на разную логику работ, можно указать следующие [Федотова 2005: 228; Население... 2004: 30].

затрагивающий решительно каждого жителя нашей планеты, о чем мы уже упоминали. Подобное определение не было бы ничем новым. Конечно, мы не станем отрицать того, что многие события, какими бы отдаленными от нас они ни были, воздействуют на нас, заставляя принимать их в расчет в своей повседневной деятельности. Однако вместе с этим необходимо указать, что в современном мире мы имеем возможность отстраниться от того, что напрямую с нами не связано.

Многие авторы указывают на то, что локальность сегодня становится глобальной. У. Бек даже ввел для этого явления новый термин – глокализация [Бек 2001]. По сути, можно говорить о том, что всякий местный агент – одиночный или коллективный – имеет возможность показать себя с одновременной способностью к сокрытию. Масштаб происходящих ныне перемен необходимо связать с таким пониманием всемирности. Она означает потенциальную, то есть реализуемую исключительно по своему желанию, возможность быть явленным всему земному шару.

Какой инструментарий должен быть реализован, чтобы всемирность случилась? Развитие мира, прежде всего западного, в последние несколько десятилетий предоставляет необходимые способы воплощения ее в действительность. Разумеется, мы имеем в виду два канала связи между людьми – сугубо физический, включающий в себя все виды транспорта, а также обязательную в таких случаях инфраструктуру, и информационный – от сети Интернет до знания о возможности передвижения и установки связи.

Первый канал помогает людям не только оказываться в нужном им месте в нужное же время, но и получать востребованные ими товары и предметы потребления. Наличие широких и развитых транспортных артерий, пересекающихся в некотором количестве центральных узлов, резко повышает шансы всякого человека заявить о себе на весь мир. Однако не стоит забывать и о том, что подобная возможность является всего лишь потенциальной и не обязательно переходит в разряд действительных.

Второй канал более демократичен, так как связан с меньшими расходами по его эксплуатации. Связываясь с любым другим человеком на Земле, заявить о себе становится значительно проще. К тому же нельзя упускать из поля зрения и наличие так называемых социальных сетей, то есть сообществ в Интернете. Другой составляющей этого канала является доступность и качественность информации. И здесь дела обстоят не столь хорошо, как хотелось бы многим из нас. Отсутствие необходимых физических предметов – от персонального компьютера до широкополосного кабеля – несколько ослабляет возможный положительный эффект наличия данного фактора. К тому же сами свойства данных, а именно их зачастую крайне низкий уровень, превращают Интернет в буквальном смысле этого слова в помойку, на которую сваливают все, что только приходит в голову.

Холистичность также не должна пониматься только в духе связывания всего со всеми. При таком рассмотрении она оказывается всего лишь коллажем – набором часто бессмысленных сочетаний. Напротив, холистичность выводит нас за рамки бесполезных и ничего не приносящих соединений.

Здесь нам поможет аналогия с человеческой жизнью. Ее изучение, как и изучение современного мира в эпоху глобализации, возможно только в ее целостности, неразрывном единстве всех ее составляющих. Эти части не просто отличны друг от друга, что, безусловно, верно, но они еще служат дополнениями и орга-

ничными продолжениями друг друга. Например, экономика не может рассматриваться в отрыве от психологических мотивов человека [Зелизер 2004] или политических реалий общества [De Soto 2001], равно как и вне социальных устоев [Сен 2004; Истерли 2006]. Все это подводит нас к выводу о том, что мир един во всех своих проявлениях или, по крайней мере, движется в этом направлении.

Холистичность также во многом связана с доступностью и открытостью. Инструменты ее реализации лежат скорее на поверхности представлений человека о мире (или, более точно, в культуре), нежели в области каких-либо физических предметов, необходимых для того, чтобы она произошла. Если в прежние времена люди могли четко и ясно разграничивать различные сферы своей деятельности, то теперь это оказывается под большим вопросом. Сегодня уже невозможно игнорировать растущее взаимопереплетение отличных друг от друга сторон жизни.

Распространение демократии и западной культуры как таковой по всему миру как раз и служит тем инструментом, который объединяет людей по принципу одинакового воззрения на мир. Мы не станем говорить о недостатках этого процесса, укажем лишь на то, что такое движение позволяет рассматривать человечество именно как совокупность и систему, а также предполагает единство человечества. Таким образом, основной набор свобод и культурных смыслов помогает холистичности состояться, тогда как их нарушения или искажения, напротив, изолируют не только народы, но и возможность влияния разных сфер жизни друг на друга.

Процессуальность – наиболее понятная черта глобализации. С сожалением приходится констатировать, что современные ученые гуманитарного толка по большей части ориентируются на старые и уже изжившие себя инструменты изучения окружающей действительности. Статичные состояния, разумеется, проще. Динамика же нуждается в новых методах своего рассмотрения.

Глобализация действительно постоянно изменяется, а также изменяет окружающую нас среду. Как хорошо отметил З. Бауман, сегодня можно говорить о текучей современности [Бауман 2008] и понимать мир в категориях, связанных с движением, используя именно данную метафору. Это свидетельствует в пользу определения глобализации как неустойчивого, имеющего свою внутреннюю логику развития процесса, выходящего за рамки своих внешних проявлений.

Изменения отныне являются неотъемлемой чертой глобализации, они составляют саму ее суть. Все окаменевшее и застывшее более не востребовано и постоянно отстает от авангарда, а значит, оно мертво или, что одно и то же, никому не интересно. Инструментами реализации всех процессов, их движущей силой становятся мода, развитие технологий и, что может показаться несколько претенциозным, рынок, но не всякий, а капиталистического толка.

Спрос на все новое, безусловно, несет в себе огромный отрицательный заряд. Стоит хотя бы посмотреть на жизнь обычных людей, страдающих подобной зависимостью, и на так называемых звезд [Гийом 2008]. Но мы сосредоточим свое внимание на положительных аспектах этого явления. Постоянная смена одного фасона другим в конечном счете заставляет людей двигаться, причем не только от одной коллекции и дизайна к другим, но и чисто физически. Культ здорового тела ведет свое происхождение именно отсюда. То есть изменения начинаются отчасти и из моды, ею порождаются и ее же движут.

Технологии XXI в., конечно, вряд ли отличаются от своих предшественниц наличием такого качества, как движение. Наука вообще имеет склонность к постоянной аккумуляции знаний и переходу в новое для себя состояние. В конечном счете исследователи преследуют всего лишь одну цель – лучшее и более обстоятельное объяснение окружающего мира, что заставляет их отказываться от менее внятных схем в пользу более полных и объективных. Именно внутренняя логика развития самих наук и связанных с ними технологий позволяет находиться в вечном движении, что в итоге движет и большими массами людей, так или иначе нуждающихся в них и использующих их. В современном мире скорость изменений в науке и технике качественно возросла, что связано со многими обстоятельствами, а это, в свою очередь, заставляет глобализацию разворачиваться более энергично.

Рынок также имеет влияние на людей и глобализацию. Существующая ныне общемировая капиталистическая система вне зависимости от желаний индивидов включает их в себя. Обладая своей логикой и структурой, которые как раз и заставляют крутиться все ее шестеренки, она опосредованно принуждает к движению и нас, своих агентов. Опять же не станем рассматривать отрицательные стороны этого явления, просто укажем на то, что рынок, по крайней мере в своем нынешнем виде, очевидно причастен к процессу общемировых изменений.

Наконец, взаимность тоже не может быть понята слишком однобоко. Сразу необходимо отметить, что взаимность выражается не только в положительных категориях, вроде наиболее желанной ситуации в любви, но и в отрицательных, например при взаимной ненависти или вражде. И то и другое имеет место в глобализации, потому что, как будет показано ниже, она довольно безразлична к тому, как используются ее механизмы и возможности.

В этой связи нужно более внимательно присмотреться к взаимности – недаром мы указали на ее существенный вклад в деле понимания глобализации. Начнем с того, что взаимность априори невозможна в одиночку. Неважно, какова ее направленность, всегда присутствуют как минимум двое. В отношении глобализации, очевидно, имеются многочисленные агенты, которые и взаимодействуют между собой.

Во-вторых, взаимность предполагает равенство контактирующих сторон. Любое отклонение в положении означает ее исчезновение. Если какой-либо агент получает более высокую ценность по сравнению с остальными, то взаимность автоматически переходит в свою противоположность – ситуацию подчинения-доминирования. При таком исходе под угрозой оказывается хрупкий баланс, достигнутый ранее.

В-третьих, стороны равны не только по своей ценности, но и по своему взгляду на собеседника. Если мы возьмем пример с любовью, то увидим, что оба испытывают данное чувство. Если же кто-то просто симпатизирует своему визави или же вообще начинает ненавидеть, то любовь, по крайней мере взаимная, элиминируется, и на ее месте возникает некое иное состояние, которое не имеет ничего общего с предыдущим.

В-четвертых, взаимность достигается лишь тогда, когда каждый участник воспринимает другого или других как равных себе. Тут мы видим огромную разницу между действительным положением дел и их переживанием. Даже если формально равенство будет достигнуто, но при этом агенты не перестанут чувствовать себя и друг друга непохожими именно по статусу, то взаимности не обра-

зуются. На бумаге или каким-либо иным образом стороны будут равны, тогда как их восприятие действительности в реальности образует совершенно новую конфигурацию. Яркой иллюстрацией подобного явления может служить судебный процесс над звездой, где ему или ей делают поблажки только из-за его или ее популярности.

В-пятых, и это очень существенно, другой ценится именно потому, что он отличается от меня. Влюбленному нужна не любовь его возлюбленной к себе самой (в таком случае соблюдались бы все предыдущие условия), но именно к нему. По сути, он любит не того же, кого любит его возлюбленная, а совсем другого человека. Именно поэтому взаимность оказывается реализуемой, если агенты заинтересованы друг в друге.

И последнее, шестое условие. Взаимность всегда, если можно так выразиться, замыкается на себе самой. Вернемся к предыдущему примеру. Существует два возможных варианта. Если, скажем, в системе «Вася – Аня – Егор – Лена» Вася любит Аню, а та в свою очередь любит Егора, который обожает Лену, сходящую с ума по Васе, то формально мы имеем право говорить именно о ситуации взаимности. Но, конечно, это не так, даже несмотря на то, что каждый тут получает то же, что и отдает. Во втором случае все перечисленные персонажи любят кого-то на стороне – неважно, взаимно или нет, – и тоже формально мы имеем ситуацию взаимности. Последнее условие позволяет учесть направленность наших чувств и поступков, без которой взаимность выглядит неполной. Как следствие, она нуждается в определенном векторе.

Конечно, в реальном мире люди переживают многочисленные эмоции и совершают самые разнообразные действия. Поэтому необходимо говорить не о безоговорочной ситуации взаимности, но о режиме, в рамках которого выполняются все шесть условий. В таком случае взаимность выступает в качестве платформы, на основе и в рамках которой возможны самые различные вариации человеческих связей.

Взаимность, как видно из предыдущего изложения, становится осуществимой лишь при соблюдении всех перечисленных факторов. Она требует доступности, открытости, определенных технических инструментов и т. д. Но при этом особо необходимо отметить, что взаимность реализуется только в том случае, если стороны, вступающие в контакт, свободны. В этом отношении мы можем обратиться к Дж. Ролзу с его работой «Теория справедливости» в весьма специфичной трактовке. Ролз пишет о том, что в гипотетической ситуации выбора люди предпочитают, по сути, демократию, которая характеризуется определенным набором принципов [Ролз 2010]. Конечно, соглашаться с ним или нет – вопрос скорее предпочтения. Однако этот важный мыслительный эксперимент мы можем обратить в свою пользу. Современный мир представляется, как уже должно быть ясно, лишь становящимся, неоформленным. Будущее неизвестно, но самое главное – нам недоступны последствия своих нынешних поступков. Таким образом, мы оказались в той самой гипотетической ситуации выбора, когда нам нужно решить, по каким принципам мы будем жить в дальнейшем, не зная при этом, что принесет нам выгоду в грядущем.

Ролз говорит, что люди, почти ничего не знающие о себе, предпочтут принципы свободы, равенства, открытости и некоторые социальные гарантии². Сегодня мы ничего не можем сказать о том, какие преимущества будут востребованы

² Разумеется, мы сильно упрощаем его концепцию, но от этого она в целом ничего не теряет.

завтра, а потому, даже владея информацией относительно своих способностей, мы тем не менее не в состоянии предсказать, окажутся ли они балластом или, напротив, катализатором положительных для нас перемен. В постоянно меняющемся мире нам необходимо решить, как мы станем жить дальше, а для этого надо сформулировать и затем принять ряд принципов, учитывая неопределенность грядущего и своего места в нем.

Обратимся теперь к другой книге. Ее автор Филип Болл говорит о том, что Интернет стал таким, каким мы его знаем, вовсе не потому, что был задуман в точности таким [Болл 2008: 420–426]. Как раз наоборот: его формирование оказалось, с одной стороны, абсолютно непредсказуемым, но с другой – вполне ожидаемым. Что имел в виду Болл? Всемирная сеть сегодня – образец самоупорядочивания. Он напоминает ныне живую материю.

Объединяя обе книги, мы можем постулировать следующее. По-видимому, человеческое общество в будущем должно прийти к такому режиму взаимности, который, во-первых, отвечал бы нашим желаниям не проиграть в будущем и обеспечить себе некоторые гарантии, а значит, должен быть построен на принципах демократии. И, во-вторых, по возможности копировал бы главное олицетворение сегодняшнего дня, а именно Интернет, разумеется, в рамках своего строения. Оба эти требования вполне совместимы, если не сказать взаимодополнительны. С одной стороны, объединения людей не всегда предполагают абсолютное равенство всех участников, что и видно на примере Интернета, а также обладают иными некритичными недостатками в смысле теории их описания. С другой стороны, в данном режиме соблюдались бы все базовые требования, которые и заложены, как мы показали выше, именно в режиме взаимности, без каких-либо излишних условий.

Следуя вышесказанному, теперь мы способны дать более верное определение понятию глобализации. Это всемирный процесс, направленный в сторону установления режима взаимности на условиях свободы, равенства и открытости во всех сферах человеческой жизни. Данное определение представляется почти исчерпывающим. Однако чтобы полностью раскрыть его смысл, перейдем к вопросу о связях его элементов.

Глобализация, по сути, является процессом, инициированным Западом, то есть наиболее развитым сегментом человечества. Конечно, можно приводить и другие аргументы – агрессивность, корыстолюбие, особый дух западной цивилизации, но смысл от этого не меняется. Не будем оценивать такое положение дел, просто констатируем этот факт. С тех пор, как началась глобализация, мир все больше и дальше движется в сторону слияния с Западом или, по крайней мере, к положению большего подобию с ним. Этот процесс весьма неоднозначен и крайне сумбурен, однако в нем все же можно распознать общие черты. Что же именно делает мир в целом похожим на Запад и почему так происходит?

Начнем с того, что участник, выдумывающий новую игру, задает в ней и правила, которыми будут в дальнейшем руководствоваться все стороны процесса. Эти правила станут определять не только внешний вид игроков, но и их внутреннее взаимодействие, то есть саму логику игры. Скажем, если кто-то начинает играть в теннис, он просто обязан будет принять все, что предполагает подобное занятие. При этом понятно, что ему не вменяется в обязанности слушать какую-то определенную музыку, говорить какие-то конкретные вещи и т. п. В целом можно

утверждать, что всякие правила – это рамки, в границах которых и происходит объединение людей. Чем эти рамки шире, тем проще и свободнее люди станут их принимать, и, соответственно, чем они уже и более стесняющие, тем больше вероятности, что от них откажутся. Вместе с тем подобные границы должны не просто заставлять кого-то себя принять и тем самым уменьшить свою самостоятельность, но и быть привлекательными, то есть предоставлять некоторые преимущества от факта присутствия в данной системе. Таким образом, более выгодные условия, даже с учетом своей жесткости, призовут больше сторонников, чем аналогичные, но обещающие не столь значительную прибыль. Разумеется, таких сочетаний может быть огромное количество. Пока мы лишь озвучили прописные истины.

Ведя речь о глобализации, мы должны осознавать, что говорим не об игре, в которую можно как войти, так и выйти из нее, но вообще о жизни. Покинуть подобный процесс, конечно, возможно, но последствия будут не просто нежелательны для изгоя, но убийственно губительны, что откровенно демонстрируют примеры с Ираном, Северной Кореей, Кубой, хотя и они все же не окончательно исключены из общего процесса.

Любая система правил предполагает как выгоды, так и потери от присутствия в ней. Современный мир, по крайней мере пока, очень разнообразен, что дает простор для сравнения. Однако и без дальнейших разъяснений понятно, что ни одно ныне существующее общество не примеряет на себя все подходящие «наряды», не шарахается из одной крайности в другую, но делает вполне определенный, относительно осознанный выбор. И если имеется лучший вариант, то его следует принять незамедлительно, потому что более раннее вступление в коллектив обещает больше приобретений и бесценный опыт.

В рамках данной работы мы, естественно, говорим о бинарном выборе – между участием в глобализации и отстранением от нее. Как следствие мы можем переформулировать свой вопрос: насколько то, что предлагает Запад, идеально? Или более точно: насколько западная модель применима в реальном мире за пределами самого Запада и насколько адекватно она соответствует уже изложенным принципам?

И здесь решить данную проблему нам помогут отличия глобализации от глобализма. Сразу хочется отметить, что оба этих явления весьма схожи друг с другом. Просто одно из них предполагает унификацию, а другое – разнообразие под единой эгидой, то есть в некотором режиме взаимности.

Мы не станем уподобляться алармистам с обеих сторон спектра³. Это крайне неустойчивая позиция, неважно, с какого именно края. Культурный империализм, в каких бы терминах он ни описывался, – явление, конечно, имеющее место быть, но делать из этого поспешные выводы – очень опасное занятие, грозящее обратиться паникой со всеми вытекающими отсюда последствиями. Постараемся взглянуть на современные процессы с более взвешенных позиций.

Что означает глобализм? По сути, суммируя взгляды авторов, говорящих о данном явлении, это процесс навязывания западных стандартов жизни всему остальному миру – без разницы, оценивается ли это положительно или отрицательно.

³ См., например: [Бьюкенен 2003]. И А. С. Панарин [2003] со стороны, если можно так выразиться, всего остального мира.

но. Однако прежде чем подробнее изучить эту точку зрения, мы сделаем небольшое замечание. Для облегчения нашей задачи мы будем рассматривать исключительно культурные составляющие этого процесса. Почему мы имеем полное право поступить именно так? Уже давно известно, что нашей судьбой управляет то, что сидит в наших головах. От того, как мы воспринимаем действительность и, самое главное, в каких категориях, в конечном счете зависит и сама эта действительность. Говорящий по-английски будет видеть мир англоязычным со всеми достоинствами и недостатками, присущими данному языку. Конечно, нам могут возразить в том духе, что и простое порабощение, то есть применение насилия любого масштаба, приводит к аналогичным результатам. Но, во-первых, современный мир не столь жесток, хотя и имеются отдельные исключения. А во-вторых, подобное влияние слишком заметно, что сразу же вызывает реакцию отторжения и, как следствие, изрядно усложняет и без того трудную задачу влияния на другой социум. Поэтому можно утверждать, что сегодня наиболее опытные общества (а мы говорим именно о них – Запад многому научился за свою очень кровавую историю) используют культурные инструменты изменения соседей в своих целях и лишь изредка прибегают к более явным механизмам принуждения.

Достаточно очевидно, что влияние одного социума на другой осуществляется с целью получения некоторых преимуществ или выгоды, как прямой, так и косвенной. Ни одно общество в истории не является альтруистическим в отношении своих возможных визави. Нелепо предполагать, что один социум из доброй воли подчиняется другому. Нужно подчеркнуть, что мы имеем в виду именно культурное влияние. По крайней мере, во всемирной истории таких случаев почти наверняка нет. Западные общества – не исключение. И поэтому вполне понятна их тяга к приобретениям.

Опять же не вызывает сомнений тот простой факт, что, имея преимущество, глупо им не воспользоваться. Это было бы похоже на ситуацию, когда вас бьют, а вы, имея нож, никак его не употребите. Конечно, все зависит от степени угрозы или предполагаемых выгод, а также последствий и риска быть осужденным, но все это играет свою роль в случае рассмотрения индивидов, но не всего общества. Социумы отличаются наличием совершенно иных характеристик по сравнению со свойствами своих составляющих. И как раз коллектив достанет нож, если в этом возникнет необходимость.

Эти размышления неизбежно приводят нас к тому, что глобализм – явление, старое как мир, по крайней мере, в своем локальном олицетворении. И раз так сложились обстоятельства, то Запад сегодня выигрывает у своих соперников, используя те же методы, что на его месте употребил бы в дело и всякий иной социум. Поэтому глупо его обвинять или, в принципе, оценивать.

Однако здесь важную роль играет масштаб происходящего. Региональные столкновения интересов значительно отличаются от соперничества на глобальном уровне. Второе приобретает совершенно иные черты и, соответственно, последствия. Культурное отторжение при напоре со стороны другого игрока становится в таком случае слишком разносторонним, и с ним нелегко справиться. Резонно тогда задать вопрос: насколько привлекательно давление, чтобы ему уступить? А также – насколько стесняющи границы, в которые предстоит перейти?

Оба эти вопроса отсылают к предыдущим размышлениям, и ответы на них представляют собой решение нашей задачи. Разумеется, хорошее дело глобализмом не назовут. Сама этимология слова предполагает некоторый вид диктатуры, осуществляемый ради совершенно определенных целей группой людей, заинтересованных в том, чтобы все остальные жили так же, как и они, или совершенно противоположным образом. Не будем впадать в конспирологию и приписывать каким-либо мифическим клубам всемирное влияние. Все значительно проще. Конечно, в мире имеются такие коллективы, но координация их совместных действий осуществляется скорее интуитивно, нежели после специальных встреч и консультаций, хотя и последнее не исключено. Как бы там ни было, подобное положение дел вполне вероятно.

Однако принимая последнее утверждение, мы сразу вступаем на скользкую дорожку. Во-первых, оно означает, что принимаемые всеми остальными рамки либо очень широки, что объективно не соответствует реальности, потому что они узки именно вследствие своей западной направленности⁴, либо настолько привлекательны, что удержаться от соблазна просто невозможно. А это также вызывает ряд сомнений, особенно после просмотра культурной карты мира. Во-вторых, оно автоматически ведет к признанию нами своей и чужой подверженности стороннему влиянию. Тогда совершенно неясно, почему люди пошли и идут на поводу именно Запада, а не, скажем, ислама, который освещается ничуть не хуже своего партнера. Неужели Запад обладает таким инструментарием, против которого нереально устоять? Конечно, в его распоряжении находятся самые разнообразные средства пропаганды своих ценностей, а также механизмы их дистрибуции и тиражирования. Это обстоятельство не так-то легко опровергнуть. Но стоит отметить, что этим инструментарием пользуются все желающие – выставить свой ролик в Интернет и приобрести популярность сегодня может каждый. Интернет разрушает монополию на истину, «недостаток информации стало невозможно поддерживать» [Джарвис 2009: 72]. Наконец, в-третьих, такое утверждение говорит о том, что Запад вполне устраивает эта ситуация. Не будем забывать, что он не столь недалек, чтобы не увидеть проблем, связанных с полной реализацией данного движения. Фактически же они сводятся к утрате человечеством, а значит, и Западом, возможных решений для пока еще не существующих задач, которые отсутствуют в рамках его собственной культуры. Уязвимость вряд ли является его целью.

Таким образом, утверждение о том, что Запад до сих пор инициирует возможную унификацию всего мира по своему образу и подобию и принимает все мыслимые к тому действия, выглядит, мягко говоря, преувеличением. С другой стороны, нельзя не увидеть и того, что он все же предпринимает некоторые усилия для осуществления чего-то подобного. Где пролегает та грань, которая отделяет глобализм от глобализации?

На наш взгляд, этой чертой является именно режим взаимности. Вернемся снова к книге Филипа Болла. Первоначальная задумка создателей Интернета предполагала строительство такой сети, которая бы оказалась неуязвимой к военным ударам со стороны Советского Союза. Из этого стремления в конечном счете выросло совсем неожиданное существо – Интернет такой, каким мы его знаем.

⁴ То же самое можно сказать вообще о всякой другой культуре.

Дело заключается в том, что всякие намерения имеют свойство осуществляться лишь отчасти, нередко удивляя своих носителей непредсказуемостью конечных результатов. Пока в принципе неясно, куда приведет Запад вестернизация всего остального мира, пусть даже и сознательная. Сюрпризов накопилось уже немало, о чем свидетельствует, например, возросший сепаратизм, подпитываемый современными технологиями. Не стоит и заикаться о более сложных процессах и явлениях. Тем не менее есть одна черта, которая с неизбежностью приводит к наиболее удачному и вполне всех устраивающему устройству.

Мир людей – это прежде всего мир коммуникации. В этом мы согласны с авторами монографии «Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы» [2009]. В ходе взаимодействия индивидов получается такое состояние, которое ближе всего находится к точке удовлетворения всех участников данного процесса. В ходе многочисленных раундов общения в конечном счете получается и достигается такая ситуация, которая обладает несколькими важными чертами. Во-первых, она имеет историю, а потому легитимирована временем и часто овящена традицией. Люди не склонны менять свое поведение, так как это грозит дополнительными трудностями и преодолением вновь выявленных препятствий, что требует приложения сил и труда. Поэтому значительно проще положиться на предыдущий опыт. К тому же человек не способен в силу сугубо физиологических причин контролировать сразу много процессов, что заставляет его сосредоточиваться на главном, а остальное оставлять на уровне подсознательного, условно-рефлекторного [Сергеев 2007: 92]. Во-вторых, она учитывает интересы и мотивы всех сторон. Конечно, нельзя особо обольщаться – некоторые индивиды оказываются неуслышанными и неустраиваемыми. Но в целом все в данном случае имели возможность и время озвучить свою позицию, а остальные, соответственно, – согласовать собственную точку зрения с указанной. Каков бы ни был диалог, он всегда имеет некоторый результат. И, в-третьих, эта ситуация, особенно после продолжительных переговоров, приучает людей и позволяет им выработать новый межличностный язык общения, что еще больше скрепляет узы между ними и делает новое состояние более законным.

У глобализма, очевидно, отсутствуют вторая и третья черты. Он не дает возможности высказаться всем, потому что принципиально подавляет такие поползновения. И, разумеется, он не вырабатывает единого языка – он просто навязывает свой. Добровольность есть существенный элемент режима взаимности, без него общение оказывается половинчатым, что исключает огромные массы населения из диалога и производит много недоверия и неудовлетворенности. А это, в свою очередь, делает любой результат бессмысленным.

Однако означает ли это, что глобализация не транслирует никаких культурных ценностей и не заставляет их принять? Вопрос скорее риторический. Существует перекрестие вещаний, на узлах которых и образуется та самая сеть мирового общения, прообразом которой ныне можно считать Интернет. Но не все так однозначно. Никто не станет отрицать того факта, что глобализация, пусть даже и в режиме взаимности, была начата именно Западом, а потому несет некоторые его черты. Это утверждение вновь возвращает нас к гипотетической ситуации выбора, которую описал Дж. Ролз. И теперь, чтобы решить эту задачу, нам необходимо перейти на уровень социумов, а не отдельных людей.

Выше мы писали о том, что время глобализации – это время выбора. Хотя общества в отличие от модели, описываемой Ролзом, все-таки имеют информацию друг о друге, они тем не менее не могут знать, что в будущем станет важным, и обязаны принимать это в расчет. Далее. За время диалога, как мы указали, постепенно формируется ситуация, которая всех относительно устраивает. Наконец, вспомнив Ф. Болла, который пишет о том, что Интернет напоминает сеть узлов, более или менее значимых в общем пространстве, и возвращаясь к режиму взаимности, мы должны понять следующее. Глобализация сама по себе, по крайней мере в своем идеальном варианте, вообще не предполагает какой-либо трансляции культурных ценностей и смыслов. Это своеобразная площадь, гудящая и жужжащая, словно улей. Здесь встречаются интересы всего мира, и они должны быть каким-то образом отрегулированы, приняты и зафиксированы.

Всем этим условиям отвечает модель платформы, под которой мы понимаем систему принципов и условий, соблюдать их обязуются все участники процесса. Это же возвращает нас к тому, что мы писали о привлекательности и широте. В ходе диалога⁵ люди договариваются о том, каким правилам им следовать, а именно – на каком языке вести беседы. Безусловно, такие правила всегда ограничивают, и в данном отношении царит некоторого рода произвол. Но подобная ситуация не может представляться негативной по нескольким причинам. Во-первых, для того, чтобы общение состоялось принципиально, необходим общий язык коммуникации. Без этого мир превратился бы в строительство Вавилонской башни на последних своих этапах. Во-вторых, кто-то просто обязан инициировать диалог, то есть всего лишь начать говорить. Волею судеб – не станем вникать в это подробнее – на месте «зачинщика» оказался Запад, что, разумеется, дает ему некоторые преимущества, которые, правда, затем рассеиваются.

Ситуация Дж. Ролза, несмотря на ряд недостатков, демонстрирует нам модель сегодняшнего дня в отношении множества социумов, населяющих нашу планету. Человечество в силу многих причин вынуждено общаться. А это, в свою очередь, подводит его к необходимости выработки единого языка и общего свода правил. Эти язык и правила должны быть привлекательными и достаточно широкими. И если в случае с глобализмом они не способны заинтересовать потенциальных собеседников, то в случае с глобализацией мы наблюдаем обратное.

Выше мы говорили о том, что имеющиеся в распоряжении Запада инструментарий пропаганды и система дистрибуции позволяют привлекать к себе огромные массы населения. Но так ли это плохо? В конечном счете это лишь повод для начала диалога, из которого еще неизвестно, что вынесет для себя сам инициатор. Сейчас человечество находится в самом начале пути, а потому любые измышления по поводу выгод можно оставить в стороне. Так или иначе, никто еще не знает, какие приобретения и потери почувствует на себе всякое ныне существующее общество, вступающее в эпоху глобализации.

Таким образом, мы предлагаем рассматривать глобализацию как режим взаимности, то есть как платформу с уже описанными особенностями и характеристиками, на основе которой в последующем и вырастет новый, неизвестный нам мир. Остается лишь решить последний вопрос – каков будет выбор человечества: вступить в эпоху глобализации или нет.

⁵ Конечно, мы имеем в виду не общение двух людей, а часто и значительно большего количества.

Здесь мы сразу ощущаем весьма зыбкую почву. Конечно, следуя принципу свободы и добровольности, мы с очевидностью признаем факт невозможности решить данную проблему. Все зависит в конечном счете от желания того или иного общества. И вполне вероятен вариант с тотальным отказом от общения. В этом смысле глобализация есть вполне обратимый процесс. Однако не все так просто. Выгоды от глобализации значительны и явны, и дело даже не в том, какие материальные блага она несет, тем более что достаются они далеко не всем⁶. Платформа как таковая не дает никаких преимуществ ни одному из участников. Было бы глупо предполагать, что русский язык обогащает меня, но обедняет моего собеседника. Тем и замечательно равенство. Напротив, мы должны рассматривать приобретения в иной плоскости. Говоря о режиме взаимности и процессе естественного диалога между людьми, мы отмечали, что каждый агент оказывается услышанным и замеченным, что его интересы и мотивы учитываются и принимаются во внимание. Что, конечно, очень положительно. Но мы не упомянули следующего.

Коммуникация, как между людьми, так и между обществами, несет в себе и отрицательный момент. Она сглаживает отличия. По сути, в режиме взаимности заложено внутреннее противоречие. С одной стороны, вступая в беседу, человек принимает некоторые правила, но надеется увидеть в другом что-то непохожее на себя. С другой стороны, индивиды постепенно будто притираются друг к другу, что делает их хотя бы отчасти идентичными, а это, в свою очередь, обесценивает сам диалог. В общем и целом проблема состоит именно в этом: зачем делать выбор в пользу глобализации, если она так или иначе сотрет отличия, которые настолько обласканы и лелеемы в современном мире, что ради них ведутся войны и затеваются споры?

В действительности подобная постановка вопроса несколько некорректна. В самом деле, если два человека разговаривают друг с другом на русском языке (а он не настолько широк, как режим взаимности), то это вовсе не означает, что со временем они станут клонами. Отличия сохраняются на любом этапе. Это во-первых. Во-вторых, внутреннее желание самосохранения, особенно на уровне целого общества, позволит благодаря глобализации самосохраниться. Это как раз то, о чем писал У. Бек в своей уже упоминавшейся книге.

Поэтому доводы в пользу вступления в глобализацию, по сути, не имеют контраргументов, хотя, разумеется, многие будут опротестовывать подобную точку зрения. Вместе с тем предложения, если их так можно назвать, которые ныне поступают с разных концов культурного спектра человечества, вряд ли удовлетворяют всех, что является неотъемлемым атрибутом всякого согласия. А именно оно и есть цель сегодняшнего дня.

Отметим еще, что глобализация позволяет транслировать абсолютно любые культурные ценности и смыслы, притом что все они станут востребованы в отличие от нынешнего положения. Поэтому, начавшись как западное образование, глобализация следует своей внутренней логике развития и превращается во всемирный форум, пользу из существования и присутствия на котором могут извлечь все его участники.

⁶ Авторы книги «Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты» оценивают их число в 30 % мирового населения [Диалог... 2005: 50].

Таким образом, мы можем подытожить все предыдущие размышления. Итак, глобализация основывается на принципах свободы, открытости, доступности, изменений и равенства. Это, в свою очередь, предполагает наличие некоей всеобщей платформы, которая бы удовлетворяла всем этим условиям. Подобная платформа, а более точно – режим взаимности, и является самой глобализацией. Следовательно, глобализация – это всемирный процесс установления режима взаимности.

Литература

- Бауман З. *Текущая современность*. СПб. : Питер, 2008.
- Бек У. *Что такое глобализация?* М. : Прогресс-Традиция, 2001.
- Болл Ф. *Критическая масса. Как одни явления порождают другие*. М. : Гелеос, 2008.
- Бьюкенен П. Дж. *Смерть Запада*. М. : АСТ, 2003.
- Гийом Э. *Жертвы моды? Как создают моду, почему ей следуют*. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2008.
- Джарвис Д. *Что сделал бы Google?* М. : Акваринная Книга, 2009.
- Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты* / отв. ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов. М. : Наука, 2005.
- Зелизер В. *Социальное значение денег*. М. : Дом интеллектуальной книги; ГУ ВШЭ, 2004.
- Истерли В. *В поисках роста: Приключения и зловключения экономистов в тропиках*. М. : Институт комплексных стратегических исследований, 2006.
- Население и глобализация* / под ред. Н. М. Римашевской. 2-е изд. М. : Наука, 2004.
- Панарин А. С. *Искушение глобализмом*. М. : Эксмо, 2003.
- Ролз Дж. *Теория справедливости*. М. : ЛКИ, 2010.
- Сен А. *Развитие как свобода*. М. : Новое издательство, 2004.
- Сергеев Б. Ф. *Ступени эволюции интеллекта*. 2-е изд., стереотип. М. : КомКнига, 2007.
- Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы* / под общ. ред. П. К. Гречко, Е. М. Курмелевой. М. : РОССПЭН, 2009.
- Федотова В. Г. *Хорошее общество*. М. : Прогресс-Традиция, 2005.
- Чумаков А. Н. *Глобализация. Контур целостного мира: монография*. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби; Проспект, 2009.
- De Soto H. *The Mystery of Capital*. London : Black Swan, 2001.

ИДОЛЫ И ИДОЛОПОКЛОННИКИ: КРАХ ЛИБЕРТАРИЗМА

Статья вторая

Хасбулатов Р. И.

член-корреспондент РАН, д. э. н., проф.,
зав. кафедрой мировой экономики РЭУ
им. Г. В. Плеханова.

E-mail: hasbulatov@rea.ru

Глобальный кризис 2008–2010 гг. не только выявил внутренние слабости капитализма как саморегулирующейся системы, но и необычайно усилил критику капитализма как общественной системы. Впервые после исчезновения мирового социализма и торжества капитализма возникли самые серьезные основания считать, что современный капитализм таит угрозу для общества и что он далек от совершенства. Все участники мирового экономического сообщества сходятся во мнении, что необходима коренная перестройка самих оснований международных хозяйственно-финансовых отношений. В статье дается оценка существующих подходов и предлагаются новые решения.

Ключевые слова: социальные революции, реформация, «Вашингтонский консенсус», классический либерализм, кейнсианство, неокейнсианство, монетаризм, либертарианство, кризис, депрессия.

The global crisis of 2008–2010 has not only revealed the internal weakness of capitalism as a self-regulated system but also has immensely intensified the criticism of capitalism as a social system. For the first time after the world socialism disappearance and the capitalism triumph there have appeared the most serious grounds to think that modern capitalism poses a threat for society and that it is far from perfect. All the participants of the world economic community agree that there is a need of crucial reorganization of the very fundamentals of the international economic and financial relations. In the paper the existing approaches are estimated and new solutions are suggested.

Keywords: social revolutions, reformation, 'Washington consensus', classical liberalism, Keynesianism, neo-Keynesianism, monetarism, libertarianism, crisis, depression.

Расцвет кейнсианства

Своего расцвета кейнсианское направление экономической мысли достигло в послевоенные десятилетия, когда, во-первых, окончательно утвердилась идея о том, что попытки влиять на общий воспроизводственный процесс, не говоря уже о ситуациях депрессий и кризисов, исключительно методами частных агентов не дают успеха; и, во-вторых, разрушительные проблемы, возникшие в десятках стран мира после катастрофических последствий Второй мировой войны, не мог-

ли быть решены без самого активного и непосредственного участия государства. И в отличие от либеральных концепций кейнсианство разработало широкий набор новых способов, воздействующих на экономику в целях стабильного экономического развития, полной занятости и общественной справедливости. Были тщательно описаны технические способы государственного вмешательства в экономику, в том числе формы перераспределения доходов, фискальные и бюджетные инструменты проведения антициклической политики. Таким образом, после Второй мировой войны «кейнсианская революция» стала играть решающую роль в развитии смешанной экономики. Одновременно надо отметить и то обстоятельство, что в таких крупных европейских странах, как Франция, Германия и Италия, издавна сложились традиции активного вмешательства государства в экономику (как, впрочем, и в России XVIII–XIX вв.). На базе расцвета кейнсианской политики окреп средний класс во всех развитых странах капиталистического мира. Он включал в себя широкие социальные слаты: высококвалифицированных рабочих, инженеров и служащих капиталистических фирм и государственного сектора, фермерство, собственников мелких предприятий, учителей, врачей, служащих государственного аппарата и муниципальных учреждений, офицерство, людей творческих профессий. Все эти группы стали составлять в структуре населения от 75 до 80 %. В России же в период «реформаторства», по выражению Гайдара, было объявлено, что «средний класс – это бизнес, а все эти бюджетники – это иждивенцы» («быдло», как говаривали между собой эти неандертальцы).

Кризис кейнсианства

В 70-е гг. XX в. мировой капитализм столкнулся с мощными факторами торможения. США в 1971 г. окончательно отказались от жесткой привязки доллара к фиксированному золотому паритету (1 доллар – 31 тройская унция золота), темпы роста экономики приостановились повсюду (кроме Японии), росла безработица. Нефтяной кризис как следствие арабо-израильской войны 1973 г. создал дополнительные трудности для капиталистических стран, осложнив производственный процесс (внезапное удорожание всех факторов производства). В 1976 г. в Ломе на международной финансовой конференции были похоронены многие конструкции международной финансовой системы капиталистического мира, утвержденные в Бреттон-Вудсе в 1945 г. (МВФ и Всемирный банк обнаружили беспомощность в регулировании международной финансовой системы). Неустойчивость все тревожнее наступала на мировые капиталистические центры. Все эти годы, когда умножались трудности и противоречия экономического развития в группе развитых стран, были использованы все кейнсианские и некейнсианские рычаги воздействия на кризисные ситуации, но они оказывали или кратковременный эффект, или вообще не давали позитивного результата.

Стало очевидным, что кейнсианство столкнулось с новыми проблемами, для решения которых оно более не является адекватным. Была необходима реконструкция как самих основ кейнсианства, включая вопросы экономической роли государства, так и проблем, связанных с мощным укреплением позиций европейского корпоративного капитализма, который был недоволен чрезмерным ростом госсектора. К тому же значительно расширившийся государственный сектор экономики стал угнетающе воздействовать на конкурентные механизмы, суживал

сферы деятельности частных фирм, приводил к бюрократизации государственного менеджества и расточительству.

Другое обстоятельство: к концу 70-х гг. серьезно укрепился (с помощью государства) европейский корпоративный частный сектор экономики, который уже вполне справлялся на национальном рынке, вбрасывая огромные объемы товаров и услуг, – ему же не нужны были (ранее необходимые) *прямые формы* государственного регулирования. Соответственно следовало усилить (расширить, разнообразить) арсенал *косвенных инструментов, прежде всего денежных, финансовых – то есть монетарных рычагов регулирования спроса и предложения с целью динамизации рыночных сил и механизмов*, и сокращать (но не ликвидировать) государственный сектор экономики. Вот в такой обстановке и наступил звездный час монетаризма, который предлагал легкие решения: приватизировать госсектор, снять все барьеры перед экспансией корпораций и банков, снизить налоги с них и т. д. К такой политике приступили все развитые страны с начала 80-х гг., отказавшись от кейнсианства как методологии экономической политики. Монетаризм, безусловно, дал дополнительные возможности для усиления крупных банков и корпораций, это факт. Но он же стал разрушителем среднего класса и государства всеобщего процветания. Он в громадной степени способствовал дифференциации западных обществ, привел к деградации духовно-нравственных ценностей, заменив их суррогатами потребления и бесконечной погоней за денежным успехом; способствовал отставанию развивающихся стран от развитых центров капитализма. И в целом подвел мировой капитализм к опасной черте, разрушив равновесие системы.

С точки зрения современной ситуации важными представляются следующие выводы Кейнса: во-первых, он доказал, что Великая депрессия навсегда завершила эпоху свободного и неконтролируемого развития капиталистической экономики – свободный рынок не справляется далее с задачами воспроизводства. Чтобы не погибнуть, вся экономическая система должна опираться на государство. Во-вторых, государство должно активно влиять на все экономические процессы с целью не допустить в дальнейшем мощных кризисных спадов и депрессий, разрушающих результаты деятельности целого поколения людей в разных странах (деградация производительных сил). Это связано с органическими преимуществами государства, поскольку только оно способно в отличие от единичного частного инвестора пренебречь соображениями нормы прибыли и ее соотношения с нормой процента. *Государство способно руководствоваться принципом социальной, а не экономической (рыночной) целесообразности*, то есть тем, что является непозволительной роскошью для единичного субъекта (отдельного предпринимателя и отдельного потребителя). Например, в условиях депрессии (кризиса) предприниматель не будет заниматься дополнительным инвестированием – он попросту боится потерять деньги. Поэтому он не будет рисковать своими деньгами. Но, однако, при таком подходе стагнация перерастет в национальную катастрофу. Альтернативой может быть только государство – и это единственный выход, чтобы обеспечить успешное развитие.

Либертаризм: монетарная экономическая политика М. Фридмена и российский контрреформаторы-неандертальцы

Но такие выводы устраивали не все общественные силы западных стран. Постоянными противниками усиления государственного регулирования экономики

выступали представители неоклассического направления экономической школы (неолибералы, или новые либералы). Наибольших успехов в этом наступлении на государство и в целом на кейнсианскую теорию добилась Чикагская школа (школа Чикагского университета), основателем которой явился известный экономист профессор Милтон Фридмен. Фридмен и его последователи, во-первых, решительно отвергали экономическое вмешательство государства. Во-вторых, они исходили из той предпосылки, что экономика частного предпринимательства устойчива и обладает собственными ресурсами, чтобы справиться с любыми потрясениями без помощи государства. В-третьих, они усовершенствовали механизм запуска инвестиционного мультипликатора Кейнса, исходя при этом из необходимости жестко контролировать денежную массу. Отсюда они сделали вывод о том, что макроэкономическая политика в интерпретации Кейнса вообще не нужна для современного капитализма.

Но вплоть до середины 70-х гг. позиции кейнсианства были непоколебимы. И лишь в результате «нефтяных шоков» 70-х правящие круги Запада приступили к демонтажу кейнсианских институтов регулирования. Началась «неолиберальная волна», постепенный демонтаж самого социального государства и восстановление нерегулируемой деятельности крупных корпораций и банков. Приведем лишь некоторые показатели, иллюстрирующие ситуацию в сравнительном аспекте. Доля в национальном доходе 0,1 % богатейших людей США за 25 лет (1980–2005 гг.) выросла в 3 раза, налог на сверхвысокие доходы снизился с 70 % до 28 % (при Рузвельте он был поднят до 80 %, а в 1955–1965 гг. удерживался на уровне 60 %). Соотношение средней зарплаты топ-менеджера и рабочего в корпорациях США поднялось с 30:1 до 500:1, реальная зарплата рабочих снизилась на 10 % при росте производительности труда вдвое, число граждан США, не имеющих медицинской страховки, выросло до 44 %.

Неолиберализм, особенно в его монетарной форме (названный П. Самуэльсоном либертаризмом как радикальной формой либерализма), затормозил динамику мирового хозяйства и резко перераспределил богатства в пользу ничтожного меньшинства – и развитых, и развивающихся, и переходных. *Либертаризм – это откровенная победа меньшинства над большинством за счет общего снижения эффективности экономики и перераспределение богатства в пользу самой богатой части общества.* Совокупный темп роста мирового хозяйства составил в 60-е гг. 3,5 %, в 70-е – 2,8 %, в 80-е – 2,1 %, в 90-е гг. – 1,8 %. Тезис неолибералов-либертарианцев, что «обогащение богатых будет выгодно большинству», оказался ложным – даже если не учитывать цинизма, с которым либертариисты-монетаристы соблазнили средний класс пренебречь интересами «слабых». В результате наметилась тенденция размывания среднего класса, когда его нижние границы стали перемещаться к границе маргинальной страты общества.

Под давлением произвольного толкования неолиберализма в культуре Запада все больше стал доминировать собственнический индивидуализм, позже перенесенный на постсоциалистическое пространство. Премьер Великобритании Тэтчер, например, заявила, что не существует *«такого явления, как общество, существуют только отдельные мужчины и женщины»*. Это вульгарное толкование общества, которым, кстати, стали восхищаться некоторые «либеральные круги Москвы». Фактически была утверждена полная автономия экономики от морально-этических ценностей. М. Фридмен декларировал: *«Позитивная экономическая*

теория есть или может быть объективной наукой в том же самом смысле, что и любая естественная наука». Примечателен спор премьер-министра Швеции Улофа Пальме с Фридриком Хайеком, который сказал в 1984 г. на конференции в Гамбурге, что для существования рыночной экономики необходимо, чтобы люди освободились от некоторых природных инстинктов, среди которых он выделил чувства «человеческой солидарности и сострадания». Пальме с возмущением отреагировал, назвав эту идею консервативной контрреволюцией против социального и демократического развития последних шестидесяти лет. В своем тогдашнем выступлении Хайек призвал неолиберализм превратить человека в новый биологический вид. Как метко заметил С. Кара-Мурза, то, о чем мечтал Фридрих Ницше, создавая образ сверхчеловека, находящегося «по ту сторону добра и зла», попытались сделать реальностью в конце XX века. Эти антигуманистические идеи и насаждались в России – нагло, жестко и с презрением к народу. Конечно же, не было никаких оснований принимать эту идеологию в качестве методологической базы экономической политики, против этого категорически выступали Съезд народных депутатов Российской Федерации – высший орган власти в стране – и Парламент – Верховный Совет во главе с его Председателем. Президент и правительство обязаны были подчиниться этим требованиям и внести существенные коррективы в реформаторский процесс. Но они, эти новые неандертальцы, сознательно, дерзко и вызывающе вышли за пределы Закона и взяли курс на осуществление двух жестоких для общества стратегических задач.

Первая задача неандертальцев – это не реорганизация экономики, а ее уничтожение, поскольку она, согласно видению этих неандертальцев, была «социалистической». И поэтому, чтобы в корне пресечь саму возможность «возвращения к социализму», надо было уничтожить заводы, фабрики, машиностроение, сельхозпредприятия и пр., поскольку они были «социалистическими». Таким образом, речь шла просто о разрушении, а вовсе не о «созидательном разрушении», о желательности чего писал Йозеф Шумпетер, имея в виду процесс не уничтожения, а трансформации экономической системы.

Вторая задача неандертальцев – это попытка перевода всех сторон жизни общества на рыночные отношения в ускоренном темпе по сценариям «Вашингтонского консенсуса», идеи которого насаждались в правительственной политике под непосредственным контролем американских консультантов (кстати, весьма посредственных, как я убедился по собственным беседам с ними). Это была абсолютная утопия, нигде в мире не имевшая даже опытного образца. Но все дело в том, что Россия того периода сама рассматривалась МВФ и Министерством финансов США как опытный полигон – почему не попытаться провести здесь еще один губительный эксперимент? Это была настолько вызывающая политика (антиполитика!) неолибералов-неандертальцев, что она вызвала возмущение даже в рядах авторитетной части американской профессуры. Например, Дж. Гэлбрейт сказал об этой деятельности следующее: «*Говорящие о возвращении к свободному рынку времен Смита неправы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не могло бы выжить*». В таком же духе неоднократно высказывались профессора П. Самуэльсон и Стивен Коэн.

«Психическое отклонение клинического характера» – вот как воспринимался замысел реформы в России видными западными учеными-экономистами, не имеющими причин лгать. Но российское общество – это странное общество. Политика обанкротилась дважды – в 1998 г. и в 2009 г. Экономика рухнула, множество людей живут впроголодь, некоторые просто вымирают. А виновники всего этого и их последыши – во власти. И утверждают, что они работают во имя интересов народа. И что странно, общество верит этим мошенникам, пожирающим их жизнь.

Таким образом, в огромной стране, которая по уровню развития (экономического, производственно-технологического, научного и культурного) находилась на 2–3-й позиции среди стран мира, далеко опережая добрую половину стран – современных членов Евросоюза, произошла в буквальном смысле, во-первых, гигантская *социальная катастрофа!* Во-вторых – *деиндустриализация*. И эти явления до сегодняшнего дня не получили ни своего научного анализа, что является попросту позорным фактом для российской общественной науки, ни заслуженного презрения своего народа. А участники-организаторы этой катастрофы, и прежде всего Ельцин, а также его подручные (Гайдар, Черномырдин, Чубайс и их ученики из ряда учебных и научных подразделений) всячески восхваляются как «выдающиеся государственные деятели, давшие свободу российским народам», обеспечившие «реформы». Историческая истина состоит в обратном: Ельцин, во-первых, отнял свободу у народов России, во-вторых, ельцинисты – контрреформисты, уничтожившие российскую экономику. Ельцинисты восхваляют недотепу Гайдара, послушно выполнявшего команды МВФ по внедрению «Вашингтонского консенсуса», и других организаторов этой катастрофы из «команды Гайдара» (Чубайс), а их «серенькие ученики» составили базу финансово-экономического блока правительства Путина. Первое десятилетие XXI в. аналитики уже назвали «потерянным десятилетием», когда не была решена ни одна серьезная задача в области экономики; этим страна обязана именно верным продолжателям «курса реформ» по Ельцину – Гайдару – Черномырдину – Чубайсу. Дело чести российских обществоведов – организовать специальное исследование причин и обстоятельств указанной производственно-экономической и социальной катастрофы, дать объективную оценку эпохе ельцинизма 1990-х гг., да и первому десятилетию XXI в.

Дж. М. Кейнс, несомненно, спас капиталистическую систему от полного крушения – оно ожидалось и предсказывалось многими исследователями и даже политиками в самих западных странах в те годы. В результате в течение по крайней мере 50 лет после Великой депрессии активное участие государства в экономической жизни трактовалось не только большинством ученых-экономистов, но и государственными деятелями и демократическими партиями как необходимый и уже встроенный элемент общественного развития. В эти десятилетия государственные предприятия весьма успешно функционировали в разных отраслях экономики почти всех стран Западной Европы – от атомной, авиационной и автомобильной промышленности до рекламы (Франция). Даже в США, несмотря на безусловную приверженность большинства населения принципам свободного предпринимательства, значительная часть общества стала воспринимать активное регулирующее вмешательство государства в хозяйственно-финансовые процессы как данность и необходимость. Государство взяло на себя ответственность за уменьшение масштабов бедности в стране, развитие образования и здравоохране-

ния, предоставление многих других социальных услуг. Оно стало проводить все более активную макроэкономическую политику, причем как косвенными мерами, так и нередко мерами административного характера. Провозглашенная президентом Л. Джонсоном задача построения «великого общества» по своей социальной сущности мало чем отличалась от государственных программ в социалистических странах. Совокупные расходы государства в процентном отношении к ВВП в большинстве развитых стран достигли к концу 1970-х – началу 1980-х гг. огромных размеров – от 57 % в Швеции и Дании, 52 % – во Франции и Германии, 46–47 % – в Италии и Греции, 45 % – в Канаде, 37 % – в Великобритании, 34 % – в США и 31 % – в Японии.

Вместе с тем многие экономисты и политики уже тогда видели издержки чрезмерного вмешательства государства в экономику, которые проявлялись еще в 1970-е гг. Сокращалась база конкуренции, бюрократизованный государственный сектор становился обузой для общества. Возникла потребность в приватизации и новых подходах в экономической политике. Интуитивно потребность в новых идеях, обогащающих неокейнсианские подходы, особенно в части финансово-денежного и кредитного механизмов, чувствовали и государственные деятели, и экономисты-теоретики. Наступила эпоха великой приватизационной войны, начатая, кстати, лейбористским правительством Великобритании в 1978 г., незадолго до своей отставки. Правительство консерваторов во главе с М. Тэтчер в 1979 г. решительно встало на путь денационализации (приватизации) государственного сектора – отсюда эта волна прокатилась по всему миру, затронув большинство развивающихся стран. В США эта политика была осуществлена в 1940–1950-е гг. Американские корпорации, окрепшие в ходе Второй мировой войны, не нуждались в *прямых формах* госрегулирования – в той мере, в какой это было необходимо в Западной Европе.

Новый либерализм (либертаризм) – международный монетаризм

Отметим, что значительную роль в обосновании необходимости смены кейнсианской парадигмы экономической политики на старые, традиционные либеральные ценности сыграли работы экономиста Фридриха Хайека «Дорога к рабству» (1944 г.), «Конституция свободы» (1960 г.) и особенно монографическое исследование профессора Чикагского университета (Чикагская школа) Милтона Фридмана «Капитализм, свобода и демократия» (1962 г.). Автор доказывал необходимость возвращения к основным инструментам традиционного регулирования в духе свободного капитализма XVIII–XIX вв., вплоть до начала Великой депрессии, и переноса тяжести на финансово-кредитные инструменты. Работа сопровождалась многочисленными (бухгалтерскими) расчетами относительно преодоления инфляции, достижения сбалансированного бюджета и «сжатия» государственных расходов.

На основе своих исследований (в соавторстве с профессором А. Шварц), корректность которых далеко не бесспорна, Фридмен выдвинул концепцию «перманентного дохода». Суть ее состоит в том, что потребитель действует согласно плану расходования своих денег в течение определенного временного периода независимо от того, отклоняется ли его текущий доход от запланированных расходов. Это обстоятельство предопределяет тот факт, что спрос на деньги является *величиной устойчивой*. В то же время предложение денег, которое связано с поли-

тикой Центрального банка (и множеством других факторов), является *величиной неустойчивой*. Расхождения, возникающие между спросом и предложением денег, обуславливают возникновение циклических реакций. Отсюда решающая роль изменения денежной массы в качестве первопричины, порождающей цикл и динамику его движения [Fridman, Schwartz 1963]. Такова логика рассуждений Фридмена и его сторонников. При этом реальный сектор, его состояние не волнуют этих теоретиков, соответственно основным параметром стабилизационной политики должен стать объем денежного предложения. Денежная масса при этом должна увеличиваться теми же темпами, которыми растет выпуск продукции. Например, если производство обеспечивает рост выпуска продукции для рынка в объеме 3 %, то и денежная масса должна увеличиваться на эти же самые 3 %. Это основное монетарное правило у Фридмена.

Это утверждение также не представляется бесспорным, поскольку в каждой национальной экономике исходная денежная масса по отношению к объему внутреннего рынка сильно отличается и соответственно трудно говорить об универсальности этой формулы. В большинстве случаев следование этой концепции приводило к блокированию развития реального сектора и сужению емкости рынка. Это произошло в России и других странах – участниках СНГ. Соответственно приходится во избежание товарного голода открывать шлюзы для притока иностранных товаров (которые при другой политике, в частности кейнсианской, легко можно было бы обеспечить за счет отечественного производства). Другое следствие такой политики – сохранение высоких цен на потребительские товары и продукты питания. И первый, и второй результаты такой монетарной политики способствуют не только блокированию экономического роста, но и процессам монополизации, что одновременно больно бьет по мелким товаропроизводителям (малому бизнесу).

В то же время работы монетаристов усилили внимание к анализу роли денежных факторов, что представлялось позитивной тенденцией в экономической теории и политике. *Но бездоказательное утверждение о негативной роли экономического вмешательства государства как некоей аксиомы, попытки обосновать необходимость сокращения государственных социальных расходов и ограничить естественные для современного государства его социальные функции делает позитивный вклад этой теории как методологии экономической политики не только ограниченным, но и опасным*. К такому выводу пришел, например, Пол Самуэльсон [1998]. При этом совершенно необоснованным был постулат «новых либералов», требующих передать социальные отрасли, в частности здравоохранение, образование, ЖКХ, в сферу предпринимательской деятельности. Это положение, как представляется, изначально было существенно неверным. И попытки его «введения» в России уже обернулись их катастрофической деградацией, когда они пожирают все больше ресурсов, а проблемы обостряются.

Первое последствие. Вторжение предпринимательства в чисто социальную сферу, которой органически чужды бизнес-отношения, вызывает стремление крупного капитала взвинтить цены на «услуги» в этой сфере до уровня прибыльности своих операций, а это возможно только при одном условии – через мощный перелив в нее государственных средств. Это обстоятельство порождает устойчивую инфляционную тенденцию, против которой якобы направлено основное инструментальное оружие монетаризма. И этот **побочный аспект** монетарной по-

литики остается вне внимания тех государственных деятелей, которые проводят данную политику – они делают вид, что не монетарная политика, которая до небес взвинчивает цены и тарифы на осуществление социальных функций государства, выступает главным источником инфляции.

Второе последствие. Искусственное превращение органически присущих любому государству социальных функций в обычные товарные отношения непосредственно ведет к нарастанию социальных противоречий. При этом обнаруживается очевидный эффект – инфляционное давление (о чем говорилось выше), возникающее через искусственный приток громадных финансовых ресурсов, без которых частный капитал не может функционировать в социальной сфере.

Третье последствие. Это приводит к громадному удорожанию лечения, образования, культуры и т. д. Этот подход можно считать частично верным, но исключительно в отношении развитых стран, в которых на протяжении столетий существуют отдельные особо привилегированные и престижные университеты, частная практика здравоохранения и т. п. Но в целом социальная сфера – это сфера исключительной деятельности государства, региональных и муниципальных органов власти. Учреждения, службы и предприятия должны действовать здесь под их контролем.

Идеи М. Фридмена стали постепенно распространяться в западных обществах по мере того как практические конструкции «государства всеобщего благоденствия» – прямой результат кейнсианской политики – стали разрушаться, а кейнсианская политика свертывалась. Это стало происходить, как было отмечено выше, в основном с конца 70-х – начала 80-х гг. XX в. Соответственно стал подвергаться деформациям и средний класс, его нижние границы все теснее соприкасаются с маргинальными стратами (с беднотой).

Литература

Самуэльсон П. Экономика: в 2 т. Т. 2. М., 1998.

Fridman M., Swartz A. Monetary History of the United States. New York, 1963.

ПРОБЛЕМА ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Дробот Г. А.

д. полит. н., доцент факультета глобальных процессов

МГУ им. М. В. Ломоносова.

E-mail: gdrobot@mail.ru

Проблема глобального управления стала одной из важных теоретических проблем современного мира уже более двух десятилетий назад. На эту тему написаны многочисленные труды. В настоящей статье анонсируется в критическом ключе статья А. Н. Чумакова «Глобальный мир: проблема управления». Автор исходит из того, что ученые-глобалисты делятся на глобалистов-оптимистов и глобалистов-пессимистов. К первым мы относим А. Н. Чумакова и подвергаем его концепцию критике с позиций парадигмы политического реализма теории международных отношений. О глобалистах-пессимистах в данном контексте речь не идет, хотя можно отметить, что к ним, например, относится С. Хантингтон.

Ключевые слова: *глобализация, глобальное управление, теория международных отношений, парадигма политического реализма, теория гегемонистской стабильности, глобальное общество, хаос.*

The global governance problem became one of the important theoretical questions of the modern world more than two decades ago. There are numerous works on this theme. In the present article the paper by A. N. Chumakov «The Global World: The Global Governance Problem» is announced in a critical manner. The author assumes that scientists specializing in globalization are divided into optimists and pessimists. We rate A. N. Chumakov among the first group and we criticize its concept from the standpoint of the political realism paradigm of the international relations theory. Here we do not discuss pessimists, though we can notice that S. Huntington, for example, is one of them.

Keywords: *globalization, global governance, the international relations theory, politic realism paradigm, hegemonic stability, global society, chaos.*

Данная статья написана под впечатлением от прочтения статьи А. Н. Чумакова «Глобальный мир: проблема управления», опубликованной в № 2 настоящего журнала в 2010 г. [Чумаков 2010]. У нас сразу возникло желание пополемизировать с автором, несмотря на уважение к его опыту одного из ведущих глобалистов России. Полемика будет вестись с позиций теории международных отношений (ТМО), а точнее, с точки зрения неореализма как одной из преобладающих парадигм этой теории. Сразу отметим, что с данных позиций то крыло глобалистики, которое представляет Чумаков (глобалистов-оптимистов), вызывает много критических замечаний.

Прежде чем перейти к существу спора, следует напомнить некоторые принципиальные положения ТМО. Один из основных вопросов ТМО может быть обозначен как проблема соотношения роли силы и права в жизни международного сообщества, а также как вопрос о неизбежности конфликтов и противоречий и их соотношения с сотрудничеством в международных отношениях. В истории ТМО это спор между представителями политического реализма (неореализма) и либерально-идеалистической парадигмы (неолиберализма). Наиболее жестко его обозначил еще в 1948 г. американский международник Ганс Моргентау в книге «Политика наций: борьба за влияние и мир»¹. Приблизительно 15 лет назад среди очень уважаемых американских представителей науки о международных отношениях (Р. Кохейн, Ст. Краснер и др.) возникла идея о сглаживании противоречия между двумя подходами, о некоей толерантности по отношению к идеологическому противнику. Понятно, что такая тенденция диктуется вполне объективными обстоятельствами – «объем» сотрудничества в мире возрастает на фоне традиционно присутствующих конфликтов. Однако встает другой вопрос: а как обстоит дело с противоположной тенденцией? Не меняют ли конфликты и международное насилие свои формы, *оставаясь важнейшей составляющей международной жизни*, поскольку *международное сообщество разнородно*, а это неизбежно вызывает противоречия и, следовательно, столкновения по этому поводу? Не рано ли хоронить спор между политическими реалистами и либералами? Статья А. Н. Чумакова наводит на мысль, что это время еще не пришло, что либерализм в его крайних, кантианских формах еще существует, а значит, требует ответа с позиций сегодняшнего дня.

* * *

В теоретико-методологическом плане концепция А. Н. Чумакова строится на двух «китах». **Первый «кит»** – понимание глобализации как потенциально бесконфликтного миросостояния. Цитируем Александра Николаевича: «...под влиянием процессов глобализации мировое сообщество практически по всем параметрам общественной жизни все больше становится единой целостной системой...» [Чумаков 2010: 4]. Напомним, что понятие целостности означает появление свойства, присущего совокупности субъектов, несводимого к сумме их качеств. Другими словами, это то, что понимается под объективностью связей субъектов в системе.

Едва ли кто осмелится оспаривать тот факт, что сегодняшнее мировое сообщество более системно организовано и едино, чем 50, 100 и более лет назад. Но считать его «единой целостной системой», на наш взгляд, как минимум преувеличение. Кстати, сам Чумаков косвенно признает это, говоря, что без «эффективного управления» современный мир «будет... погружаться в пучину нарастающих конфликтов и противоречий» [Там же: 7]. Но что же это за целостная, связанная объективными узами система, которая только и может удержаться на определенной системе управления?

Отходя от этих логических противоречий в рассуждениях Чумакова, обратимся к реалиям международной жизни современного, глобализационного перио-

¹ Настоящая книга, к которой мы еще вернемся в данной статье, многократно переиздавалась в США [см., например: Morgenthau 1967].

да. Что мы видим? Да, сотрудничество и взаимозависимость охватывают все сферы жизни человечества, включая космическую. Кстати, космос – весьма показательная сфера сотрудничества. Когда произошел полет Ю. Гагарина в 1961 г., президент США Дж. Кеннеди выступил с заявлением, что США должны опередить СССР с высадкой человека на Луну. В Соединенных Штатах на это были брошены огромные средства, и Америка смогла обойти Советский Союз в этой космической гонке. Однако уже относительно скоро появляется советско-американский проект «Союз – Апполон», а сегодня практически все космические полеты носят интернациональный характер.

Однако развитие международного сотрудничества и процессов глобализации, к сожалению, идет параллельно с неумещающим количеством конфликтов, насилия и противоречий в современном мире. И едва ли их сможет умерить предлагаемая Александром Николаевичем система глобального управления, потому что они носят объективный характер.

Одной из наиболее адекватных современным конфликтам нового поколения [Лебедева 2006: гл. 9] теорий является теория «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона [2003]. Смысл ее состоит в том, что политико-идеологические противостояния, характерные для холодной войны, оказались менее жизнеспособными (они ушли), чем культурно-цивилизационные, которые «дремали» в период противостояния двух систем, но не умерли, так как являются более жизнестойкими, чем идеологическое противоборство.

В этой связи имеет смысл упомянуть точку зрения, высказанную, в частности, К. Косачевым – председателем думского комитета по международным отношениям, о том, что прохладные отношения России и Запада в настоящее время, несмотря на окончание холодной войны, связаны именно с цивилизационными различиями. Две разные цивилизации не могут понять друг друга и приспособиться друг к другу.

Помимо глубинных цивилизационных противоречий сам процесс глобализации, протекающий в форме вестернизации, порождает, так сказать, «новые» цивилизационные конфликты в современном мире. Замедленный процесс общественной модернизации в России не в последнюю очередь связан с потенциально протестным отношением российских граждан к западным формам обустройства жизни, генетической приверженностью солидаристскому общественному устройству. Навязывание западной, либеральной модели развития вызывает еще более сильный протест в других странах – Афганистане, Ираке, где присутствие американских войск приводит не только к острому политическому, но и к ментальному протесту.

Цивилизационный фактор является одной из причин всплеска исламистского терроризма в современном мире: общественное мнение исламских государств восстает против доминирования в современном мире западных стран. Действующие там исламисты-фундаменталисты доказывают, что ислам – древнейшая религия, породившая многие духовные и материальные ценности, и прозябание на периферии мировой цивилизации не отвечает ее вкладу в копилку мировых ценностей. Как известно, борьба с международным исламистским терроризмом – дело очень сложное, а по мнению ряда экспертов – почти безнадежное. Как считает известный российский исламовед Г. Мирский, если терроризм сам собой через какое-то время (по закону цикличности) не сойдет на нет, цивилизованное сооб-

щество либо проиграет борьбу с ним, либо будет вести эту борьбу без надежды на победу весь XXI в. Причиной тому является актуализация наиболее острых аспектов противостояния Запада и мусульманского мира. И эта актуализация произошла именно в эпоху глобализации.

Все названное выше – цивилизационные противоречия, существующие в глобализированном мире. Но это еще далеко не все фундаментальные противоречия, которые ему присущи.

В рамках концепции неомарксизма – противоречий центра и периферии – рассуждает выдающийся социолог современности И. Валлерстайн. Если предельно сжато сформулировать его идеи, то они сводятся к тому, что взаимоотношения между развитыми (Центр) и развивающимися (Периферия) странами носят антагонистический характер и это противоречие имеет тенденцию к обострению. Кстати, заметим, что концепция неомарксизма в анализе современного миропорядка весьма популярна у российских обществоведов.

Рассмотрим аргументы Валлерстайна более подробно.

Во-первых, как социолог он рассуждает о долгосрочных социальных тенденциях в современном мире. Вопреки распространенному мнению, Валлерстайн утверждает, что холодная война закончилась не победой, а историческим поражением либерализма, поскольку он предрекает свертывание всех завоеваний социального либерализма и демократии в развитых странах. Причина – в нарастающей миграции из стран Юга.

Представление К. Маркса о том, что целью пролетариата является уничтожение капитализма, не соответствует современным условиям. В настоящее время под пролетариатом в рамках мир-системы понимается все население стран периферии. Современный пролетариат – население стран Юга – хочет не уничтожения капитализма, а жить при капитализме. Поскольку это невозможно, возникает массовая миграция.

Для сдерживания массовой миграции будут принесены в жертву права человека. Но поскольку миграцию полностью остановить невозможно, усилится безработица среди коренного населения стран Запада и снизится заработная плата. Это неизбежно спровоцирует конфликты между коренным населением и мигрантами. Возрастет уголовная преступность, которая потребует расходов на обеспечение безопасности, что, в свою очередь, скажется на уровне жизни. По мнению Валлерстайна, к середине XXI в. уровень жизни в США может приблизиться или даже стать ниже того, который был на рубеже 80–90-х гг. XX в. [Мировая... 2005: п. 6.4].

Прогноз Валлерстайна подтверждается на наших глазах. Демократические революции в Северной Африке имели следствием массовую миграцию в Европу, от которой она не знает, как избавиться, и готова пересмотреть в этой связи Шенгенское соглашение.

Во-вторых, Валлерстайн рассуждает о предстоящей политической динамике мира. По его мнению, нестабильными будут отношения внутри ядра мир-системы. Войдут в противоречие три основных центра силы – США, Япония и объединенная Европа. В последующем он предрекает объединение США и Японии в один блок, имеющий антиевропейскую направленность. К этому блоку, вероятно, привлекут Китай. Противовесом будет создание российско-европейского блока.

Создание этих блоков станет ответом на угрозы, исходящие от государств Юга. Уже в начале XXI в. можно ожидать прямых нападений государств маргинализованного, бедного и отсталого Юга на богатый Север, а также захватнических войн между самими государствами Юга (может быть, с применением ядерного оружия) [Мировая... 2005: п. 6.4].

Как видим, прогноз развития глобализованного мира выдающегося ученого далеко не радужный. Скорее, наоборот. По его мнению, противоречия будут только нарастать. Заметим, что прогноз не расходится с фактами и подтверждается вполне реальными данными. Живя в Северном полушарии, а конкретнее – в Европе, мы в России не очень ясно представляем себе проблемы стран периферии. Между тем имеет место не просто разрыв между уровнями развития центра и периферии, а *тенденция увеличения этого разрыва*, или, образно говоря, ножницы между уровнями разрыва. Вот как менялось за последние полвека соотношение между уровнями развития 20 % наиболее бедной и 20 % наиболее богатой частей населения Земли: 1960 г. – 1:13; 1991 г. – 1:60; 1999 г. – 1:74; 2008 г. – 1:100.

Таким образом, идея Чумакова о «единой целостной системе» современного миропорядка как минимум спорна. Мир полон противоречий, которые к тому же имеют тенденцию обостряться. Мы назвали только некоторые из них. А значит, спорна и идея о реализации некоего наднационального механизма управления не только сейчас, но и в обозримом будущем.

Второй «кит» методологии концепции Чумакова – роль морали и права в управлении общественными системами. Обратимся опять к словам Александра Николаевича: «...главными инструментами, посредством которых осуществляется наибольшее воздействие на общественное сознание и поведение людей, являются *мораль* и *право*. Следует также выделить *идеологию*, *политику*, *экономику*, *финансы*, *культуру* и т. п., посредством которых прямо или косвенно также осуществляется управление общественными системами. Но в ряду этих факторов *мораль* и *право*, безусловно, доминируют...» [Чумаков 2010: 9].

В данном случае напрашивается обращение к теории международных отношений, а конкретно – к первому «большому спору» в рамках этой теории (всего их было три), посвященному сути международных отношений (он проходил еще в 1930–1950 гг.). Спор шел о природе международных отношений: что в них играет определяющую роль – сила или право? Сторонники политического реализма в лице Р. Нибура, Ф. Шумана и главным образом классика политического реализма Г. Моргентау доказывали, что именно непродуманная приверженность международному праву (в рамках практики «умиротворения агрессора») привела ко Второй мировой войне. В 1948 г. Г. Моргентау в своем классическом труде «Политика наций: борьба за влияние и мир» доказывал, что если страны не придерживаются принципа определения национального интереса через категорию борьбы за влияние, они неизбежно проигрывают в своей внешней политике. Политические реалисты утверждали (и утверждают до сих пор), что основным принципом внешней политики государства является «интерес, определенный в категориях влияния (power)». Моргентау уделяет подчеркнутое внимание критике позиции «морализма-легализма» (то есть позиции приверженности праву и морали как регуляторам международных отношений; в современной трактовке – либерального идеализма). Он утверждает, что каждая сфера международной жизни имеет свои правила и их нельзя смешивать. Так, нельзя применять нравственные нормы

к мировой политике или нормы мировой политики к международной экономике. Смещение принципов ведет к провалам и неудачам в практической деятельности. Основным недостатком деятельности тех, кто руководствуется в своей политике преимущественно морально-правовыми принципами, состоит в том, что они лишаются союзников, терпят поражение от противников и теряют ориентиры в реализации национальных интересов.

Еще один значимый недостаток морально-этического регулирования международных отношений отмечается отечественными экспертами. Как пишет известный международник М. А. Хрусталева, слабость данного регулирования состоит в том, что «в мире существовали и продолжают существовать различия в трактовке принципов морали и нравственности. Так, например, одним из ключевых принципов марксизма-ленинизма было положение о классовой природе морали и оправдании любых действий во имя победы в классовой борьбе (“революционная целесообразность”). В сущности, это тезис всех экстремистов: “цель оправдывает средства”» [Современная... 2009: 107].

В своих рассуждениях Чумаков явно не соответствует классическому политическому реализму Моргентау и отечественному ученому Хрусталеву, а, скорее, приближается к позиции И. Канта – одного из основателей либерально-идеалистической парадигмы в теории международных отношений.

В своей известной статье «К вечному миру» Кант [1966] исходит из возможности достижения бесконфликтного мира в международных отношениях. Бесконфликтный мир видится ему как глобальная республика с универсальным гражданством, в которой отношения между отдельными частями строятся на международном праве. Фактически Кант имеет в виду стирание государственных границ и создание единого глобального государства-республики.

Для нашего рассуждения об идеях статьи Чумакова и их связанности с мыслями Канта важно, как Кант обосновывал возможности достижения такого «мирного» мироустройства. Кант разделяет свои аргументы на философские («чистый разум») и практические («практический разум»). Будучи верен своей философской доктрине, он утверждает, что «политические максимы... должны исходить не из благополучия и счастья каждого государства... следовательно, не из цели, которую ставит перед собой каждое из этих государств (не из желания), как высшего (но эмпирического) принципа государственной мудрости, а из чистого понятия правового долга (из *долженствования*, принцип которого дан *a priori* чистым разумом)» [Там же: 300]. Кант называл этот философский принцип категорическим императивом, данным каждому человеку в силу его естественного состояния. Если современный человек не следует ему, то лишь в силу порочности человеческой природы.

Нравственный категорический императив Канта вполне согласуется с утверждением Чумакова о том, что «право и мораль, безусловно, доминируют».

«Практический разум» Канта был намного реалистичней. Следуя ему, великий философ указывает на следующие предпосылки мира: культуру как «великий объединяющий фактор», «дух торговли, который несовместим с войной» и военно-политическое сотрудничество против агрессора. Пускай эти сентенции не вполне выдерживают всесторонней критики, но важно, что Кант отмечал их значение. В этой связи следует отметить, что Чумаков оказался более идеалистом, чем Кант, заявив, что мораль и право превосходят по своей значимости экономику, политику, финансы, культуру.

Перейдем от теоретико-методологических посылок А. Н. Чумакова к тому, как ему конкретно видится глобальное управление и какие предпосылки ученый находит для его становления уже сегодня.

Наиболее оптимальной формой организации общественной жизни, пригодной для глобального управления на обозримую перспективу, по мнению Александра Николаевича, является конфедерация национальных государств. Он пишет: «Непростой, но в целом позитивный опыт Европейского союза дает основания для определенного оптимизма в решении этого вопроса» [Чумаков 2010: 13]. По нашему мнению, позитив опыта ЕС явно преувеличен и излишне глобализирован. Интеграция Европейского союза застопорилась как раз на том этапе, когда речь зашла о переходе к конфедерации. Пока процесс интеграции касался экономических проблем, все шло более или менее гладко. Как только вопрос встал о политической интеграции, начались проблемы. Это проявилось еще на этапе принятия Маастрихтского договора (прецедент Дании), в последующем в процессе попытки принятия Евроконституции (окончившейся неудачей), далее – ратификации Лиссабонского договора по политической интеграции (прецедент Ирландии). Другими словами, опыт Европы как раз говорит о том, что политическое единство в отличие от социально-экономического весьма призрачно, так как труднопреодолимы различия в национальной идентичности (даже в Европе!) и национальных интересах. В настоящее время процесс евроинтеграции находится в состоянии стагнации. А ведь Европа – уникальный регион в смысле интеграционной продвинутости. Что же тогда говорить обо всем мире в целом!

Дальнейшие рассуждения Чумакова об организационных основах мирополитического единства также вызывают немало вопросов.

Вопрос о Всеобщей декларации прав человека 1948 г. как возможной основе Всемирной конституции [Там же] наталкивается на проблему рекомендательного, а не обязательного характера данной декларации и значительного расхождения в мировом сообществе в трактовке прав человека. Даже обязывающие Пакты о правах человека 1966 г. подписаны немногим более половины государств. Западная доктрина о правах человека, лежащая в основе как Всеобщей декларации, так и Пактов, не признается многими восточными обществами.

Что касается Мирового парламента в лице ООН, то сам Чумаков признает, что эта организация требует «серьезного реформирования», чтобы придать ей функции глобальной законодательной власти [Там же]. Насколько этот вопрос серьезен, не стоит говорить подробно. Достаточно сослаться на то, что в условиях холодной войны деятельность ООН была крайне затруднена в силу политико-идеологических противоречий между двумя мировыми центрами силы. Тогда же, в разгар биполярной конфронтации, в эмбриональном состоянии заработал новый центр глобального регулирования – «Семерка» («Группа семи»). В настоящее время международный имидж ООН невысок: американцы чуть ли не постоянно заявляют о выходе из этой организации, некоторые ее решения не поддерживаются большинством международного сообщества (например, решение о воздушной блокаде Ливии 2011 г.), организация мало подвержена реформированию, так как ее структура отражает реалии прошлой эпохи.

Роль исполнительной власти Чумаков прочит либо «Большой семерке», либо «Большой двадцатке», оговариваясь, что эта ветвь глобальной власти будет все же формироваться практически с нуля [Там же: 14]. Стоит полностью согласиться

с Александром Николаевичем относительно нулевого уровня Мирового правительства и высказать сомнения, что обозначенные выше структуры в обозримом будущем смогут стать глобальными центрами власти. Что касается «Семерки» (в настоящее время – «Восьмерки»), то ее внутренние противоречия между основными участниками очевидны – это все несогласия по поводу военно-стратегических вопросов в Европе, по вопросам признания (или непризнания) сепаратистских регионов, газотранспортным проблемам и т. д. Наверное, еще больше разногласий было только у членов «Двадцатки» на пике экономического кризиса 2008–2009 гг. Достаточно сказать, что коллективное решение о сдерживании протекционизма не реализовал практически никто, включая Россию.

Наконец, Чумаковым поставлен вопрос о глобальной судебной системе, ассоциируемой им с Гаагским трибуналом и Европейским судом по правам человека [Чумаков 2010: 14]. Вопрос также весьма неоднозначный. Что касается Гаагского трибунала по бывшей Югославии, то известна его предвзятость, ориентированность в сторону мусульманского населения в ущерб сербам. То есть речь идет о политической ангажированности таких судебных структур, как Гаагский трибунал, что, видимо, неизбежно, когда поднимаются международные проблемы. В отношении Европейского суда трудно высказать что-то критическое (за исключением того, что попасть в него крайне непросто), однако этот суд – региональный, а Европа, как отмечалось выше – особый регион, «особый случай» в международных отношениях, который не следует «глобализировать».

В теоретическом отношении предложения Чумакова по глобальному управлению вписываются в его *институционально-нормативную модель*, описанную в литературе по международным отношениям преимущественно с критических позиций. Так, отталкиваясь от классического положения о том, что в международных отношениях с древнейших времен существует два типа управления – право и сила [Morgenthau 1967: 219], Д. М. Темников пишет: «...регулирование посредством норм никогда не было преобладающим, а всегда было сопутствующей, альтернативной формой процесса силового регулирования», и даже в современных условиях, отмеченных процессами глобализации, «противопоставлять норму и силу в качестве инструментов воздействия на мировые процессы, как представляется, можно лишь условно» [Темников 2011: 78].

Между тем среди наиболее очевидных сегодняшних предпосылок для формирования глобального управления Чумаков называет общественное сознание, «которое под влиянием многоаспектной глобализации все больше становится общечеловеческим, планетарным» [Чумаков 2010: 11]. Мы не будем приводить многочисленные примеры, противоречащие данному утверждению. Сошлемся только на свой многолетний опыт работы на социологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова и собственные конкретные социологические исследования [Дробот 1995; 1996], которые свидетельствуют: никакого общечеловеческого сознания как не существует сейчас, так не будет существовать и в обозримой перспективе. Общественное сознание дифференцировано и обусловлено конкретными условиями существования социальных групп и индивидов. Во многом оно противоречиво: не совпадают интересы жителей стран центра и периферии, коренного населения и мигрантов во многих странах, преобладающего населения страны и населения сепаратистских регионов и пр.

* * *

Перейдем от критической части наших рассуждений к их позитивной составляющей. Что же представляет собой (или может представлять) управление в современном глобальном мире?

Начнем с упоминания о том, что новое понятие «глобальное управление» (англ.: *global governance*) появилось к концу XX в. в связи с завершением эпохи биполярности, развитием процессов глобализации и усилением внимания к тому, как же будут регулироваться и управляться мирополитические процессы в новых условиях. Появляется несколько концепций глобального управления, одну из которых мы уже упомянули выше (институционально-нормативная). Это по преимуществу умозрительная модель, так как она никогда не была реализована на практике. Мы пойдем по пути исторического анализа, пытаясь пролонгировать в будущее реальные международные тенденции.

1990-е – начало 2000-х гг. были отмечены доминированием США как единственной и ведущей глобальной державы мира, или, говоря другими словами, однополярностью мира. Это был тип глобального управления, который в американской литературе по международным отношениям был давно описан под названием *теории гегемонистской стабильности*. Одним из наиболее активных ее адептов сегодня является З. Бжезинский [2005]. Ее суть состоит в том, что наличие одного ведущего государства-игрока в мире (американцы имеют в виду, конечно, себя) способствует стабильности и минимальной конфликтности.

Однако следует принять во внимание, что теория гегемонистской стабильности показывает возможности лидерства лишь в одной из областей – экономической. Одновременное навязывание правил поведения во всех сферах политической, экономической и культурной жизни вызывает, как правило, резкое неприятие со стороны других участников международного взаимодействия, что мы и могли наблюдать в связи с ростом антиамериканских настроений по всему миру.

Тенденция к централизации международной системы сразу после распада Советского Союза стала ослабевать в середине 2000-х гг. Хотя превосходство Соединенных Штатов не оспаривается, сами они, начав с 2001 и 2003 гг. войны в Афганистане и Ираке, стали терять уверенность. Со сменой администрации в Вашингтоне в январе 2009 г. воинственные речи американских политиков стали реже, а сама американская политика – немного осмотрительнее. Возникли признаки намерения США внести коррективы в свое внешнеполитическое поведение. Амбиции вряд ли стали меньше, но жизнь вынуждает проявлять благоразумие и склонность хотя бы выслушивать мнения союзников, прежде всего натовских.

Начавшись в 2003 г. как второстепенная по военному значению, авантюра в Ираке спровоцировала неожиданно обширный политико-дипломатический раскол мира. В 2004–2008 гг. он приобрел черты оппозиции большинства ведущих стран американской политике односторонних действий, и это превратилось в тенденцию к *децентрализации* мировой системы. Международные условия американского лидерства значительно сузились.

Важным дополнением к вышеприведенному утверждению является то, что децентрализация мировой системы явилась следствием не только амбициозных проектов американской внешней политики, но и объективных процессов в мировой системе, а именно – усиления ее полицентричности. Речь идет о возможном участии в глобальном управлении не только государств и межгосударственных образований, но и негосударственных акторов. Именно об этом говорят сторон-

ники идеи *мирового общества* (по аналогии с внутригосударственным обществом), такие как Э. Хаас, Дж. Грум, Дж. Бёртон и другие.

Значительным толчком к развитию идеи глобального управления в рамках глобального общества послужила вышедшая в 1992 г. под редакцией Дж. Розенау (J. Rosenau) и Е.-О. Щемпеля (E.-O. Szepiel) книга «Управление без правительства: порядок и изменение в мировой политике» («Governance without Government: Order and Change in World Politics»). В ней обсуждаются вопросы механизма такого управления. В работе «Турбуленция в мировой политике» («Turbulence in World Politics»), появившейся на два года раньше, Дж. Розенау пишет о том, что управление – это система правил, типичная для всех видов человеческой деятельности. В его понимании сегодня она охватывает деятельность различных правительств, но включает множество других структур и групп. Словоупотребление «глобальное управление без глобального правительства» («global governance without global government») сейчас вошло в обиход ученых-международников и подразумевает множественные сети, включающие в себя форумы, конгрессы, съезды и совещания, проводимые государственными и негосударственными акторами по самым различным вопросам миропорядка, а также деятельность международных организаций – меж- и неправительственных. Именно к такой форме глобального управления, по нашему мнению, стремится современное международное сообщество на фоне завершения глобальной однополярности.

С приведенными выше мнениями согласуется новое понятие, вводимое в научный оборот американским ученым Р. Хаасом, – «беспольное общество». Это понятие интересно тем, что выводит на ключевую особенность современного глобального управления. «В отличие от многополярности, – пишет Р. Хаас, – которая подразумевает несколько четко выраженных полюсов или центров сосредоточения силы, беспольная система международных отношений характеризуется наличием многочисленных центров, обладающих значительной мощностью» [Хаас 2008]. Он перечисляет эти центры: глобальные и региональные державы, различного рода международные организации, крупные международные компании, международные сети СМИ, военизированные нелегитимные формирования, наркокартели, индивиды и проч. «Власть сейчас рассредоточена – она находится в разных местах и руках». И вот самое главное: «Когда так много акторов обладают значительной силой и пытаются оказывать влияние, труднее организовать коллективные действия и заставить организации работать» [Там же]. Другими словами, современная международная система трудноуправляема и скорее хаотична, несмотря на систему «глобального управления без глобального правительства». Последнее, скорее, больше сочетается с хаосом, чем с порядком.

Данный подход к современному глобальному управлению разделяется не только зарубежными, но и отечественными экспертами-международниками. Приведем несколько цитат из работы «Мировая политика» профессора МГИМО (У) М. М. Лебедевой: при анализе современной структуры глобального управления выделяется «большая ее пестрота»; «складывающиеся глобальные управленческие связи не являются иерархическими, как они существуют внутри государства»; «современная политика основана на выработке коллективных решений через множество различных согласований разного уровня»; в современной мировой политике «согласованность действий» «часто не достигается в силу различных причин, в том числе из-за слишком большого числа вовлеченных в процесс акторов» [Лебедева 2006: 337–338]. Опять видим ту же идею – о том, что современный мир трудноуправляем.

Однако в контексте нашей статьи мы должны поставить вопрос: если современный мир такой неуправляемый, то, возможно, через какое-то обозримое время удастся достигнуть большего прогресса в этом вопросе? К разочарованию глобалистов-оптимистов придется сказать, что среднесрочные прогнозы в области международных отношений имеют скорее негативный характер. Такие прогнозы строят, например, отечественные экономисты-международники. Так, В. Л. Иноземцев склонен полагать, что имеются все предпосылки к тому, что после утраты Соединенными Штатами экономического и финансового доминирования новым номером один окажется КНР. Такой вывод напрашивается, в частности, если исходить из результатов глобального экономического кризиса. Будет ли это новой однополярностью или, скорее, новой bipolarностью – покажет будущее. В любом случае, Иноземцев не верит, что США с характерными для них (по крайней мере в XX столетии) мессианской идеологией и историей спокойно и беспристрастно будут наблюдать за возвышением Китая, превращением его в крупнейшую экономику мира, укреплением ШОС, формированием китайской зоны влияния в Южной Азии и Индийском океане [Иноземцев 2009]. Вывод один – мир ждет нестабильность.

Еще один негативный прогноз связан с идеей *аполярности*, или глобального вакуума власти, который придет на смену однополярности (Н. Фергюсон, Ф. Войтоловский)². От этого глобального беспорядка выиграют силы, намного более опасные, нежели соперничающие между собой великие державы. Речь может идти о резкой дестабилизации на Большом Ближнем Востоке, о неконтролируемом распространении ОМУ, беспредельном афганском наркотрафике, ощущении вседозволенности у исламистов. Допустимо предполагать рост вероятности локальных и крупных региональных войн. Ф. Войтоловский даже допускает, что переходный характер и нестабильность, присущие современной международно-политической системе, не исключают в более отдаленной перспективе возможность новой мировой войны [Войтоловский 2009].

В данном контексте важен вопрос о временных сроках прогноза. В мировой политике, где явления и процессы имеют самую разную природу, необходимо учитывать, по мнению Н. А. Косолапова, «модуль протяженности процесса, определяемый как средняя величина протяженности типового процесса данного класса» [Косолапов 1998: 68]. За абсолютный модуль продолжительности принимается период активной жизни человека или средняя граница смены поколений, которая составляет около 30 лет [Темников 2011: 84]. Следовательно, «заглядывать» далее чем на 30 лет вперед вряд ли разумно (хотя заметим, что великий социолог современности И. Валлерстайн делает некоторые свои прогнозы почти на 100 лет вперед. Но потому он и великий).

* * *

Хочется закончить наш спор с Александром Николаевичем Чумаковым на позитивной ноте. И для этого нет ничего лучшего, чем привести высказывание нашего с ним учителя, известного международника-политолога профессора П. А. Цыганкова, который нас примиряет. Он высказывает двойное суждение:

² Речь идет о том, что никакой полярный порядок не может сформироваться в ближайшем будущем: bipolarность закончилась, однополярность заканчивается, а multipolarность невозможна в обозримом будущем, исходя из ее классических характеристик (равнозначность по ресурсным показателям нескольких – не менее шести – центров силы).

«Становление нравственных универсалий и единых правовых норм отнюдь не является однонаправленной тенденцией, исход конфликта между глобальной солидарностью и партикулярной лояльностью не предопределен, и нет никаких серьезных оснований считать, что международное общество станет обществом универсальных ценностей и норм, преодолевших и оставивших истории ценности и нормы государств, этносов и культур. *И тем не менее названные попытки вовсе не обязательно обречены на неуспех* (курсив мой. – Г. Д.), так как в международных отношениях существует не только закон силы, но и закон взаимодействия и даже закон координации и согласования...» [Теория... 2002: 365–366].

Литература

- Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / пер. с англ. М., 2005.
- Войтоловский Ф. Нестабильность в мировой системе [Электронный ресурс] : Международные процессы. 2009. № 1. URL: www.intertrends.ru/nineteenth/002.htm
- Дробот Г. А. Будущее внешней политики России: анализ взглядов потенциальных преемников российской политической элиты // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 9. С. 98–103.
- Дробот Г. А. Внешнеполитические ориентации формирующейся российской элиты // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 9. С. 90–101.
- Иноземцев В. Л. Контуры посткризисного мира [Электронный ресурс] : Россия в глобальной политике. 2009. № 3. URL: www.globalaffairs.ru/person/p_24
- Кант И. К вечному миру / И. Кант // Соч.: в 6 т. Т. 6. М., 1966.
- Косолапов Н. А. Тема 4. Явление международных отношений: Историческая эволюция объекта анализа (введение в теорию) // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 4. С. 59–70.
- Лебедева М. М. Мировая политика: учеб. для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006.
- Мировая политика и международные отношения / под ред. С. А. Ланцова, В. А. Ачкасова. СПб., 2005.
- Современная мировая политика: Прикладной анализ / отв. ред. А. Д. Богатуров. М., 2009.
- Темников Д. М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе. М., 2011.
- Теория международных отношений: хрестоматия / сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганков. М., 2002.
- Хаас Р. Эпоха бесполярного мира [Электронный ресурс] : Россия в глобальной политике. 2008. № 4. URL: www.globalaffairs.ru/number/n_11144
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
- Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. № 2. С. 3–15.
- Morgenthau H. J. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. 4th ed. N. Y., 1967.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ОСОБЕННОСТИ ГЛОБАЛЬНОЙ ТЕХНОСФЕРИЗАЦИИ БИОСФЕРЫ

Дергачева Е. А.

докторант кафедры философии МПГУ, к. ф. н., доцент,
зам. декана факультета экономики БГТУ.

E-mail: dergacheva@hotmail.ru

Глобализирующиеся на основе научно-технических производительных сил техногенные общественные системы не просто разрушают биосферу ради удовлетворения своих потребностей, но и создают искусственный мир техносферы, замещают им биосферный, не считаясь с необходимостью сохранения биосферы как универсальной саморазвивающейся системы биосферно-биологической жизни на Земле. В результате интеграции социальных, техносферных, биосферных компонентов и усиления роли техносферы получают распространение социотехноприродные процессы, а вместе с ними – социотехноприродная глобализация. Такое понимание глобальной техносферизации биосферы позволяет по-новому интерпретировать процессы и проблемы в социально-философской области глобалистики.

Ключевые слова: *техногенное социоприродное развитие, техносфера, биосфера, глобальные социотехноприродные процессы, глобализация.*

Technogenic societies that are globalizing on the base of scientific and technical productive forces not only destroy biosphere aspiring to satisfy their needs but also create new artificial technosphere world which replaces biosphere. They do not take into consideration that the biosphere as a unique system of natural biologic life regulation should be preserved. As a result of integration of social, technospheric and biospheric systems and strengthening of technosphere sociotechnobiospheric processes and sociotechnobiospheric globalization become widespread. Such interpretation of technospheric change of biosphere gives an opportunity to treat social philosophic area' processes and problems of global studies in a new way.

Keywords: *technogenic sociobiospheric development, technosphere, biosphere, global sociotechnobiospheric processes, globalization.*

За два последних столетия (XIX – начало XXI в.) в развитии современного общества и биосферного мира произошли значительные количественные и качественные перемены, которые были подготовлены всем периодом социоприродной эволюции человечества, особенно наступившим новым ее этапом – техно-

генным [Степин 2006: 19–23; Демиденко, Дергачева 2010; Дергачева 2011]. Человечество в результате промышленного переворота (конца XVIII – начала XIX в.) добилось огромных успехов в удовлетворении своих потребностей, социализации человека и окультуривании природы планеты. Была создана обширная искусственная неживая предметно-вещественная, материально-энергетическая, электромагнитная и информационно-коммуникативная среда обитания человечества – техносфера; за 1800–2010 гг. более чем в 7 раз выросло население мира (с 0,9 до 6,7 млрд), городское – в 70 раз (с 0,05 млрд до 3,5 млрд), а объем техносферы в расчете на каждого человека увеличился в тысячи раз, особенно в урбанизированных регионах; более чем в два раза повысилась средняя продолжительность жизни (с 30 до 65–80 лет); более чем в двести раз возросло количество социально обеспеченных людей, приближающихся к половине населения мира. Масштабы воздействия «онаученного» человеческого разума, творящего техносферу и преобразующего биосферу, по своим размерам и степени влияния на экологические системы планеты в XX в. стали сопоставимы с естественными природными процессами. В глобальной экосистеме биосферы Земли неимоверно разрослась, укрепилась и продолжает интенсивно расти социальная подсистема и создаваемая ею техносфера.

Промышленная революция конца XVIII в. ознаменовала наступление определенного рубежа между аграрными и постаграрными общественными системами, обусловила создание качественно новых производительных сил – научно-технических, пришедших на замену биологическим. Промышленность, зародившаяся вначале в районе Лотарингской оси в Западной Европе (от Манчестера в Англии до Турина в Италии), постепенно стала распространяться на весь мир. Основную энергетическую нагрузку вместо мускульной силы человека и животных (как это было в аграрном обществе) стала нести индустриальная техника, а с разворачиванием НТР – интегрированная совокупность науки, техники и технологий (то есть наукотехника). В начале текущего столетия на долю промышленной энергетики приходится до 99 % объема всех работ в мире, в то время как в начале XIX в. – всего лишь 2 %. Мощные производительные силы человечества получили возможность в массовом масштабе перерабатывать ресурсы биосферной природы. Благодаря технократическому использованию достижений наукотехники в мире формируются во многом уже постаграрные, техногенные общественные системы: вначале как индустриально-техногенные, а с конца XX в. – как постиндустриально-техногенные, которые эволюционируют преимущественно на основе рыночного либерально-экономического техногенеза [Дергачева 2005; 2009].

В техногенном обществе в ходе процессов урбанизации, индустриализации, информатизации и глобализации как социальных механизмов технологизации социума и биосферы складывается техносфера. Цель ее создания – удовлетворение насущных и элитных социально-экономических и социокультурных потребностей населения в более комфортной среде обитания (по сравнению с естественной, биосферной средой). Города, мегаполисы, городские агломерации и отдельные поселения становятся центрами промышленного производства и процессов интенсивной техносферизации. Основу техносферы составляют машинная техника и технологии, благодаря которым происходят ее усложнение в форме промышленно-технических, агропромышленных и урбанизированных комплексов и распространение по планете. Так, если сейчас антропогенно изменено более полови-

ны поверхности суши планеты, то к концу XXI в. будет изменено не менее 4/5 [Кацура, Отарашвили 2005: 44]. Крупнейшие города мира, объединенные транспортными и информационно-коммуникационными системами, образуют гигантский техносферный геополис со своеобразной урбан-техносферной жизнедеятельностью, которую можно рассматривать уже как постбиосферную, а со временем – и становление в третьем тысячелетии всепланетарной техносферной жизнедеятельности. В техносфере осуществляется почти вся трудовая и социально-бытовая жизнедеятельность современного человека, ускоряются процессы социализации, формируется материально-техническая база для удовлетворения потребностей растущего населения. Глобальная техносферизация происходит в форме объединения производственных комплексов разных стран, подключаемых на разных стадиях технологического цикла с целью решения единых хозяйственных задач, совершенствования технологий производства, обмена и потребления продукции, получаемой с наибольшей экономической эффективностью. Такое переплетение национальных производственных процессов приносит сверхприбыли странам, обладающим научно-технологическими преимуществами. На этой основе формируются звенья единого мирового механизма воспроизводства и распространения техногенных процессов, начиная от внедрения техники и технологий и заканчивая техногенными изменениями биологического вещества биосферы, включая и изменения, происходящие в самом человеческом организме.

Либерально-экономическое развитие общества, основанное на постоянном приращении производства новых товаров и услуг, ускоряет научно-технический прогресс и процессы глобальной техносферизации, при этом противоречивая и даже опасная направленность техногенеза остается за пределами интересов рыночного хозяйствования. Техногенное развитие осуществляется в направлении постепенного вытеснения естественных природных систем и замещения их искусственными комплексами. Разрушение биосферы происходит в значительно большей степени, чем ее самовосстановление. Так, если в начале XX в. была уничтожена лишь пятая часть экосистем, то в начале XXI в. сопутствующие становлению глобальной техносферы процессы деградации затрагивают уже более двух третей систем биосферы [Николайкин и др. 2003: 361]. И этот техно-урбанистический каркас, пронизанный информационно-техносферными сетями, представляет ядро глобального техногенеза современного мирового сообщества. По нашим исследованиям, на смену биосферной системе жизни приходит не просто социоприродная система, а более обширная, включающая и техносферу, – глобальная социотехноприродная система. Последняя, возможно, утвердится уже в третьем тысячелетии, если социум не предпримет решительных шагов по сохранению биосферной жизни и порожденного ею человека.

Машинная техника и техносфера имеют искусственное (то есть технико-технологическое) происхождение и участвуют в изменении техногенным социумом биосферы ради удовлетворения своих потребностей и интересов. Они вступают во взаимосвязи по линии «социум – техносфера – биосфера», то есть являются компонентами более сложных процессов и явлений. Техносфера – это противоположность биосферы, то есть естественного, природного мира, саморазвивающегося на планете на протяжении около 4 млрд лет. Это не просто техника и технологии, а все материально-искусственное, неживое, включая химические вещества промышленного и иного искусственного, небiosферного происхождения,

отходы производства и других форм жизнедеятельности населения, а также последствия их воздействия на биосферу и человека. Техносферизация – это процесс расширения всего искусственного; это также процесс сложной и непредсказуемой интеграции техносферы с социумом и биосферой. Среди последствий техносферизации особое место занимают процессы трансформации биосферных механизмов регуляции природной среды (то есть биогеохимического круговорота веществ) и изменения биологии современного мира.

Как известно, биосфера представляет собой системную целостность живых организмов («живого вещества», по словам В. И. Вернадского) с окружающей их естественной природной средой, с которой они находятся в постоянном физико-химическом взаимодействии и обмениваются веществом, энергией и информацией. Живое вещество эволюционирует, что и определяет состав биосферы (в том числе химический состав – биосферную химию). Биота поддерживает природную среду в жизнеспособном состоянии благодаря биогенной миграции атомов между живой природой и ее природно-биосферным окружением. Благодаря глобальному замкнутому биогеохимическому круговороту биосфера аккумулирует огромные потоки вещества и энергии, перераспределяет их, сохраняя динамическое равновесие. Постоянно воспроизводя биологические формы жизни (в том числе и людей), биосфера сама непрерывно изменяется под воздействием жизненных биогеохимических процессов. В техногенном обществе эти процессы особенно стремительно насыщаются небактериальной химией – супертоксикантами, ксенобиотиками и другими искусственными веществами. Это происходит в результате загрязнения экосистем промышленными, бытовыми и особенно синтезированными искусственными химическими веществами (их уже более 18 млн [Глобалистика... 2006: 328]), которые представляют опасность различной степени для биосферы и ее организмов. Искусственные супертоксиканты не выводятся из оборота, так как для большинства из них не существует механизмов естественного разложения. Процессы глобализации производства синтетических химических веществ приводят к расширенному их накоплению не только в природной среде, но и в организме людей. Так, только в тканях человека находят до 2 тыс. объектов антропогенного происхождения [Там же]. Искусственные вещества распространяются через пищевые цепи, постоянно включаются в биосферный биотический круговорот веществ, трансформируют его, формируя техногенный круговорот веществ. Из техносферных островков искусственных веществ в процессе их распространения и слияния с социумом и биосферой в ходе урбанизации, индустриализации, информатизации, биотехнологизации возникает глобальная техносфера. Эти качественно отличные от биосферы части техносферы интегрируются с естественными природными организмами и человеком, создавая промежуточные формы между естественным и искусственным миром – технобиосферу, техногенного человека, трансгенные растения, клонированных животных и т. д.

«Био» – это не просто биологическое вещество, это вещество, имеющее биосферное происхождение – биосферное биологическое вещество¹ [Демиденко и др. 2011: 57], включающее живое и биогенное (то есть неживое) биологическое вещество. Его состав, структура, функции и эволюция определяются многовековой жизнедеятельностью биосферы. Такое вещество сохраняет относительное качест-

¹ Понятие введено Э. С. Демиденко.

венное постоянство внутренней микроэлементной биологической структуры, характерной для организма биосферы, а также постоянство скорости обмена веществ с окружающей естественной природной средой. Биологические системы способны к самовоспроизводству, обладают наследственностью признаков и изменчивостью под влиянием спонтанных факторов естественной среды, что обуславливает их генетические адаптации, видообразование, а в итоге – рост биологического разнообразия живых организмов биосферы.

Эволюция биосферного биологического вещества обусловлена не только саморазвитием биосферы, но также процессами изменения естественной природы земледельческим, а впоследствии техногенным социумом. Такие изменения начинаются в период перехода к первому типу производящей экономики – земледелию и связаны с целенаправленным окультуриванием диких растений, приручением животных на основе искусственного отбора и применения биосферных (земледельческих и селекционных) технологий, их адаптацией к культурным потребностям человека и дальнейшему совершенствованию социоприродной среды. Земледельческий социум существенно не изменял качественный состав биологического вещества биосферы. С переходом к техногену техногенным социумом активно начинают использоваться уже небiosферные, искусственные технологии – вначале в промышленности, а затем с разворачиванием научно-технической революции с середины XX в. – в земледелии и других сферах жизни общества. К небiosферным относятся индустриальные, информационные, нано-, био- и другие технологии как составные элементы техносферы. Их применение предполагает перевод живого биологического вещества биосферы и ее организмов в постбиосферное, искусственное состояние – трансгенное, биотехнологическое. Измененное под воздействием глобальной техносферизации биологическое вещество становится уже техногенным.

По мере нарастания процессов техносферизации биосферного биологического вещества происходит удаление его от естественных первооснов, присущих дикой природе. Отсюда необходимо различать естественное природно-биосферное биологическое вещество, формируемое саморазвивающейся биосферой; биосферное биологическое социально-окультуренное вещество, сохраняющее свою структуру практически неизменной и связанное с развитием земледелия, присущих ему биосферных технологий и искусственного отбора, и биосферное биологическое вещество с техногенными изменениями, возникающими в результате загрязнения (или обработки) его химическими и другими искусственными веществами [Демиденко и др. 2011: 58]. В ходе сочетания технико-технологических процессов производства и биосферных технологий в таком веществе формируются наряду с существующими биосферными новые его свойства (позитивные и негативные). По сути, биосферное биологическое вещество в своей совокупности и есть тот жизнеподдерживающий «каркас» биосферы, без которого невозможно само существование человека. Именно это вещество, несмотря на содержание в нем синтетических веществ и химических элементов, обладает способностью к воспроизводству и распространению жизни на Земле (конечно, в определенных пределах изменений под воздействием антропогенных факторов внешней среды). Но, к сожалению, этот биосферный «каркас» человечество нарастающими темпами разрушает и трансформирует, тем самым игнорируя безопасность собственного существования на Земле. В ходе техносферизации биосферного биологического вещества на

основе небiosферных, искусственных технологий создается уже постбиосферное биологическое вещество (искусственное живое и биогенное, то есть обобщенно – искусственная жизнь), интегрирующее гены самых различных растений и животных, в результате чего формируются уже новые для биосферы виды. И такие трансформации расширяются по планете в результате распространения рыночно ориентированных достижений научно-технического прогресса. Соответственно разрушающийся генофонд естественной природы (сокращение ее биоразнообразия) человечество может восполнить (а на деле выходит, что заменить) с помощью новейших биотехнологий для сохранения и дальнейшего развития жизни на Земле. Однако с переходом к техногенезу в биосферном биологическом веществе происходят существенные трансформации, которые в основном неоднозначно (в большинстве своем негативно) сказываются как на самом веществе, так и на формирующихся из него организмах биосферы.

Трансгенные, генно-модифицированные организмы и продукты питания разрушают биосферу и человека уже «неклассическим» путем, ослабляют биосферную жизнь, миллионами лет складывающуюся на планете. В мире уже сотни гектаров земли засеяно трансгенными растениями. Таких растений уже более 120 видов. Кроме того, пищевой рацион современного потребителя в значительной степени состоит из биотехнологических продуктов. В этом нас убеждают следующие факты. В начале XXI в. в мире выращивается уже более половины объема трансгенной сои и пятая часть хлопка, а в США, широко использующих искусственно синтезированные продукты питания, почти вся соя, две трети кукурузы и половина хлопка являются трансгенными [Уокер 2008: 240]. Биосфера и ее организмы насыщаются искусственно созданными техносферно-биологическими компонентами, многие из которых обладают способностью к самостоятельной эволюции, их уже невозможно устранить из естественной природной среды. Все это сопровождается потерей биосферного биоразнообразия, загрязнением трансгенами генетически немодифицированных растений в результате стихийной миграции трансгенов на другие виды. Внедрение технологий техносферы значительно затрудняет понятие «биосферный биологический организм». В связи с этим возникает необходимость принятия глобальных мер по сохранению нетрансгенных традиционных культур. Трансформируемая под воздействием расширения техносферы биосфера переходит в новое качественное состояние – технобиосферу.

Техногенные продукты питания обычно создаются на базе агропромышленных комплексов с использованием «передовых технологий» повышения урожайности растений, их высокой устойчивости к вредителям и других достижений биотехнологической индустрии. Однако содержание питательных веществ в таких продуктах питания существенно отличается от биосферных продуктов. С одной стороны, биосферные питательные вещества в них постоянно сокращаются из-за минерального истощения обрабатываемых земель, а с другой – происходит насыщение пищевых продуктов искусственно-химическими веществами, что отрицательно сказывается на здоровье человека за счет обеднения его пищевого рациона. Последний должен содержать не менее 600 питательных ингредиентов, в том числе 17 витаминов и 20 аминокислот. Так, если в начале XX в. человек, съев два яблока средней величины, получал суточную норму железа, то в начале текущего столетия для этого требуется уже примерно 25–50 яблок [Ларионова, Алексеев 2008: 94] или же прием биодобавок. Снижающаяся пищевая ценность

продуктов питания человека (растительного и животного происхождения) не позволяет обеспечивать его организм необходимыми микроэлементами, приводит к нарушению пищевого статуса и как следствие – заболеваниям, необходимости медицинского вмешательства или же постоянного приема витаминно-минеральных комплексов и лекарственных препаратов, хотя и эти меры не позволяют в достаточной степени компенсировать снижающиеся адаптационные возможности организма к техногенным условиям жизнедеятельности. Несмотря на то, что более двух третей населения развитых стран мира принимают «витаминные» таблетки, то есть биодобавки (а в России всего лишь 5%), количество случаев «болезней цивилизации» (ожирения, диабета и т. д.) в этих странах не только не понизилось, а, наоборот, продолжает расти. Конечно, под воздействием техносферизации стремительно развиваются социальные качества населения: совершенствуется его мышление, усложняются трудовые функции и образ жизни, формируются новые потребности, удовлетворяемые в большей степени за счет биосферы. Но в то же время разрушаются природные свойства человека, что отрицательно сказывается на состоянии его здоровья. Ведь только за последнюю треть века в 2,5 раза увеличилось количество генетических дефектов в результате ослабления иммунной системы и снижения сопротивляемости человеческого организма болезням [Глобалистика... 2003: 93].

Формируется сложное и непредсказуемое взаимодействие в системе «социум – техносфера – биосфера», то есть социально-техносферно-биосферные взаимоотношения. Взаимосвязь этих компонентов основывается на нарастающем доминировании социально-техногенных и искусственных систем в развивающемся социоприродном организме, что приводит к изменению биосферных биогеохимических циклов и других биосферных процессов и формированию на планете новых, переходных форм биологической жизни – от естественных к искусственным (то есть от биосферных – к постбиосферным). Такие формы жизни, создаваемые социумом на основе небiosферных технологий и внедрения небiosферных веществ, то есть интеграции с искусственным миром техносферы, являются уже социотехноприродными (техногенно трансформированными, трансгенными и т. д.). В то же время эти творения человеческого разума еще нельзя относить к миру техносферы, в котором искусственные, технико-технологические процессы качественно отличаются от мира живого, биосферно-биологического. В ходе глобализации техносферы происходят многоступенчатое усложнение биосферной биологической жизни и ее переход на надприродно-искусственный уровень своего существования.

Современный эволюционирующий социоприродный мир не имеет жестко разделяемых границ природно-биосферных и социальных закономерностей, где четко отделить социальное от природно-биологического, а теперь уже и от техносферного, очень сложно. Речь в глобалистике должна идти уже не просто о социально-экономических и социоприродных процессах [Дергачева 2008], на изучении и прогнозировании которых концентрируют свое внимание последователи В. И. Вернадского, Э. Леруа и П. Тейяра де Шардена, а о более обширных – социотехноприродных процессах (и проблемах), которые являются переходными от естественной к искусственной детерминации жизни. Ведь общество и мир сейчас развиваются не по биосферному, а по *социально-техногенному* пути [Демиденко и др. 2011; Дергачева 2010]. Такие процессы представляют собой развитие явле-

ний с участием техногенного социума, его техносферы и трансформируемой биосферы. В теории глобалистики не учитываются совершающиеся сейчас в ходе техногенеза глобальные трансформации по формированию новой системной целостности социоприродной жизни, переходу жизни от ее естественных, биосферных форм к искусственным, замене естественной эволюции жизни социотехноприродной и формированию социотехноприродного, техногенного мира. Но это уже не просто социоприродная, а *социотехноприродная глобализация*² [Дергачева 2009]. Новое направление исследований *социотехноприродных процессов*, расширяющее границы понимания техногенности эволюции общества и природы, находит отражение в трудах В. И. Гнатюка, Э. С. Демиденко, А. М. Ковалева, С. В. Кричевского, Б. И. Кудрина, В. А. Кутырева, Н. Н. Лапченко, А. П. Назаретяна, Н. В. Попковой, В. С. Степина, С. Н. Чувина, А. Ф. Шустова и др. [см., например: Демиденко 2003; 2006; Демиденко и др. 2007; Попкова 2008; 2009; 2010].

Либерально-экономическое развитие техногенного социума в совокупности с транснациональными корпорациями ориентировано на рыночный экономический рост и получение сверхприбылей в краткосрочный период за счет совершенствования наукотехники и техносферы и использования ресурсов биосферы. Со становлением техногенных общественных систем и расширением процессов техносферизации формируется новая, социотехноприродная форма эволюции жизни на планете Земля. Процессы такой интеграции охватывают в большей или меньшей степени все пространство планеты. Развивается не просто социоприродная, а уже социотехноприродная система, к которой постепенно переходят функции по воспроизводству и организации жизни от утрачивающей свою мощь и биоразнообразие биосферы. Достаточно отметить, что скорость сокращения площади естественных экосистем в настоящее время составляет около 0,5–1 % в год и, по прогнозам, по мере разрушения биосферы они будут почти полностью ликвидированы на суше уже к 2030 г. А скорость исчезновения биологических видов в сотни и даже тысячи раз выше, чем в доиндустриальный период развития общества [Данилов-Данильян и др. 2007: 38–39]. Это неоднозначный процесс, так как неизвестно, будут ли в дальнейшем положительные изменения для социума и человека превалировать над негативными. Пока этого не наблюдается в свете разворачивающегося экологического кризиса. И эти социотехноприродные процессы и проблемы необходимо исследовать на уровне как социально-философской области глобалистики, так и всего междисциплинарного комплекса наук. Ведь «на балансе» человечества стоит разумное согласование технократических закономерностей социотехноприродной глобализации и создание возможностей для поддержания механизма воспроизводства естественной биосферно-биологической жизни на планете Земля.

Литература

Глобалистика: международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.; СПб.; Н.-Й. : Елима; Питер, 2006.

Глобалистика: энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». М. : Радуга, 2003.

Данилов-Данильян В. И., Залиханов М. Ч., Лосев К. С. Экологическая безопасность. Общие принципы и российский аспект. М. : МППА БИМПА, 2007.

² Понятие введено автором.

- Демиденко Э. С. Ноосферное восхождение земной жизни. М. : МАОР, 2003.
- Демиденко Э. С. Формирование метаобщества и постбиосферной земной жизни. М.: Всемирная информ-энциклопедия; Брянск : Ладомир, 2006.
- Демиденко Э. С., Дергачева Е. А. Техногенное развитие общества и трансформация биосферы. М. : Красанд, 2010.
- Демиденко Э. С., Дергачева Е. А., Попкова Н. В. Техногенное общество и земной мир / под ред. Э. С. Демиденко. М. : Всемирная информ-энциклопедия; Брянск : БГТУ, 2007.
- Демиденко Э. С., Дергачева Е. А., Попкова Н. В. Философия социально-техногенного развития мира. М. : Всемирная информ-энциклопедия; Брянск : БГТУ, 2011.
- Дергачева Е. А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности. Брянск : БГТУ, 2005.
- Дергачева Е. А. Социоприродная проблематика в современной глобалистике // Философия и общество. 2008. № 3. С. 109–122.
- Дергачева Е. А. Тенденции и перспективы социотехноприродной глобализации. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.
- Дергачева Е. А. От техногенного общества – к социотехноприродной глобализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 4. С. 7–13.
- Дергачева Е. А. Философия техногенного общества. М. : Ленанд, 2011.
- Кацура А., Отарашвили З. Экологический вызов: выживет ли человечество? М. : МЗ Пресс, 2005.
- Ларионова И. С., Алексеев А. А. Системное мышление в практике биолога и врача: философский анализ: в 2 т. Т. 2. М. : ЛКИ, 2008.
- Николайкин Н. И., Николайкина Н. Е., Мелехова О. П. Экология. М. : Дрофа, 2003.
- Попкова Н. В. Философия техносферы. М. : ЛКИ, 2008.
- Попкова Н. В. Антропология техники: Становление. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.
- Попкова Н. В. Философская экология. М. : ЛИБРОКОМ, 2010.
- Степин В. С. Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 16–26.
- Уокер Ш. Биотехнология без тайн. М. : Эксмо, 2008.

ПУТИ К СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Абылгазиев И. И.

д. и. н., проф., научный руководитель
факультета глобальных процессов МГУ
им. М. В. Ломоносова.

Ильин И. В.

д. полит. н., доцент, декан факультета
глобальных процессов МГУ
им. М. В. Ломоносова.
E-mail: dekanat@fgp.msu.ru

Анализируются итоги II Международного научного конгресса «Глобалистика-2011: пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления», состоявшегося в МГУ в мае 2011 г. На основе богатого фактического материала показана содержательная работа конгресса, приводятся отдельные высказывания, статистические данные, делаются теоретические обобщения и практические выводы.

Ключевые слова: глобалистика, глобализация, стратегия, политика, экономический кризис, глобальное управление, культура, цивилизация.

The authors analyze the proceedings of II International Academic Congress 'Globalistics-2011: The Ways to Strategic Stability and the Problem of Global Governance' held at Moscow State University in May, 2011. On the basis of abundant facts they show informative work of the Congress, quote various statements, statistic data, theoretical general conclusions and practical implications.

Keywords: globalistics, globalization, strategy, politics, economic crisis, global governance, culture, civilization.

19–21 мая в Московском государственном университете состоялись основные мероприятия **II Международного научного конгресса «Глобалистика-2011: пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления».**

Конгресс был проведен по инициативе и на базе факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова под эгидой Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО при участии Кафедры ЮНЕСКО по изучению возникающих глобальных социальных и этических вызовов для больших городов и их населения, Российской академии естественных наук и Российского философского общества.

В работе конгресса приняли участие более 500 ученых и специалистов из 30 стран мира (в том числе США, КНР, Германии, Индии, Японии, Бразилии, Нигерии, ряда стран СНГ, Европы, Азии, Америки и Африки), занимающихся реше-

нием глобальных проблем и ведущих исследований в сферах философии, социологии и политологии, географии и экологии, экономики и демографии, истории и права, информатики, педагогики, прикладной математики и теории управления, других областях научного знания. Первый конгресс «Глобалистика» был проведен в МГУ в 2009 г. и собрал более 300 ученых из 15 стран мира. Нынешнее мероприятие почти в 2 раза превзошло по численности и представительности предыдущее, что свидетельствует о растущем интересе к комплексному решению глобальных проблем, о повышении роли Московского университета в научном сообществе, ведущем глобальные исследования.

Второй конгресс «Глобалистика» был посвящен 300-летию великого русского ученого М. В. Ломоносова и 50-летию первого полета в космос Ю. А. Гагарина.

19 мая в конференц-зале 1-го учебного корпуса гуманитарных факультетов МГУ состоялось торжественное открытие – пленарное заседание конгресса. Его открыл председатель организационного комитета II Международного научного конгресса «Глобалистика-2011», ректор МГУ им. М. В. Ломоносова, вице-президент РАН, академик РАН **В. А. Садовничий**.

«Глобалистика как междисциплинарная область научного знания делает свои первые шаги, – сказал в своем выступлении ректор МГУ, – и, наверное, еще долго будет идти дискуссия, естественная ли это наука или гуманитарная. Большинство считает ее, и не без основания, гуманитарной, но мне как представителю естественной науки кажется правомерным утверждение, что глобалистика – это естественно-научное знание. Разве можно изучать современный мир, не изучая среду, в которой человек находится? А изучать среду – значит изучать и родную землю, и близлежащее пространство, и перспективу выхода и освоения других планет. Глобалистика – это и психология, и социология, и, конечно, политология. Думаю, последуют блестящие работы представителей этого направления, где будут использоваться точные математические модели при описании нашего мира, нашей экономики и развития».

Научный руководитель факультета глобальных процессов МГУ, главный федеральный инспектор по городу Москве, профессор **И. И. Абылгазиев** огласил приветствия государственных деятелей, общественных организаций, видных ученых участникам и организаторам конгресса. Приветствия направили министр иностранных дел Российской Федерации **С. В. Лавров**, полномочный представитель президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе **Г. С. Полтавченко**, академик **Е. М. Примаков**, видный американский ученый, соавтор знаменитого доклада Римскому клубу «Пределы роста» **Д. Медоуз**, пионер исследования глобализации английский ученый **Р. Робертсон**, авторы ряда работ, посвященных глобальным проблемам, профессор **С. П. Капица** и известный биолог, историк и математик **П. Турчин**.

Глобализация – в целом позитивный процесс созидания в ходе человеческой деятельности взаимосвязанного целостного мира, однако для нее также характерно нарастание отрицательных последствий. При разрешении этих противоречий необходимо, чтобы все глобализационные процессы (прежде всего политические, экономические, социальные и экологические компоненты) функционировали в направлении нового тренда эволюции цивилизации – управляемого устойчивого развития. Глобальное управление и управляемость выступают главной исследова-

тельской проблемой в политической глобалистике. Не все политологи приемлют сам термин «глобальное управление». Однако в ООН еще в прошлом десятилетии была создана Комиссия по глобальному управлению. Все больше государств и организаций скрепляют свое сотрудничество международными договорами, а принцип мультилатерализма – многосторонности в принятии решений, – несмотря на сложнейшие политические процессы борьбы за глобальное лидерство, все более очевидно воспринимается как основной для политики будущего. Этим и продиктована тема конгресса: «Пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления».

Заместитель председателя организационного комитета конгресса, и. о. декана факультета глобальных процессов МГУ, доцент **И. В. Ильин** рассказал о задачах и плане предстоящей работы конгресса, а также представил модераторов секций конгресса.

В сентябре 2010 г. постановлением правительства России создано новое отделение РАН – отделение глобальных проблем и международных отношений. Тем не менее глобальные проблемы могут решаться лишь в содружестве ученых широкого круга специальностей и дисциплин. В сущности, все направления многогранной научной деятельности Российской академии наук касаются решения глобальных проблем современности, преодоления глобальных вызовов и определения вектора России в глобальном мире. Конгресс приветствовал главный ученый секретарь Российской академии наук академик **В. В. Костюк**, который выразил надежду, что работа участников конгресса позволит приблизиться к решению глобальных проблем.

Конгресс «Глобалистика-2011» проходит под эгидой ЮНЕСКО и при непосредственном участии Национальной комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. В приветствии председателя комиссии министра иностранных дел Российской Федерации **С. В. Лаврова** говорится, в частности, о важности «объединительной повестки дня», поднимаемой конгрессом.

Конгресс «Глобалистика-2011» был также посвящен Международному году молодежи, который проходит сейчас под эгидой ООН. Московское бюро ЮНЕСКО обращает большое внимание на мероприятия, связанные с Годом молодежи, которые проводятся в России, и принимает в них активное участие. На торжественном открытии конгресса выступил директор Бюро ЮНЕСКО в Москве **Д. Бадарч**.

Давним партнером факультета по проведению многих мероприятий является Российская академия естественных наук, деятельность которой во многом посвящена развитию идей выдающегося русского ученого В. И. Вернадского. Участников конгресса приветствовал президент РАЕН профессор МГУ **О. Л. Кузнецов**.

С развитием вычислительных методов и их технического оснащения математическое моделирование способно заглянуть в будущее и наглядно объяснить многие процессы прошлого. Многие сотрудники и студенты факультета глобальных процессов активно используют его подходы для решения задач своих научных, дипломных и курсовых работ. Во многом это происходит благодаря их теснейшему сотрудничеству с группой академика **В. А. Садовниченко** при Российской академии наук по изучению глобальной динамики. Академики **В. А. Садовнический** и **А. А. Акаев** представили на конгрессе содержательные работы: «Математическое моделирование глобальных процессов (новая методология)» и «Глобальный финансовый экономический кризис 2008 г.: уроки, перспективы

выхода и новые вызовы». О результатах последнего исследования рассказал в своем выступлении иностранный член РАН **А. А. Акаев**. В его работе предсказано наступление в ближайшее время второй кризисной волны, а начавшийся три года назад глобальный экономический кризис в целом является длительным по времени, но естественным процессом, сопровождающим смену технологических укладов.

Борьба за ресурсы являлась, пожалуй, главной причиной международных конфликтов во все времена. От того, насколько наша страна сможет распорядиться своими природными богатствами, зависит не только ее будущее, но и, пожалуй, возможность стратегической стабильности во всем мире. В работе конгресса приняли участие десятки геологов. На открытии мероприятия выступил ректор Российского государственного геологоразведочного университета, член-корреспондент РАО, профессор **В. И. Лисов**.

Между глобалистикой и глобальными исследованиями (global studies) часто ставят знак равенства. Образовательные программы, связанные с подготовкой специалистов в области глобальных исследований, все более активно реализуются по всему миру. В 2007 г. создано межвузовское объединение Консорциум «глобальных исследований», который стремится объединить вузы, где ведется подготовка специалистов в области глобалистики. Очередное заседание Консорциума состоялось в Шанхае в июне 2011 г., следующее пройдет в Мельбурне в 2012 г. Факультет глобальных процессов МГУ принят в члены Консорциума.

Факультет глобальных процессов МГУ активно развивает сотрудничество и российских университетов. В содружестве с коллективом первой в стране кафедры культурологии и глобалистики, созданной в Балтийском государственном техническом университете «Военмех» имени Д. Ф. Устинова, в прошлом году была подготовлена и издана коллективная монография «Глобальная геополитика». Участников конгресса приветствовал заведующий кафедрой, вице-президент Академии геополитических проблем, профессор **И. Ф. Кефели**.

С первых лет своего существования наш факультет тесно сотрудничает со своим «побратимом» – факультетом нелинейных процессов Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Проводятся совместные конференции, выпущена коллективная монография, посвященная математическому моделированию глобальных процессов. О перспективах развития сотрудничества вузов в сфере глобалистики рассказал выступивший на открытии конгресса видный ученый, научный руководитель факультета нелинейных процессов СГУ, член-корреспондент РАН **Д. И. Трубецков**.

Наш конгресс уже во второй раз проводится при самом активном участии Российского философского общества. Самая крупная секция конгресса собирает именно философов, что и понятно, поскольку без философского осмысления глобальных проблем, без ценностных ориентиров нельзя даже и думать об устойчивом развитии, стратегической стабильности и разумном глобальном управлении. Именно по инициативе первого вице-президента Российского философского общества профессора ФГП МГУ **А. Н. Чумакова** два года назад стартовал международный проект «Кто есть кто и что есть что в глобалистике». До этого были выпущены энциклопедия и словарь «Глобалистика», в том числе на английском языке. В настоящее время готовится американское издание словаря, и одним из «моторов» идеи обобщения наших знаний о глобальных процессах, о глобализа-

ции является видный американский философ, один из основателей международного движения «Обеспокоенные философы за мир», профессор Университета Северной Каролины **У. Гэй**, который приветствовал участников и организаторов конгресса.

В работе конгресса приняла участие очень представительная китайская делегация. Без КНР, ее растущей глобальной роли невозможно представить себе принципы будущего устойчивого развития и диалога в решении глобальных проблем. В работе конгресса приняли участие ученые Университета Цинхуа, Шаньдунского университета, Юньнаньского и Чжуннаньского университетов финансов и экономики, а также большая делегация профессоров и студентов Юго-Западного университета экономики и финансов Ченду (провинция Сычуань). По инициативе факультета глобальных процессов и Юньнаньского университета в прошлом году был создан Международный центр глобальных исследований в Азиатско-Тихоокеанском регионе, ректор университета побывал с визитом в МГУ. Конгресс активно освещался информационным агентством «Синьхуа». В рамках дополнительной программы конгресса состоялся круглый стол, в котором приняли участие студенты и преподаватели Юго-Западного университета, прибывшие в Московский университет для изучения перспектив сотрудничества в области образования, налаживания академических обменов. На открытии конгресса выступил декан экономического факультета Университета Ченду профессор **Лю Фан-цзянь**.

Конгресс «Глобалистика-2011» стал подлинно общеуниверситетским мероприятием, в его работе, помимо сотрудников факультета глобальных процессов, приняли участие представители самых разных факультетов МГУ. Участников и организаторов конгресса приветствовал декан факультета политологии МГУ профессор **А. Ю. Шутов**. Мероприятия конгресса прошли в нескольких корпусах МГУ, в том числе на базе кафедры химической технологии химфака МГУ.

Глобалистика – не только сфера научного знания, продвижение идей которой невозможно без активной общественной деятельности. На открытии конгресса выступили вице-президент Международной организации преподавателей философии, заведующая кафедрой философии, профессор Софийского университета имени св. Климента Охридского **А. Карагеоргиева** и президент Федерации мира и согласия **В. И. Камышанов**.

Одной из наиболее актуальных научных проблем для нашего факультета является изучение глобального инновационного процесса и роли в нем международного промышленного сотрудничества. Устойчивое развитие невозможно без выравнивания уровней экономики разных стран. Руководство нашей страны провозгласило политику ускоренной модернизации с выходом на инновационное развитие, активно привлекаются новые технологии, а также их разработчики из других стран. В завершение торжественного открытия участников и организаторов конгресса приветствовал директор Центра международного промышленного сотрудничества Организации Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО) в Российской Федерации **С. А. Коротков**.

В обширном раздаточном наборе участников конгресса помимо двух томов материалов участников были представлены новые номера журналов «Век глобализации», «Journal of Globalization Studies», коллективная монография «Город в

контексте глобальных процессов» (под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина, Н. А. Слуки), учебное пособие «Введение в палеоглобалистику» (авторы Р. Р. Габдуллин, И. В. Ильин и А. В. Иванов) и ряд других изданий.

19 и 20 мая были проведены основные рабочие мероприятия: секции и круглые столы конгресса.

Наиболее многочисленной секцией конгресса стала **секция «Философские проблемы глобализации и глобальных процессов»**, модераторами которой были известные ученые: профессора **А. Н. Чумаков**, **И. К. Лисеев** (Финансовый университет при Правительстве РФ, Институт философии РАН), **Н. М. Мамедов**, **Э. В. Гирусов**, **Х. А. Барлыбаев** (Российская академия государственной службы и народного хозяйства).

Большинство докладов было посвящено общим вопросам глобализации и возможностям ее познания. Пользуясь выражением одной из докладчиц, зав. кафедрой философии Софийского университета **А. Карагеоргиевой**, можно сказать, что именно философы должны выяснить, какая рациональность – глобальная, локальная или глокальная – должна определять дальнейшее развитие человечества, если оно стремится следовать по пути разума.

По мнению представителя Санкт-Петербургской философской школы профессора **В. П. Бранского**, важнейшей проблемой современной глобалистики и философии глобальности является проблема построения синтетической концепции глобализации. В основе такой концепции может лежать, по его мнению, синергетическая философия истории, ценность которой в том, что она позволяет синтезировать различные методы и подходы. Участники секции говорили о различных подходах к изучению глобализации и других глобальных процессов: цивилизационном, акмеологическом, социально-антропологическом, этическом и других. Особая озабоченность, прозвучавшая в выступлениях участников, связана с экологическими и природоресурсными проблемами. Как сказал в завершение своего выступления **Э. В. Гирусов**, все глобальные проблемы являются вторичными по отношению к проблеме «человек – природа».

Секцию «Глобальные проблемы образования и подготовка специалистов в области глобальных процессов: принципы, программы, трудоустройство» возглавил профессор ФГП МГУ академик АН Молдовы **А. Д. Урсул**.

Наиболее важные процессы образовательной интеграции выражаются в основном в таких трансформациях, как глобализация образования и становление так называемого глобального образования. Было высказано мнение, что в идеале образовательная интеграция должна быть национально обусловленной, глобально ориентированной и социально скоординированной. Нельзя допустить, чтобы она, способствуя идентификации образовательных систем и обогащению культурных взаимосвязей, привела к сокращению цивилизационного и культурного разнообразия. В центре внимания глобального образования – проблемы экологии, которые наиболее полно выражаются в экологических аспектах современного образования как важного фактора перехода к устойчивому развитию. Еще в 2005 г. Российская Федерация присоединилась к Стратегии Европейской экономической комиссии ООН для образования в интересах устойчивого развития, которой предусмотрено на базе дальнейшего развития экологического образования формирование новых стереотипов поведения, основанных на принципах экологической культуры, идеях устойчивого развития и убеждении в их приоритетности.

Большое внимание было уделено и другим проблемам культуры в образовательном процессе, связанным с такими новыми понятиями и научными направлениями, как «виртуальная культура» и «информационная культурология».

Было обращено внимание на необходимость как модернизации, так и футуризации образования, которое в определенных аспектах будет становиться опережающим образованием, не только не отстающим от современной жизни, но и эффективно прокладывающим путь в «наше общее будущее».

Одной из основных секций конгресса стала **секция «Мировая политика и глобальная геополитика»**. Ее модератором стал крупнейший в Московском государственном университете специалист в области международных отношений профессор факультета политологии **П. А. Цыганков**. На секции поднимались проблемы теоретического статуса глобальной геополитики, перспектив глобальной демократии, конфигурации и статусной иерархии мира XXI в., полярности современной мировой политической системы. Наибольший интерес вызвали вопросы о месте понятия «конфликт» в предметном поле глобальной геополитики, о проблемах соотношения суши и моря в контексте геополитики, о перспективах российско-китайских, российско-американских и российско-белорусских отношений, о проблеме стабильности в многополярном мире.

Перспективы глобальной экономики, место и перспективы в ней России обсуждались на **секции «Глобальный финансово-экономический кризис и экономическая рецессия: уроки, перспективы выхода и новые вызовы»**, состоявшейся под председательством академика **А. А. Акаева**.

В докладах секции были затронуты следующие проблемы: общие закономерности формирования мировых кризисов; особенности глобального финансового кризиса 2007–2009 гг.; влияние мировых кризисов на потоки финансового капитала, рабочей силы и интеллектуальных ресурсов; реакции трудоспособной части населения и домохозяйств на причины и последствия глобального финансового кризиса; альтернативы выхода из глобальных кризисов и другие.

Такие темы, как теория мирового финансового кризиса, пути достижения стратегической стабильности, проблемы глобального управления, реакция социума на последствия кризиса и ряд других, получили в рамках докладов конгресса новое творческое осмысление. При этом расширилась исследовательская база научных работ и контактов ученых и практиков данной сферы исследования различных стран.

Отмечается особый интегративный подход к решению следующих научных проблем и вопросов: глобальной эволюции подходов представителей мирового сообщества и национальных правительств к согласованным коллективным действиям в условиях возникновения и осуществления кризисов любой природы и степени сложности; взаимосвязи, взаимозависимости и соотношения стратегических и национальных приоритетов и государственных программ в условиях глобального финансового кризиса; политическим и социально-экономическим механизмам обеспечения национальной безопасности и совершенствования стратегического планирования и глобального управления в условиях кризиса.

Одна из подсекций секции «Техносфера и окружающая среда: вызовы для глобальной геоэкологии и управление в природоохранной сфере» (модератор – декан факультета экологии и сервиса Саратовского государственного технического университета профессор **А. В. Иванов**) прошла на кафедре химической

технологии химфака МГУ по инициативе и под руководством доцентов **В. А. Мамонтова** и **В. В. Меньшикова**.

В докладах секции были затронуты следующие научные проблемы: формирования глобального геоэкологического мышления, опасности технократического мышления, автономии и глобальной управляемости техносферы, проблемы глобальной геохимии и химической технологии, глобального процесса урбанизации, формирования урбосферы и урбанизма как образа жизни, проблема глобальных природно-техногенно-социальных катастроф и проблема понятийного аппарата глобальной экологии в разных языках. Участники секции отметили особую актуальность глобально-геохимической и глобально-химико-технологической тематики, что связано с такими проблемами, как глобальное геохимическое загрязнение, необходимость разработки ресурсо- и энергосберегающих технологий, актуальность и необходимость дальнейшей разработки глобально-урбосферной проблематики совместно с кафедрой ЮНЕСКО по глобальным вызовам для больших городов; актуальность и необходимость дальнейшего изучения понятийно-терминологического аппарата в области глобальной экологии и природно-техногенных систем с выходом на разработку специализированных справочных продуктов (словарей, терминологических энциклопедий и т. п.). Была также отмечена необходимость развития популяризации глобально-экологических и глобально-экологических знаний, активизирования внедрения результатов исследований по обозначенным тематикам в образовательный процесс школьного и вузовского уровня.

Секция «Математическое моделирование в изучении глобальных исторических процессов: успехи и перспективы» прошла под руководством члена-корреспондента РАН, научного руководителя факультета нелинейных процессов Саратовского государственного университета **Д. И. Трубецкого**. На секции были рассмотрены представленные в заочном докладе **В. А. Садовниченко** и **А. А. Акаева** принципы новой методологии математического моделирования глобальных процессов, в работах участников секции была представлена оригинальная математическая модель глобального исторического процесса развития человечества, нашла развитие тема количественного анализа глобализационных процессов. Особый интерес участников секции вызвали работы по математическому моделированию глобальных процессов с использованием системы уравнений Лотки – Вольтерра и ланчестерских моделей. Использование математического моделирования для анализа последней глобальной волны социально-политической дестабилизации также стало предметом ряда докладов секции. В ряде работ математические модели были использованы для исследования влияния глобальных процессов на динамику различных процессов в России.

В своей резолюции участники секции призвали коллег продолжить научные исследования в области глобальной клиодинамики, совмещающей комплексный системный анализ и математическое моделирование глобальных процессов как в ретроспективе, так и в перспективе.

Важным направлением работы конгресса стало проведение секции **«Вопросы мирового социокультурного развития. Глобализация, регионализация, глокализация»**, вдохновителем которой был один из пионеров исследования глобализации профессор Университета Абердина (Великобритания) **Р. Робертсон**. Российским модератором секции была профессор ФГП МГУ **О. Г. Леонова**.

На секции были заслушаны доклады, посвященные методологии анализа социокультурного аспекта глобализации, региональным аспектам социокультурной динамики в условиях глобализации, проблемам языкового развития в контексте социокультурной глобализации, путям решения проблем сохранения цивилизационной и социокультурной стабильности в условиях глобального взаимодействия культур. Участники секции отметили актуальность и недостаточную научную разработанность методологии и методики анализа процессов социокультурной глобализации, цивилизационных аспектов социокультурной глобализации, ряда других значимых проблем.

По мнению участников секции, приходится констатировать формирование особого интегративного подхода к решению следующих научных проблем и вопросов: социокультурное развитие в условиях глобализации, геопространственное и социокультурное измерение глобализации, языковая ситуация в глобальном мире и др.

Методология и будущность глобальных исследований активно обсуждались на секции **«Глобальные исследования: тенденции, проблемы, перспективы»**, модератором которой стал профессор **Л. Е. Гринин**. По инициативе его и профессора РГГУ **А. В. Коротаева** совместно с факультетом глобальных процессов МГУ издается англоязычный журнал “Journal of Globalization Studies”.

Участники секции отметили актуальность и недостаточную разработанность ряда научных направлений и тем. Среди них: связь и взаимное влияние глобальных и локальных процессов, в том числе задачи, которые вытекают для отдельных стран и регионов из предполагаемых направлений и особенностей глобальных тенденций; связь длинных кондратьевских волн и других глобальных тенденций.

Важным направлением работы стала секция **«Новые вызовы устойчивому развитию и механизмы обеспечения глобальной безопасности»** (модератор – вице-президент Академии геополитических проблем, заведующий кафедрой культурологии и глобалистики Балтийского государственного технического университета «Военмех», профессор **И. Ф. Кефели**).

На секции были заслушаны доклады по следующим направлениям: устойчивое развитие глобального мира; методология обеспечения глобальной безопасности; глобализация агросистем; ноосферная конституция спасения цивилизации; тенденции и особенности глобального терроризма; силовое принуждение; продовольственная безопасность; политические аспекты борьбы с глобальным терроризмом.

Участники секции особо отметили необходимость разработки интегративного подхода к решению проблемы глобального управления на основе взаимодействия философско-методологического, синергетического, политологического, социологического и международно-правового знания.

Кафедра ЮНЕСКО, основанная на факультете глобальных процессов МГУ по соглашению генерального директора ЮНЕСКО **И. Боковой** и ректора МГУ им. М. В. Ломоносова, вице-президента РАН, академика РАН **В. А. Садовниченко** в сентябре прошлого года провела секцию **«Большие города и вызовы глобализирующегося мира»** (модератор – заведующий кафедрой, кандидат исторических наук **Ю. Н. Саямов**).

Перспективным направлением работы конгресса стала **секция «Форсайт и другие подходы к прогнозированию и изучению будущего»**. Ее возглавил известный специалист в области моделирования глобальных социальных процессов, профессор, доктор философских наук **В. Г. Буданов**.

Еще одной секцией, в значительной степени посвященной математическому моделированию различных социальных процессов, охватывающих значительные территории и крупные исторические периоды, стала **секция «Комплексный системный анализ и прогнозирование глобальной динамики»**, проведенная под руководством доктора технических наук профессора **С. Ю. Малкова**.

Участники секции особо отметили, что в условиях нарастания нестабильности в мире повышается актуальность исследований в области моделирования и прогноза мировой динамики. В предстоящие 10 лет прогнозируется усиление кризисных явлений в мировой экономике, что обусловлено переходом от 5-й к 6-й большой волне Кондратьевского цикла; экономические проблемы будут усиливать социальную и политическую напряженность, что необходимо учитывать при стратегическом планировании; в этих условиях необходим переход от неустойчивой к устойчивой парадигме развития, обеспечивающей снижение нарастающих в настоящее время социально-экономических диспропорций; необходимо развивать методы количественного анализа и математического моделирования глобальных процессов для повышения объективности и информативности прогноза.

Если секции конгресса были посвящены рассмотрению глобальных проблем и процессов в рамках одной или группы смежных дисциплин, то междисциплинарному рассмотрению они подверглись на круглых столах конгресса. Главным из них стал **круглый стол «Глобальные процессы и ноосферогенез»**, проведенный под руководством профессора **А. Д. Урсула**.

Ноосферогенез большинством выступающих на круглом столе представляется как наиболее перспективная альтернатива глобализации современного мира, развивающейся пока главным образом в контексте и на основе традиционного потребительского стихийно-эксплуататорского общества. Особое значение для развития ноосферогенеза играет модернизация образования, его преемственное развитие в различных социокультурных контекстах. Для развития ноосферогенеза особое значение имеет оптимальное **глоболокальное сочетание** культуроцентричности и поликультурализма, которое в различных регионах и странах может быть разным. Большинство выступающих предлагали в анализе ноосферогенеза на фоне осмысления современной глобализации учитывать формирующееся новое сочетание глобального, регионального и национального, а также личностного, социально-группового и общественного. Особое значение было уделено проблеме разрушительного влияния на ноосферогенез современного постмодернизма, ослабляющего социогуманитарное научное знание, провоцирующего его уход из управленческих практик. Ключевое значение для ноосферогенеза обосновывалось в отношении роли России, развития русского мира, переживающего последствия двух глобалистских трансформаций: левого и либерально-рыночного толка.

Молодых исследователей конгресса собрал **круглый стол «Молодые ученые-гуманитарии: опыт международного сотрудничества и глобальная инте-**

грация молодежи в науку», проведенный совместно ФГП МГУ, ИНИОН РАН, философским факультетом Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко. Участники круглого стола приняли резолюцию о создании международного общественного движения молодых исследователей по изучению проблем молодежи и других глобальных социальных вызовов «Глобальная молодежная инициатива».

Интересной была встреча с бывшим вице-премьером и министром финансов Польши, «архитектором польского экономического чуда» **Г. Колодко**, представившим российскому научному сообществу свою книгу «Мир в движении» (в английской редакции – “Truth, Errors, and Lies”).

20 мая участники конгресса и студенты факультета глобальных процессов присутствовали на праздничном концерте, приуроченном ко дню рождения факультета. На концерте студенты и гости факультета глобальных процессов МГУ порадовали зрителей своими талантами.

В субботу 21 мая были заслушаны проекты резолюций секций и круглых столов конгресса.

В программу большого мероприятия было включено несколько сопутствующих молодежных площадок, в частности были проведены Молодежная модель ШОС, российско-китайская студенческая конференция, круглый стол, посвященный глобальному процессу демократизации, и первое заседание Студенческого дискуссионно-аналитического клуба ФГП МГУ, посвященного ситуации в Ливии.

Следующий конгресс пройдет в 2013 г. и будет посвящен 150-летию основоположника учения о ноосфере великого русского ученого **В. И. Вернадского**.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ГЛОБАЛЬНЫЕ ФИНАНСОВЫЕ РЫНКИ: МАСШТАБЫ, СТРУКТУРА, РЕГУЛИРОВАНИЕ*

Рубцов Б. Б.

д. э. н., зав. кафедрой «Финансовые рынки и финансовый инжиниринг»
Финансового университета при Правительстве РФ,
ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН.
E-mail: sdfa56@mail.ru

В статье анализируются мировые финансовые рынки, которые за последние 30 лет достигли беспрецедентных размеров относительно ВВП, что отражает в первую очередь объективный процесс возрастания роли финансовых отношений в современной экономике. Показано, что финансовому рынку свойственна цикличность и его развитие идет не линейно, а по синусоиде. В настоящий период мировая экономика находится в долговременной фазе сокращения рынков акций, которая продлится еще несколько лет. В отсутствие наднациональных органов регулирования финансовых рынков их функции в определенной мере выполняют международные организации, в частности Группа 20 и Совет по финансовой стабильности.

Ключевые слова: *финансовые рынки, финансовые системы, рынки акций, рынки облигаций, рынки производных финансовых инструментов, регулирование финансовых рынков, Совет по финансовой стабильности, G-20.*

In the article there is an analysis of global financial markets that for the last 30 years have reached unprecedented sizes in terms of GDP. This marks, first of all, an objective growth of the financial relations role in modern economic. It is shown that cyclicity is inherent in the financial market; and it develops not linearly, but in a sinusoidal manner. At present world economy is at the long-term phase of share markets decrease that will continue for several yeas. Without supra-national agencies for regulating financial markets their functions are implemented to some extent by international organizations, in particular, G-20 and Financial Stability Board.

Keywords: *financial markets, financial systems, share markets, bond markets, derivative markets, financial market regulation, Financial Stability Board, G-20.*

Мировой финансовый кризис 2007–2009 гг. в очередной раз наглядно продемонстрировал, что финансовые рынки могут быть источником серьезных экономических потрясений. Именно чрезмерный, неконтролируемый рост ряда сегмен-

* Статья подготовлена по материалам НИР Финуниверситета «Структурная и финансовая адаптация российской экономики к посткризисной модернизации глобальной экономики», № госрегистрации 01201167847.

тов финансового рынка, в первую очередь американских бумаг с ипотечным покрытием (MBS) и внебиржевых производных финансовых инструментов (в значительной степени связанных с MBS), лежал в основе финансового кризиса, который начал разворачиваться в 2007 г., достиг апогея в сентябре 2008 г. (банкротство Lehman Brothers, фактическая национализация страховой компании ING, ипотечных агентств Fannie Mae и Freddie Mac) и затем перерос в глобальный экономический кризис с сопутствующими ему ростом безработицы, снижением производства и капиталовложений.

Кризис показал, что без должной системы контроля и риск-менеджмента, без координации деятельности регулирующих органов в масштабах мировой экономики финансовые рынки из силы созидательной превращаются в силу разрушительную. И это – обратная сторона процесса, который принято называть глобализацией и который в первую очередь связывают с финансовыми рынками.

Глобальные масштабы кризиса потребовали объединения усилий правительств ведущих стран мира. Пожалуй, впервые их действия по борьбе с кризисом носили столь скоординированный характер.

В отсутствие наднациональных органов регулирования мировой экономики функции координации и согласования экономической политики, выработки общих «правил игры» взяли на себя международные форумы – Группа 20-ти и Совет по финансовой стабильности. Вместе с тем активизировалась и работа профильных международных организаций, решающих конкретные задачи – от оказания помощи в форме кредитов до разработки стандартов: МВФ, Мирового банка, Банка международных расчетов, ЕС, ОЭСР, Международной организации регуляторов фондового рынка (IOSCO), Международной ассоциации регуляторов страхового рынка (IAIS), Международного совета по стандартам отчетности (IASB), Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF) и др.

Результатом совместных действий по борьбе с кризисом явилось, как известно, то, что благодаря беспрецедентным одновременным мерам помощи финансовым институтам со стороны государства в ведущих странах мира удалось избежать коллапса финансовой системы (но при этом резко обострилась проблема государственного долга в целом ряде стран, включая США). Результаты этой помощи оцениваются неоднозначно, что, впрочем, естественно, и так бывает всегда при реализации любых масштабных мероприятий экономической политики: одни пишут об успехах в стабилизации, другие предрекают очередной кризис.

При этом, однако, можно говорить о том, что в посткризисный период произошли важные изменения в регулировании финансовых рынков, направленные на решение тех проблем, которые привели к накоплению и реализации системных рисков, породивших кризис.

1. Масштабы и роль финансовых рынков в экономике

Что такое финансовый рынок? Учитывая сложность данной категории (как и категории денег), можно дать несколько дефиниций, каждая из которых, впрочем, будет неполной. Например: финансовый рынок – рынок денег/финансовых активов/финансовых ресурсов. Или: финансовый рынок – совокупность экономических отношений и институтов, связанных с перемещением денежного капитала. В институциональном отношении финансовый рынок включает банки и другие многочисленные финансово-кредитные учреждения (пенсионные фонды, страховые компании, инвестиционные фонды, финансовые компании, компании по ценным бумагам, фондовые биржи, прочие инфраструктурные организации и т. д.).

В составе финансового рынка обычно выделяют: кредитный рынок (рынок банковских кредитов), рынок ценных бумаг, производных финансовых инструментов и валютный (или валютно-денежный) рынок. К финансовому рынку относят также рынок страховых услуг¹. Именно поэтому мы можем говорить о финансовом рынке в единственном и множественном числе².

Приведенное определение финансового рынка в зарубежной литературе обычно используется как синоним понятия «финансовая система», хотя, если быть точным, последнее является более широким, так как включает в себя еще и государственные финансы, для которых характерно в основном использование нерыночных инструментов распределения и перераспределения финансовых ресурсов³.

Финансовая система/финансовый рынок выполняет в современной экономике несколько функций (перераспределительную, информационную, управления рисками, экономии издержек обращения и др.), из которых главная – перераспределение капитала между теми, кто испытывает потребность в денежных ресурсах (заемщиками), и сберегателями (кредиторами). От эффективности выполнения финансовой системой своих функций зависит общеэкономическая эффективность.

О большой роли финансовой системы в экономическом развитии в прошлом писали такие известные авторы, как Й. Шумпетер [Schumpeter 1912], Е. Шоу [Gurley, Shaw 1955], Р. Голдсмит [Goldsmith 1969], Р. Маккиннон [McKinnon 1973] и др. Многочисленные исследования, проведенные в 1990–2000-е гг., на примере десятков стран показали, что существует прямая положительная связь между уровнем экономического развития и уровнем развития финансовых систем [Levine 2002; North 1990; Neal 1990; Rajan, Zingales 2000; Rousseau, Sylla 2001; Rousseau 2002]. Подробный анализ литературы дан в моей работе [Рубцов 2006]. Наиболее ярко идеи этой группы авторов выразил профессор Нью-Йоркского университета Ричард Силла, который на примере Голландии и Англии в XVII в., США в XVIII в., Германии, Японии и России в XIX в. доказывает, что финансовая революция (точнее, создание банковской системы) предшествует и является предпосылкой промышленной революции и дальнейшего быстрого экономического роста.

Вместе с тем хорошо известны и факты негативного воздействия финансовых рынков на экономическую динамику, когда из фактора, способствующего росту, они превращаются в фактор, нарушающий нормальный воспроизводственный процесс. Речь идет о финансовом кризисе.

Под финансовым кризисом обычно понимается ситуация, когда значительная часть финансовых институтов или финансовых активов резко теряет часть своей стоимости, что приводит к массовым банкротствам финансово-кредитных учре-

¹ Иногда в качестве составной части финансового рынка выделяют рынок золота. Хотя золото уже давно потеряло свои монетарные функции и является обычным товаром, его «блестящее» монетарное прошлое, а также использование его в качестве средства сохранения ценности как населением, так и финансовыми учреждениями, высокая ликвидность (способность быть быстро реализованным с минимальными потерями для владельца) позволяют рассматривать его в качестве одного из инструментов финансового рынка.

² Банк международных расчетов (Bank for International Settlements, BIS) в Базеле в своих публикациях выделяет валютный, кредитный и финансовый рынки, под последним подразумевается рынок ценных бумаг и производных финансовых инструментов. Такая классификация, не являясь основной, довольно широко распространена.

³ Во многих справочниках англоязычных стран выделяется раздел *private finance* (банки, небанковские финансовые институты, биржи) и *public finance* (бюджет, налоги, государственный кредит).

дений, затруднению получения заемных средств, нарушению связей между экономическими агентами, что, в свою очередь, может привести к снижению инвестиций в основной капитал, падению производства и занятости, то есть к полномасштабному экономическому кризису. Финансовый кризис может предшествовать экономическому кризису, разворачиваться одновременно с ним, завершать экономический кризис (но иногда непосредственно и не затрагивает реальный сектор). Финансовый кризис может иметь форму банковского, бюджетного, валютного, фондового (биржевого) кризиса или одновременно сочетать в себе несколько (или все) форм.

Мировой финансовый кризис, начавшийся в 2007 г. в США как ипотечный кризис, затем распространился на банковскую систему США и Европы, привел к падению цен на рынке акций и в конце концов вылился в полномасштабный экономический кризис с падением производства, снижением инвестиций в основной капитал, ростом безработицы и другими «прелестями» экономических кризисов.

Причем именно финансовая система и финансовые рынки оказались в эпицентре этого кризиса (и в значительной степени спровоцировали его), и не случайно именно об их реформе и перенастройке шла речь на встречах глав государств и правительств стран Группы 20-ти (см. ниже).

Кстати, данный факт очень наглядно свидетельствует о роли финансового сектора в современной экономике. Можно констатировать, что современная экономика является финансовой экономикой, как бы мы к этому ни относились. И поэтому в настоящее время едва ли найдется экономист, который может поставить под вопрос утверждение, что «финансовая система имеет значение». Проблемам деятельности финансовых институтов и рынков, структуре финансовых систем посвящено огромное количество работ⁴.

Каковы масштабы глобальных финансовых рынков? Единого синтетического показателя не может быть в силу отличий между различными сегментами. Невозможно сравнивать, например, денежный рынок или рынок капиталов с рынком страховых услуг. Рынок производных финансовых инструментов – вообще особая «материя» (хотя его нередко и сравнивают с рынком классических ценных бумаг, поражаясь разнице в статистических показателях: цифры по производным получаются астрономические). Тем не менее базовые инструменты сравнивать можно.

В приложении выходящего дважды в год издания МВФ *Global Financial Stability Report* [см., например: International... 2011: Statistical Appendix, table 1] приводятся данные о глобальных финансовых активах, представляющих сумму банковских активов, выпущенных долговых бумаг (объем задолженности) и рыночную стоимость акций акционерных обществ, торгуемых на биржах.

В этом подходе есть методологическая неточность, поскольку банковские активы включают в себя (помимо кредитов) те же долговые и долевого бумаги, находящиеся на балансе банков. Более корректный подход – учитывать банковские депозиты, а не активы (см. рис. 1)⁵.

⁴ Можно насчитать два десятка лауреатов Нобелевской премии, получивших эту почетную награду за исследования (непосредственно или косвенно) в области финансовых рынков: М. Фридман, Д. Тобин, Р. Коуз, Д. Стиглер, М. Аллэ, Ф. Модильяни, М. Миллер, Г. Марковиц, Дж. Бьюкенен, У. Шарп, Р. Мергтон, М. Шоулз, Р. Манделл, Д. Акерлоф, М. Спенс, Д. Стиглиц, Д. Канеман, П. Кругман.

⁵ Сравним результат: в первом случае размер глобальных финансовых активов за 2009 г. равен 242 трлн долларов, во втором – 207 трлн долларов.

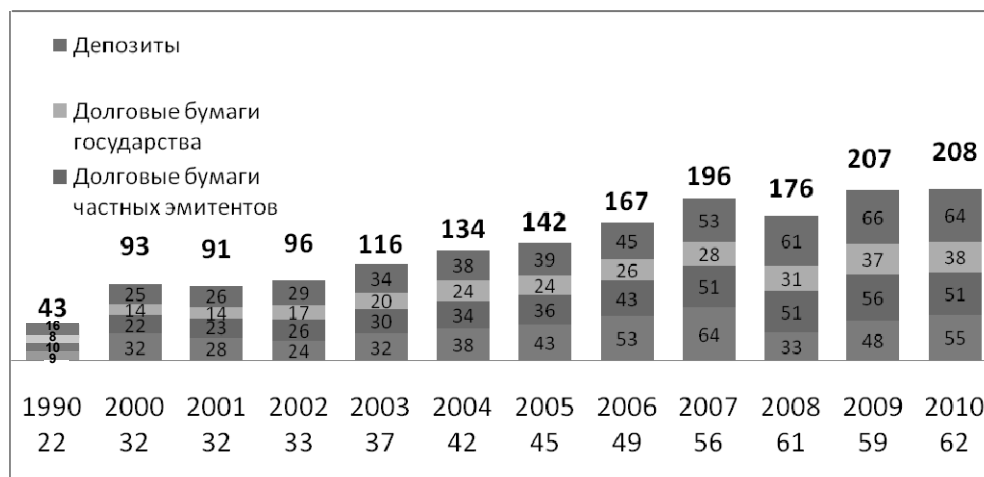

Рис. 1. Глобальные финансовые активы, трлн долларов

Примечание: последняя строчка – ВВП; данные приведены на конец года, за 2010 г. – предварительные.

Подсчитано по: McKinsey Global Institute; World Federation of Exchanges, BIS, IMF, Bankscore.

Традиционно для оценки относительных размеров финансовых рынков их сравнивают с величиной годового ВВП (рис. 2). За 1990-е гг. это соотношение выросло в полтора раза, достигнув пика в 2007 г. По состоянию на 2010 г. при мировом показателе в 335 % в США он был равен 485 %, в России – 127 %.

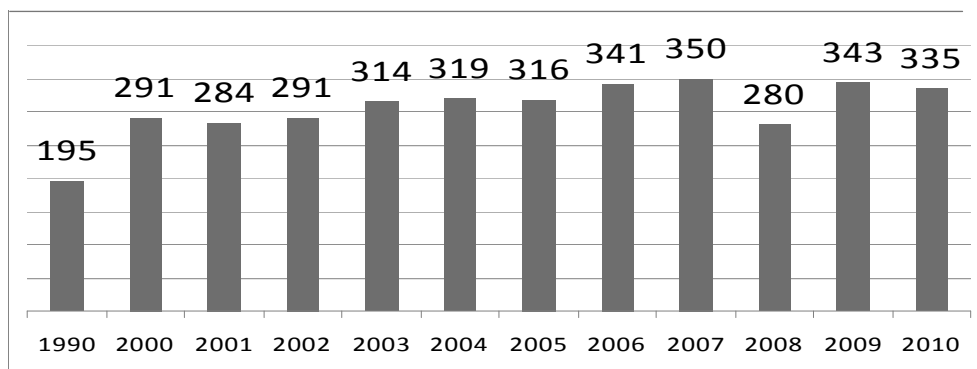

Рис. 2. Глобальные финансовые активы/ВВП, %

Источники: *Ibid.*

Является ли нынешняя ситуация уникальной? Рагурам Раджан и Луиджи Зингалез показали, что в начале XX в. уровень развития финансовых рынков уже был весьма высок; в 1930-е гг. и последующие десятилетия произошел откат, и лишь в начале 1990-х были достигнуты, а потом и превзойдены показатели начала века [Rajan, Zingales 2000]. По сути дела, они обнаружили в динамике финансовых рынков наличие длительных циклов, совпадающих с «большими циклами конъюнктуры» Н. Кондратьева. Опережающий рост финансовых активов по сравне-

нию с ВВП – явление лишь последних 20–30 лет. Указанные авторы отмечают, что, несмотря на пользу, которую, по их мнению, несут развитые финансовые рынки для экономики, их дальнейшее поступательное развитие отнюдь не предопределено. И этот вывод вытекает не только из очевидного предположения, что «все повторяется» и история развивается по спирали, но и в связи с тем, что в условиях кризиса правительства склонны подавлять рыночные начала, что может иметь очень долговременные последствия [Rajan, Zingales 2000: 35].

2. Рынок долговых инструментов

Как видно из рис. 1, самый крупный сегмент финансового рынка представлен облигациями и другими долговыми ценными бумагами⁶. В 2009–2010 гг. он составлял примерно 90 трлн долларов, или 150 % ВВП (табл. 1, рис. 3). Динамика данного показателя, как видно из рис. 4, на отрезке 20–25 лет была очень стабильной и, с некоторыми оговорками, может быть описана линейной зависимостью с положительным угловым коэффициентом. За 20 лет соотношение мировой задолженности и мирового ВВП выросло ровно в два раза. В этом, в числе прочего, проявился феномен финансиализации экономики.

Таблица 1

Рынки долговых инструментов, конец года, млрд долларов*

Страны	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Великобритания	537	825	1565	2556	4146	4733	4515
Германия	1061	2179	2082	4096	6036	5738	5007
Италия	1275	1619	1345	2884	4817	5090	4407
Испания	268	367	363	1625	3541	3773	3225
США	7347	11078	16118	23841	31315	31777	31842
Франция	1093	1483	1332	2870	4925	5173	4647
Япония	3082	5307	6432	8646	9859	11920	12836
Все развитые страны	17090	26230	33373	53664	76888	83422	78677
Бразилия	1	227	356	632	1289	1390	1339
Индия	71	102	140	290	500	646	699
Китай	25	107	276	633	2045	2612	2897
Корея	122	255	351	740	1138	1216	1181
Мексика	99	54	127	316	523	461	509
Россия			85	146	298	324	381
Все формирующиеся	716	1107	2376	6068	8644	9538	10004
Весь мир**	17996	27638	36129	60276	86239	91371	89468
В процентах к ВВП	79	93	113	134	139	158	144

* Данные за 2010 г. (кроме России) – на середину 2010 г.

** Итоговая цифра включает также бумаги международных организаций.

Подсчитано по: BIS. CBONDS, Министерство финансов, Банк России.

⁶ На облигации в целом приходится 95 % всей задолженности по долговым бумагам, 5 % – это коммерческие бумаги, векселя, депозитные сертификаты и пр.

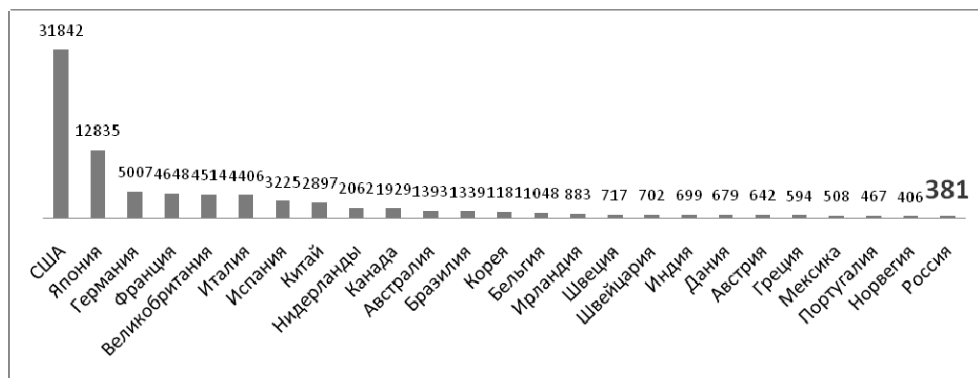

Рис. 3. Объем долговых бумаг в обращении, июнь 2010 г., млрд долларов
Подсчитано по: BIS, CBONDS, Министерство финансов РФ.

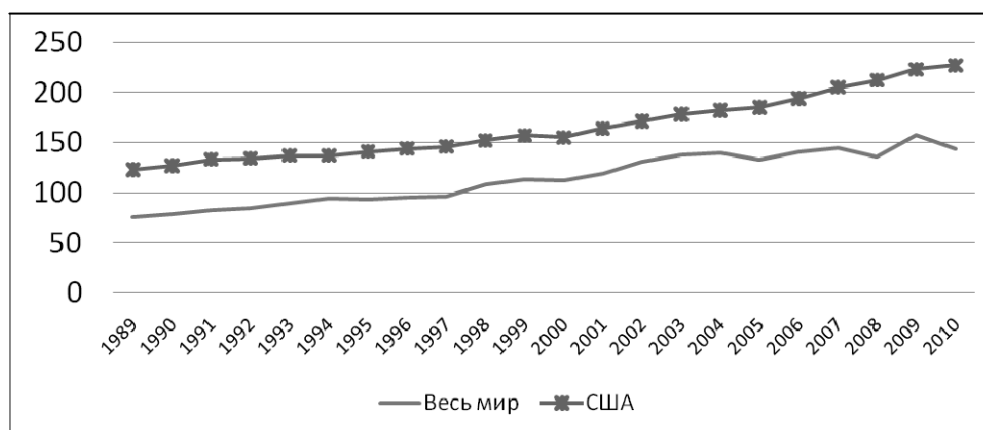

Рис. 4. Соотношение задолженности по ценным бумагам и ВВП, %
Источники: BIS, IMF.

Подавляющая часть всей задолженности по ценным бумагам (примерно 95 % в 1990 г. и 90 % в 2010 г.) приходится на развитые страны. Доля России в глобальном долговом рынке – 0,4 % (25-е место в мире).

Статистика Банка международных расчетов приводит данные по долговым инструментам в разрезе места размещения займов (внутренние и внешние, рис. 5) и видов эмитентов (государственные, финансовые институты и нефинансовые компании).

При общем росте всех сегментов долгового рынка на рассматриваемом на рисунках временном интервале на некоторых отрезках имелись определенные отклонения, связанные с текущими особенностями макроэкономической ситуации и обусловленной ею экономической политикой государства. Традиционно главным заемщиком выступает государство (центральное правительство и органы власти более низкого уровня). Однако во второй половине 1990-х гг. в связи с чрезвычайно благоприятной экономической конъюнктурой для большинства развитых стран, оздоровлением государственных финансов в США, Великобритании, Ита-

лии, Франции и Германии происходило сокращение эмиссии облигаций государственными органами.

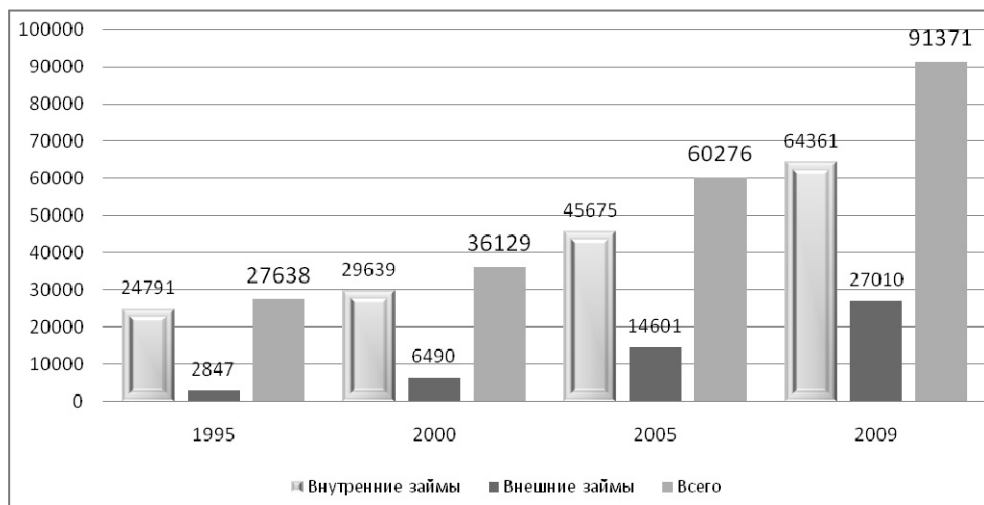

Рис. 5. Долговые бумаги внутренних и внешних займов в обращении, млрд долларов
Подсчитано по: BIS Database, CBONDS, Министерство финансов РФ.

На рубеже столетий общий объем задолженности по государственным облигациям практически сравнялся с задолженностью по облигациям финансовых компаний – второй крупнейшей группы заемщиков, выделяемых БМР⁷. Наступление экономического спада в развитых странах в начале десятилетия заставило правительства увеличить государственные расходы с одновременным сокращением налоговой нагрузки (США), что привело к новому росту государственных заимствований. В условиях мирового финансово-экономического кризиса (2007–2009 гг.), отчасти связанного как раз с накоплением чрезмерного долга частным сектором, в особенности финансовыми институтами, произошло замещение частного долга государственным.

Если еще в начале 2000-х гг. соотношение валового (брутто)⁸ государственного долга с ВВП США, Германии, Франции, Великобритании находилось в диапазоне 40–60 %, то к 2010 г. оно повысилось до 80–100 % (рис. 6)⁹.

Государственный долг США в относительном выражении оказывается вдвое больше, чем в конце 1990-х гг. Угрожает ли это экономической безопасности США и всему миру? Колоссальный бюджетный дефицит США (1,7 трлн долларов в 2010/2011 ф. г., что больше, чем годовой ВВП России) финансируется пока

⁷ Исключение составила лишь Япония, экономика которой все десятилетие не могла преодолеть последствий кризиса 1990 г. Сохраняющиеся проблемы реструктуризации и оздоровления финансового сектора потребовали государственной поддержки на сотни миллиардов долларов. Эти средства были получены за счет выпуска государственных облигаций. Преодоление последствий землетрясения 2011 г. потребует новых государственных заимствований и дальнейшего наращивания государственного долга.

⁸ В базе данных МВФ (IMF WEO Database) приводятся сведения об отношении государственного долга к ВВП на базе брутто и нетто. Разница между ними невелика, за исключением Японии. Хотя более логичным является второй показатель, обычно приводят данные на базе валового долга.

⁹ Положение на основных формирующихся рынках в этом плане выгодно отличается (рис. 7).

достаточно легко по низкой процентной ставке¹⁰. Спрос на государственные облигации США сохраняется на высоком уровне, и все аукционы по размещению облигаций пока проходят успешно. Все виды государственных облигаций (кратко-, средне- и долгосрочные) востребованы инвесторами как в США, так и за рубежом. За десять лет доля иностранцев как держателей государственного долга США выросла с 30 % до 50 %. Крупнейшими держателями американских казначейских облигаций выступают центральные банки КНР и Японии (Россия занимает 8-е место).

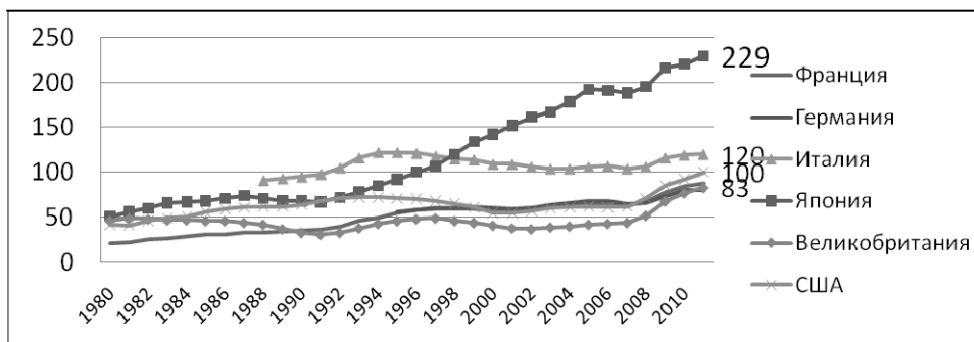

Рис. 6. Развитые страны: валовой государственный долг/ВВП, %

Источник: WEO Database. April 2011.

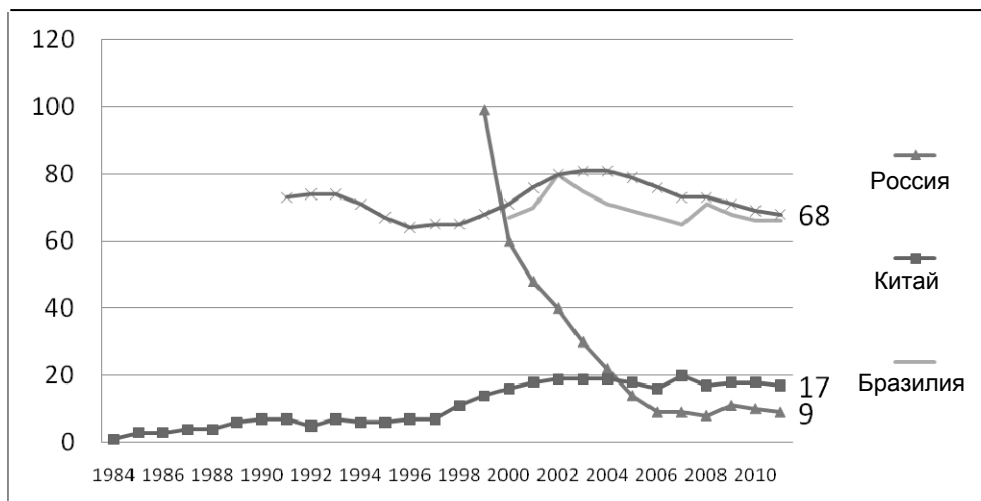

Рис. 7. Страны БРИК: валовой государственный долг/ВВП, %

Источник: WEO Database. April 2011.

В условиях огромного государственного долга у американского правительства при изменении возможностей финансирования бюджетного дефицита (повышении процентной ставки) может появиться соблазн решить проблему за счет

¹⁰ Аукционная доходность по облигациям, размещенным в мае 2011 г., составляла от 0,3 % по годовым казначейским векселям до 4,6 % по 30-летним облигациям (данные Казначейства США, URL: www.treasurydirect.gov).

инфляционного обесценения долга. А это будет означать, учитывая накопленные долларовые активы, колоссальные потери и для инвесторов в других странах, то есть для глобальной экономики.

Почти стопроцентный государственный долг США по отношению к ВВП – это, конечно, очень много. В годы Второй мировой войны госдолг США составлял 120 % ВВП и затем снизился к середине 1970-х гг. до 30 % ВВП. Однако необходимо иметь в виду значительно более высокий потенциал роста американской экономики в послевоенный период. Кроме того, отчасти сокращение произошло как раз благодаря инфляции, которая в конце 40-х, начале 50-х и в 70-е гг. XX в. превышала двузначные цифры. Так что основания для беспокойства, связанные с бюджетным дефицитом и государственным долгом США, безусловно, есть.

Нельзя забывать и о колоссальном долге, накопленном правительствами штатов, представленных муниципальными облигациями. Общий объем этого долга составлял в декабре 2010 г. 2,9 трлн долларов, что равнялось почти 20 % ВВП. Начиная со второй половины нулевых годов получил широкий резонанс долговой кризис штата Калифорния¹¹.

В целом в масштабах мировой экономики доля государственных органов на долговом рынке (внутреннего долга) составляет примерно 50 %. Остальное приходится на компании. Как отмечалось выше, БМР выделяет две группы компаний: финансовые и нефинансовые. Первый вывод, который выглядит неожиданным, заключается в том, что основная часть долговых инструментов выпускается финансовыми же институтами, а доля нефинансовых компаний относительно невелика – 11–14 % задолженности по внутренним долговым бумагам за последние 30 лет без какой-либо тенденции изменения в ту или другую сторону.

Впрочем, конкретное соотношение между финансовыми и нефинансовыми эмитентами заметно отличается в разных странах. Доля нефинансовых компаний среди эмитентов облигаций наиболее высокая в США, Японии, Англии, Франции, низкая – в ФРГ, Италии. В ФРГ потребности в долгосрочном капитале нефинансовых компаний удовлетворяются банковским кредитом, источником которого в значительной мере являются ресурсы, привлеченные за счет выпуска облигаций банками.

Наиболее быстрыми темпами растет задолженность по бумагам, размещаемым на международном рынке капитала. В начале 90-х гг. доля бумаг внутреннего долга составляла примерно 90 %, международных бумаг – 10 %. К концу нулевых годов удельный вес последних вырос почти до 30 % (рис. 5).

Международные бумаги – те, которые размещаются на зарубежном для данного эмитента рынке. Большая часть подобных бумаг подпадает под определение «международные облигации» – international bonds¹². К ним относятся еврооблигации (eurobonds) и «зарубежные облигации» (foreign bonds)¹³. Основной массив

¹¹ Размер долга штата Калифорния в 2009/10 ф. г. составил 84 млрд долларов, а бюджетный дефицит – 26,3 млрд долларов. Администрация штата, возглавляемая тогда губернатором А. Шварценеггером, объявила о сокращении расходов штата на четверть, в основном за счет снижения зарплат государственных служащих, повышения платы за обучение в университетах штата и пр.

¹² В английском языке облигация может определяться двумя терминами: bond и note. Первый термин употребляется в отношении долгосрочных облигаций, хотя критерии долгосрочности могут быть разными.

¹³ Зарубежные облигации размещаются на конкретном иностранном рынке в валюте данной страны по ее законодательству и при помощи андеррайтеров из этой страны (облигации «янки», «самурай», «бульдог» и т. п.). Еврооблигации размещаются с помощью международного синдиката андеррайтеров на нескольких

(более 90 % по стоимости) международных облигаций представлен еврооблигациями.

Опережающий рост международных заимствований отражает растущую интернационализацию мировых рынков капитала и является объективным процессом, который, однако, не является линейным. В условиях мирового финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. международный рынок облигаций в 2008 г. сократился в объеме впервые за несколько десятилетий. Свидетельством преодоления кризиса стало восстановление его докризисных размеров в 2009 г.

Основная часть заимствований на международном рынке приходится на финансовые институты (примерно 80 %). Правда, и в данном случае, учитывая, что положение на мировом финансовом рынке определяют развитые страны, эта цифра отражает структуру заимствований в этой группе.

3. Рынки акций

Наиболее обобщающим показателем масштабов рынка акций является капитализация – совокупная курсовая стоимость акций, имеющих листинг (то есть допущенных к торговле) на фондовых биржах (табл. 2). Рост капитализации может происходить за счет двух факторов: 1) роста курсовой стоимости; 2) увеличения общего количества компаний, прибегающих к выпуску акций, предназначенных для продажи широкому кругу инвесторов¹⁴. Второй фактор имеет существенное значение только на формирующихся рынках¹⁵. На развитых рынках количество компаний, по которым рассчитывается капитализация, представляет собой величину достаточно стабильную. В целом ряде развитых стран количество публичных компаний даже сократилось: в США за 15 лет (с 1995 г. по конец 2010 г.) почти на 3400 – с 7671 до 4279¹⁶. Таким образом, изменение капитализации связано в основном с изменением курсовой стоимости акций.

Таблица 2

Капитализация национальных компаний, конец года, млрд долларов

Страна	1990 г.	2000 г.	2003 г.	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Великобритания	849	2577	2460	3058	3852	1868	2796	3050
Германия	355	1270	1079	1221	2105	1111	1292	1430
Испания	111	504	726	960	1800	948	1297	1172
Италия	149	768	615	798	1073	522	656	563
Канада	242	842	889	1482	2187	1033	1608	2170

рынках, на них не распространяется национальное законодательство, то есть они обращаются на своеобразном «наднациональном», или «экстерриториальном», рынке. Главным преимуществом еврооблигаций являются меньшие регулятивные издержки, которые несут заемщики. В то же время на этот рынок могут выйти лишь достаточно крупные эмитенты.

¹⁴ Общее количество компаний в мире, по которым рассчитывается капитализация, составляет примерно 46 000. В России – 325 (2010 г.)

¹⁵ Это естественно, так как на многих из них акционерные общества появились лишь в 1990-е гг. Особенно впечатляет рост числа листинговых (публичных) компаний в Китае – от нескольких десятков в начале 1990-х гг. до 2063 в декабре 2010 г. Их количество продолжает расти.

¹⁶ Речь идет о чистом (нетто) изменении количества публичных компаний. Ежегодно в тех же США публичными становятся десятки, а иногда и сотни компаний. Но в то же время еще большее количество в последние годы теряет публичный статус (либо в связи со слияниями и поглощениями, либо в результате банкротства или решения менеджмента превратить компанию из публичной [public] и имеющей листинг на бирже в частную [private] с прекращением листинга).

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
США	3059	15104	14266	17001	19923	11738	15077	17283
Франция	314	1447	1356	1713	2740	1490	1864	1748
Япония	2918	3157	2953	4573	4331	3263	3444	4100
Бразилия	16	204	226	475	1370	592	1387	1546
Индия	39	143	279	553	1819	647	1307	1632
Казахстан	–	1	2	9	41	30	57	63
Китай	–	591	513	402	4479	1779	3573	4027
Южная Корея	111	148	325	718	1123	471	835	1092
Россия	–	41	197	531	1334	346	762	1001
Саудовская Аравия	–	68	157	646	519	247	319	353
Турция	19	70	68	162	287	118	234	307
Украина	–	2	5	29	106	44	54	78
ЮАР	137	204	261	549	828	483	790	925
Весь мир	9398	32105	32206	42932	63865	33300	47700	55025

Составлено по: Emerging Stock Markets Factbook, IFC, Washington 1995–1998; Global Stock Markets Factbook 2005, S&P, N.Y., 2005; Emerging Stock Markets Review. December 2006, S&P, 2006; World Federation of Exchanges database (www.world-exchanges.org); FEAS Yearbook (www.feas.org); CBONDS, данные бирж.

В результате интенсивного роста рынка акций в 1980–1999 гг., особенно в 1990-е гг., соотношение капитализации и ВВП в мире в целом повысилось с 23 до 118 % (рис. 8). С 2000 г. началось повсеместное сокращение абсолютной и относительной величины капитализации в связи с кризисом на мировых рынках акций¹⁷, продолжавшимся до конца 2002 г. С 2003 г. рынки акций возобновили рост, и указанный показатель достиг уровня 1999 г. в 2007 г. В 2008 г. в связи с мировым финансово-экономическим кризисом наш глобальный индикатор просел до 54 % (до уровня первой половины 1990-х гг., что, однако, все равно вдвое выше, чем в 1980 г.)¹⁸.

В 1990-е гг. во всех странах резко активизировалась торговля акциями. Показатель оборота, взятый по отношению к капитализации, характеризует ликвидность национального рынка акций. Данный показатель на основных рынках ведущих индустриальных стран вырос за последнее десятилетие XX в. в два-три раза¹⁹.

Основной причиной роста рынков акций в конце XX в. являлась, безусловно, благоприятная экономическая конъюнктура. В США наблюдался самый длительный в послевоенный период экономический подъем, что отражалось на прибылях

¹⁷ Кризис, связанный с возникновением «пузыря» на рынке акций высокотехнологичных компаний, в первую очередь в области интернет-технологий.

¹⁸ Впрочем, использовать глобальный показатель «капитализация/ВВП» не вполне корректно, учитывая тектонические сдвиги, произошедшие в мировой экономике в конце XX в., вызванные включением в мировое хозяйство стран с директивной экономикой (прежде всего Китая и стран бывшего СССР) и либерализацией в ряде развивающихся стран (Индии, Бразилии, Мексике и др.). Более корректно рассматривать данный показатель на примере отдельных стран.

¹⁹ Двумя важными факторами роста оборотов стали либерализация финансовых рынков и устранение барьеров на пути движения капиталов, а со второй половины 90-х гг. – широкое распространение Интернета, что резко сократило издержки инвесторов, ускорило поступление информации и позволило населению торговать прямо из дома фактически в режиме реального времени.

корпораций, а через них – на ценах акций. Достаточно хорошая ситуация была характерна и для большинства других развитых стран за исключением Японии. Однако рынок акций отличается большой подвижностью (волатильностью). Рост капитализации в фазе подъема значительно опережает рост базовых показателей. Но и падение ее также бывает значительно более стремительным. Эффект «пузыря» является особенностью прежде всего рынка акций.

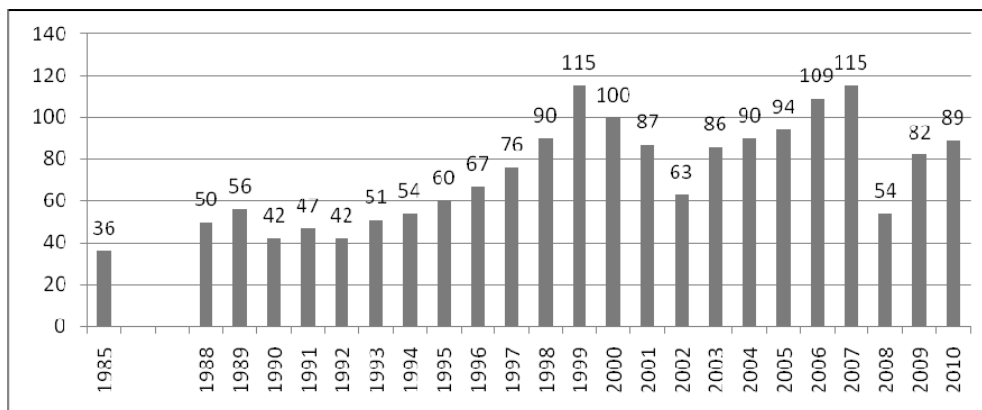

Рис. 8. Капитализация/ВВП, %

Рассчитано по: IMF WEO Database, World Federation of Exchanges Database, S&P Global Stock Markets Factbook.

Вернемся к рассмотренному выше индикатору относительной капитализации (капитализация/ВВП) по США. В XX в. он демонстрирует цикличность, которая зримо увязывается с так называемыми «большими циклами конъюнктуры», или циклами Кондратьева (рис. 9). Продолжительность цикла составляет примерно 35 лет. Пики приходятся на конец 20-х, вторую половину 60-х и конец 90-х гг. За пиками следуют периоды общего спада. Конечно, динамика показателя относительной капитализации является лишь индикатором, однако данный индикатор очень наглядно отражает объективные процессы, протекающие в экономике, а его колебания можно рассматривать как закономерность. Так, в конце 90-х гг. был, очевидно, достигнут очередной циклический максимум, за которым должно последовать очередное долговременное относительное сокращение рынка. Временные отскоки вверх (как, например, рост 2003–2007 гг.) не отменяют общей тенденции: новый долговременный циклический подъем возможен, если эта гипотеза верна, начиная с 2015 г.

И в большинстве прочих развитых стран к концу 90-х гг. произошло пере-накопление фиктивного капитала (если воспользоваться терминологией К. Маркса), воплощенного в акциях. Капитализация/ВВП тогда достигла максимальных значений и в европейских континентальных странах (Германия, Франция, Италия). Через десять лет этот индикатор стал в 2–3 раза ниже. О том же свидетельствовали и такие показатели, как «цена/прибыль» и «дивидендная доходность», достигшие в конце 1990-х экстремальных значений за предыдущие 20–30 лет [Рубцов 2000: 23].

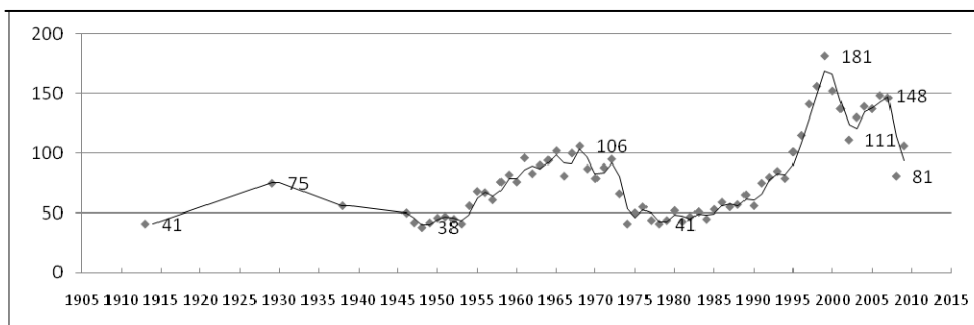

Рис. 9. Капитализация/ВВП США, 1913–2009, %

Рассчитано по: 1946–2009 гг. Flow of Funds Accounts. Federal Reserve, более ранние годы – [Rajan, Zingales 2000: 39].

В 2000 г. все основные фондовые индексы – главные обобщающие индикаторы цен акций – практически повсеместно снизились. В 2001–2002 гг. снижение продолжилось. Внешние факторы – террористические атаки в Нью-Йорке и Вашингтоне и последовавшие за этим события – стали лишь дополнительным толчком, ускорившим этот процесс.

С марта 2000 г. по октябрь 2002 г. фондовый индекс S&P 500 (индекс акций крупнейших компаний США) упал почти на 49 %, NASDAQ (молодых компаний, в значительной мере компаний новых отраслей экономики) – на 78 %. Более сильное падение наблюдалось в США лишь в период Великой депрессии 1929–1933 гг. Кризис на рынке акций способствовал снижению темпов роста реальной экономики США, хотя в целом его негативное воздействие оказалось достаточно мягким, так как он не затронул важнейшие институты финансовой системы – банки (в отличие от финансового кризиса 2007–2009 гг., связанного, однако, не с рынком акций, а с рынком долговых инструментов).

Все прочие основные развитые рынки также демонстрировали падение три года подряд, причем зачастую еще более глубокое, чем в США. На самой низкой точке в октябре 2002 г. рынок Японии падал на 72 % от максимума (декабрь 1989 г.), Германии – на 68 %, Франции – на 59 %. Единственными среди развитых рынков акций, избежавших глубокого падения, были рынки Австралии и Новой Зеландии.

В 2003 г. практически повсеместно произошел заметный рост развитых и большинства формирующихся рынков. В частности, в США сыграла свою роль политика дешевых денег, к которой прибегла ФРС. В 2004 г. динамика характеризовалась боковым трендом (если использовать терминологию технического анализа рынка акций). Та же тенденция наблюдалась на развитых рынках и в 2005 г., а вот на многих развивающихся (формирующихся) наблюдался очень сильный рост (Россия, Саудовская Аравия, Корея, Индия, Колумбия, Казахстан, Пакистан). В 2006–2007 гг. рынки акций повсеместно демонстрировали сильный рост, однако уже в конце 2007 г. индексы развитых рынков начали падать, а в 2008 г. падение ускорилось. В первой половине 2008 г. российский рынок на волне роста цен на нефть уверенно шел вверх в отличие от западных, однако с мая 2008 г. начался обвал. Как и в 1998 г., российский рынок показал своеобразный антирекорд с точки

зрения снижения фондовых индексов: в 2008–2009 гг. падение от максимума к минимуму индекса РТС составило пятикратную величину²⁰.

Мировая капитализация за год (декабрь 2008 г. к декабрю 2007 г.) сократилась вдвое, в абсолютном выражении на 30 трлн долларов (табл. 2), что равнялось примерно половине годового объема глобального ВВП. Аналогов такого стремительного и сильного падения история XX в. (включая Великую депрессию) не знала.

В то же время, несмотря на масштабы падения рынка акций в период современного финансово-экономического кризиса, едва ли можно было говорить о наличии «пузыря» в этом сегменте. Кризис на рынке акций явился следствием кризиса на долговом рынке. В этом отношении ситуация заметно отличалась от краха 1929 г., когда, как известно, именно с обвала на Нью-Йоркской фондовой бирже началась Великая депрессия.

В 2009–2010 гг. рынки акций повсеместно показали хороший рост, что, однако, связано с чрезвычайно сильным падением 2008 г. и соответственно низкой базой. Кроме того, глобально рынки, скорее всего, еще несколько лет будут находиться в понижательной фазе.

4. Рынки производных финансовых инструментов

Рынок производных финансовых инструментов (ПФИ, или деривативов) – наиболее динамичный сегмент финансового рынка. К числу ПФИ относят опционы и фьючерсы на товары, ценные бумаги, валюту, процентные ставки и фондовые индексы, свопы на процентные ставки и валюту, форвардные контракты, а также различные их комбинации, иногда называемые структурированными продуктами (structured products).

Деривативы известны еще с XVII в. Первый «пузырь» и финансовый кризис²¹ в Голландии были связаны с торговлей срочными контрактами на поставку луковиц тюльпанов. Фьючерсные контракты на поставку риса были известны еще в средневековой Японии. С середины XIX в. фьючерсные контракты на сельскохозяйственные товары становятся важнейшим инструментом в торговле зерном на североамериканском рынке. Фьючерсы и опционы – основные инструменты торговли на всех современных товарных биржах (фьючерсы и опционы на нефть и нефтепродукты, цветные металлы, зерно, кофе, какао и пр.).

Однако лишь с начала 70-х гг. XX в., с появлением специализированных бирж финансовых деривативов сначала в США, а в конце 70-х гг. и в Европе, начинается период бурного развития этого сегмента финансового рынка. Доля товарных деривативов составляет ныне менее 1 % общего оборота биржевых деривативных контрактов.

В 70-е гг. рост происходил в основном за счет биржевого рынка, причем только США, в 80-е и особенно в 90-е гг. – внебиржевого (табл. 3). Примерно 60 % внебиржевого рынка деривативов приходится на контракты типа своп, из них на процентные свопы – 95 %.

²⁰ В 1997–1998 гг. падение от максимума до минимума в России (по индексу РТС) составило почти 15 раз!

²¹ Получивший в литературе название «тюльпаномания» [Чиркова 2009].

Таблица 3

Масштабы глобального рынка деривативов по стоимости открытых позиций (номинальная стоимость базовых активов, млрд долларов)

Деривативы	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Биржевые инструменты	2291	9189	14156	57811	79099	59797	73136	77659
Процентные фьючерсы	1455	5863	7827	20712	27770	19271	20623	23109
Процентные опционы	600	2742	4719	31587	44282	35161	46435	47796
Валютные фьючерсы	17	38	40	108	159	102	164	217
Валютные опционы	57	44	20	64	133	126	147	148
Фьючерсы на индексы	69	172	367	803	1132	729	962	1095
Опционы на индексы	94	329	1183	4537	6625	4409	4807	5295
Страны								
Северная Америка	1269	4850	8240	36397	42514	29986	34591	39249
Европа	462	2242	4174	18580	30569	26342	34385	32607
АТР	561	1990	1443	2999	4971	2619	2757	3435
Прочие	0,2	107	299	418	1046	850	1405	1452
Россия	–	–	0	2,6	13	6,5	4	5,8
Внебиржевые инструменты		40637	94037	284819	595341	547983	614674	583655
Процентные инструменты		26645	64125	215237	393138	385896	449793	451831
Валютные инструменты		13095	15494	31609	56238	44200	49196	53125
Для справки								
Процентные свопы	2312	12811	47993	172869	309588	309760	349236	347508
Валютные свопы	578	1197	2605	8501	14347	13322	16509	16347
Дефолтные свопы (CDS)		150	893	13908	57894	41883	32693	30261

Источники: BIS, WFE, ММВБ, РТС.

В отличие от классических ценных бумаг, предназначенных для привлечения долгосрочного капитала, основная экономическая функция деривативов – хеджирование, то есть страхование от ценовых рисков. Их появление имело революционный характер для финансовых рынков. Теория управления рисками с помощью опционов и фьючерсов превратилась в важнейший раздел финансовой науки.

В 1990-е гг. появились новые инструменты управления риском. На некоторых биржах разработаны фьючерсные контракты, базовым активом которых стали

макроэкономические показатели, например ВВП, инфляция и даже чисто физические (температура, количество осадков) – «погодные фьючерсы».

Среди новых продуктов²², предназначенных для дробления рисков, наиболее быстро развивающимися вплоть до 2007 г. являлись кредитные деривативы (credit derivatives), представленные в основном таким продуктом, как дефолтный своп (своп кредитного дефолта – credit default swap, CDS)²³. Мировой объем рынка кредитных деривативов оценивался в середине 1995 г. в 0,15 трлн долларов, более 1 трлн долларов – в конце 2001 г., около 14 трлн – в конце 2005 г. и почти 58 трлн – в конце 2007 г.

Именно на этом сегменте финансового рынка произошло наибольшее сжатие во время последнего финансово-экономического кризиса – за два года почти в два раза (табл. 3). И именно рынок дефолтных свопов стал одним из основных объектов критики со стороны ряда экономистов и политиков как один из главных дестабилизаторов мировой финансовой системы, приведший к ее кризису. В том числе и к дефолтным свопам относятся бесчисленное количество раз повторенные слова Уоррена Баффета: «Деривативы – финансовое оружие массового поражения»²⁴.

Являясь инструментами страхования рисков, кредитные деривативы действительно превратились в инструменты спекуляций (покупка защиты возможна и без наличия облигаций, просто из расчета на возникновение кредитного события). Кроме того, внебиржевой характер этого рынка делал его крайне непрозрачным (никто не мог сказать, кто, кому и сколько должен).

Представляется, что CDS, как и любое изобретение человека, повышает экономическую эффективность, а через нее и качество жизни. Но важно не только само изобретение, а то, как оно используется. Никто не станет требовать запрета на использование топора в связи с тем, что им можно убить. В случае с CDS можно сказать то же самое.

О необходимости наведения порядка в данном сегменте говорилось в решениях Группы 20 и Совета по финансовой стабильности (см. ниже). И можно констатировать, что в результате предпринятых действий рынок стал более прозрачным, снизились риски, связанные с банкротством одной из сторон. Новый закон о финансовом регулировании, подписанный Б. Обамой в июле 2010 г. (Dodd-Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act), содержит большой раздел, посвященный регулированию внебиржевого рынка деривативов.

5. Мировой экономический кризис и развитие системы регулирования финансовых рынков

Мировой финансово-экономический кризис 2007–2009 гг. выявил необходимость реформирования мировой финансовой системы и усиления координации между национальными регуляторами.

²² Относительно новых, так как первые дефолтные свопы появились в 1994 г., но заметное место данный рынок занял лишь с 2003 г.

²³ CDS – контракт, подобный страховому полису, по которому покупатель защиты перечисляет продавцу защиты периодические платежи в обмен на обещание вернуть сумму долга в случае наступления дефолта по долговому обязательству (кредитного события). Обычно выпускаются банками, хедж-фондами на муниципальные облигации, корпоративные облигации и облигации, обеспеченные пулом ипотек на недвижимость (MBS).

²⁴ Отметим, что Баффет имел в виду использование деривативов в спекулятивных целях.

В масштабах мирового рынка наднациональные органы регулирования отсутствуют. Тем не менее и раньше международными межправительственными и частными организациями разрабатывались различные правила, стандарты, которые, так или иначе, принимались на национальном уровне (базельские стандарты достаточности капитала Банка международных расчетов, принципы корпоративного управления ОЭСР, принципы противодействия отмыванию денег, полученных преступным путем, международные стандарты финансовой отчетности и др., см. табл. 4). И раньше международные финансовые организации (прежде всего МВФ) выполняли роль кредитора последней инстанции²⁵ для развивающихся стран. Тем не менее новая реальность, связанная с кризисом, выявила недостаточность существующих механизмов.

Таблица 4

Международные стандарты по регулированию финансовых рынков

Область регулирования	Стандарт	Ответственная организация
1	2	3
Транспарентность в области финансовой и денежно-кредитной политики	Кодекс транспарентности при проведении денежной и финансовой политики (Code of Good Practices on Transparency in Monetary and Financial Policies)	МВФ (IMF)
Транспарентность в области фискальной политики	Кодекс транспарентности фискальной политики (Code of Good Practices on Fiscal Transparency)	МВФ (IMF)
Распространение информации	Специальный стандарт распространения информации (Special Data Dissemination Standard/ General Data Dissemination System)	МВФ (IMF)
Банкротство	Банкротство и права кредиторов (Insolvency and Creditor Rights)	Мировой банк (World Bank)
Корпоративное управление	Принципы корпоративного управления (Principles of Corporate Governance)	ОЭСР (OECD)
Бухгалтерский учет	Международные стандарты финансовой отчетности (International Financial Reporting Standards / International Accounting Standards [IFRS/IAS])	Совет по международным стандартам финансовой отчетности (IASB)
Аудит	Международные стандарты аудита (International Standards on Auditing [ISA])	Международная федерация бухгалтеров (IFAC)

²⁵ В данном случае мы употребляем термин, который обычно используется в отношении центральных банков, выступающих кредиторами для банков, когда у тех возникают проблемы с ликвидностью. МВФ выполняет роль пожарной команды, предоставляя льготные (по низкой процентной ставке) кредиты странам, попавшим в кризисную ситуацию. Наиболее известные (и масштабные) примеры подобной помощи – кредиты Мексике в 1994 г., Корею в 1997 г., Греции в 2010 г.

Окончание табл. 4

1	2	3
Платежная система и расчеты	Основополагающие принципы функционирования платежных систем (Core Principles for Systemically Important Payment Systems)	Комитет по платежным и расчетным системам (CPSS)
	Recommendations for Securities Settlement Systems	CPSS/IOSCO
Целостность рынка	40 рекомендаций Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (The Forty Recommendations of the Financial Action Task Force)	Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF)
	Специальные рекомендации по предотвращению финансирования терроризма (Special Recommendations Against Terrorist Financing)	
Банковский надзор	Основополагающие принципы эффективного банковского регулирования (Core Principles for Effective Banking Supervision)	Базельский комитет по банковскому надзору (BCBS)
Регулирование фондового рынка	Цели и принципы регулирования фондовых рынков (Objectives and Principles of Securities Regulation)	Международная организация комиссий по ценным бумагам (IOSCO)
Страховой надзор	Основные принципы для страховых регуляторов (Insurance Core Principles)	Международная ассоциация регуляторов страхового рынка (IAIS)

Ответом на вызовы стала активизация деятельности целого ряда международных форумов и организаций, расширение числа их участников.

Иерархия международных институтов, принимающих участие в реформировании мировой финансовой архитектуры

Если попытаться выстроить с точки зрения решаемых задач систему институтов регулирования мирового финансового рынка, то получится следующая картина: первый уровень – Группа 20 и Совет по финансовой стабильности, второй – международные финансовые организации, третий – международные стандарты устанавливающие организации (см. схему).

Высшим органом можно условно определить встречи глав государств Группы 20-ти²⁶, которые, в свою очередь, предваряют встречи руководителей министерств финансов и центральных банков стран группы (которые, собственно, и называются Группой 20-ти). Формально форум был создан на встрече министров финансов G-7 26 сентября 1999 г. как реакция на азиатский кризис 1997–1998 гг. и попытка разработать на межнациональном уровне совместную политику. Первая встреча министров финансов и руководителей центробанков состоялась 15–16 декабря 1999 г. в Берлине²⁷.

Современный кризис заставил изменить формат встреч, поднять их на более высокий уровень – глав государств. В ноябре 2008 г. состоялась первая встреча глав государств и правительств «Двадцатки» в Вашингтоне, в апреле 2009 г. – в Лондоне, в сентябре 2009 г. – в Питтсбурге, в июне 2010 г. – в Торонто, в ноябре 2010 г. – в Сеуле²⁸.

На встречах «Двадцатки» принимаются глобальные решения, подготовленные как национальными регулятивными органами, так и международными организациями и структурами. Хочется подчеркнуть двусторонний характер процесса принятия решений: они детально разрабатываются по конкретным аспектам дея-

²⁶ Аргентина, Австралия, Бразилия, Великобритания, Германия, Европейский союз, Индия, Индонезия, Италия, Канада, КНР, Япония, Мексика, Республика Корея, Россия, Саудовская Аравия, США, Турция, Франция, ЮАР.

²⁷ В 2000 г. в Монреале, 2001 г. – в Оттаве, 2002 г. – в Дели, 2003 г. – в Морелиа (Мексика), 2004 г. – в Берлине, 2005 г. – в Пекине, 2006 г. – в Мельбурне, 2007 г. – в Кейптауне, 2008 г. – в Сан-Паулу. Наступление кризиса сделало эти встречи более частыми: в 2009 г. встречи проходили в Великобритании трижды (в марте – в Хоршэме, в сентябре – в Лондоне, в ноябре – в Сент-Эндрюзе), в 2010 г. – в Корее трижды (февраль – Инчхон, июнь – Пусан, ноябрь – Сеул).

²⁸ В ноябре 2011 г. запланирована в Каннах.

тельности мировой финансовой системы, а здесь сводятся воедино на концептуальном уровне. В свою очередь, на заседаниях «Двадцатки» формулируются задачи, которые затем начинают решаться специализированными организациями (на схеме этот процесс «сверху вниз» и «снизу вверх» иллюстрируется стрелками).

Вторым с точки зрения иерархии органом, решающим общие вопросы развития и реформирования мировой финансовой системы, является Совет по финансовой стабильности (Financial Stability Board) – СФС. Он был создан в 1999 г. как Форум по финансовой стабильности (Financial Stability Forum) Группой 7 (G-7) по инициативе президента Немецкого федерального банка Ханса Титмайера. Включает в себя представителей национальных экономических ведомств, а также международных экономических организаций (МВФ, Мировой банк, ОЭСР, Европейская комиссия, Банк международных расчетов).

В апреле 2009 г. Форум был переименован в СФС с расширением числа участвующих стран за счет включения всех участников «Двадцатки» – результат договоренностей G-20 в марте 2009 г. (см. ниже)²⁹.

По сути, Совет по финансовой стабильности и является тем органом, который непосредственно готовит материалы для Группы 20, анализирует результаты реализации ее решений (см., например, документ [Progress... 2010]). Он же координирует работу всех национальных и международных участников. Учитывая более детальную проработку вопросов, именно **документы СФС представляют наибольший интерес с точки зрения оценки состояния мировой финансовой системы и ее реформирования.**

Вторую и третью группы органов образуют международные экономические организации и международные органы, устанавливающие на международном уровне стандарты в финансовой области (международные стандарты устанавливают, впрочем, и те и другие, см. табл. 1).

Решения Группы 20 по реформированию мировой финансовой системы

В ноябрьской (2008 г., г. Вашингтон) Декларации лидеров Группы 20³⁰ по финансовым рынкам и мировой экономике *Declaration of the Summit on Financial Markets and the World Economy* определены основные принципы реформирования системы регулирования мирового финансового рынка:

- усиление прозрачности и улучшение отчетности;
- повышение эффективности системы регулирования;
- содействие развитию честного финансового рынка;
- укрепление международного сотрудничества;
- реформирование международных финансовых организаций.

Лидеры «Двадцатки» приняли план действий, поставив перед своими экономическими ведомствами задачу подготовить конкретные мероприятия для реализации этих принципов к концу марта 2009 г.

Для этого были образованы 4 рабочие группы, которые подготовили соответствующие документы к апрельской встрече Группы 20 в Лондоне в 2009 г.³¹ Кроме того, за это время были подготовлены важные доклады, содержащие различные рекомендации по реформе системы регулирования. Самыми заметными ста-

²⁹ Территориально расположен в Базеле (в здании Банка международных расчетов – BIS).

³⁰ Напомним, что тогда Группа 20 впервые была представлена именно главами государств и правительств, что связано с беспрецедентным масштабом финансового кризиса, охватившего мировую экономику.

³¹ См., например, следующие документы: [G20 Working Group 1 2009; G20 Working Group 2 2009].

ли: Доклад Ларозьера [De Larosiere *et al.* 2009] для Европейской Комиссии, Доклад Тёрнера [Financial... 2009] для Ведомства по финансовым услугам Великобритании (Financial Services Authority) и Доклад Группы 30 [Group of 30 n.d.] – группы влиятельных финансистов, занимавших в прошлом высшие должности в центральных банках, регулятивных органах и частных финансовых институтах. Наконец, казначейство США выступило с планом реформы финансового рынка [Treasury 2009]³². Все эти доклады содержали различные подходы и ставили разные акценты, но, взятые в целом, они дают развернутую программу, которая легла в основу дальнейших действий.

Лидеры «Двадцатки» вновь встретились в апреле 2009 г. в Лондоне. Третья встреча лидеров «Двадцатки» состоялась в конце сентября 2009 г. в Питтсбурге, четвертая – в Торонто в июне 2010 г. Пятая прошла в ноябре 2010 г. в Сеуле.

Наиболее важные решения в рамках Группы 20 были приняты весной 2009 г. В совместном заявлении министров финансов и председателей центральных банков 14 марта, а затем и глав государств 2 апреля 2009 г. содержится развернутый план реформы международной финансовой архитектуры и системы регулирования, который в дальнейшем в основном просто конкретизировался.

Основные направления реформы мировой финансовой системы, предложенные в резолюциях министров финансов и председателей центральных банков стран «Двадцатки»:

1) расширение участников **Форума финансовой стабильности Financial Stability Forum (FSF)** путем включения в него всех стран – членов «Двадцатки»³³;

2) распространение **контроля и надзора на все системно важные финансовые институты**, рынки и инструменты, включая **хедж-фонды и их менеджеров** с регистрацией последних и раскрытием ими информации, с тем чтобы проводить оценку рисков, которые возникают в связи с их деятельностью;

3) усиление **регулирования** с особым вниманием на его макропруденциальные аспекты³⁴ в целях предотвращения возникновения системных рисков;

4) построение системы финансового регулирования, которая **сглаживает, а не усиливает экономический цикл**³⁵, в частности путем создания в период благоприятной экономической конъюнктуры «подушек безопасности» (увеличивая требования к капиталу финансовых институтов в период бума) и ограничения леввериджа (чрезмерного использования долгового финансирования);

5) углубление **международной кооперации** в целях предотвращения и преодоления кризисов, в частности посредством создания коллегий (supervisory colleges) для надзора за деятельностью крупнейших институтов, институционального усиления Совета по финансовой стабильности и запуска программы раннего предупреждения МВФ/ФФС (IMF/FSF *Early Warning Exercise*)³⁶;

³² Сама реформа регулирования была зафиксирована подписанным Б. Обамой в июле 2010 г. законом (Dodd-Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act).

³³ Соответственно членом этого форума стала и Россия, получившая три места (Министерства финансов, Банка России и ФСФР).

³⁴ Макропруденциальное регулирование – система мер, направленных на поддержание стабильности всей финансовой системы. Ранее регулирование носило преимущественно микропруденциальный характер, то есть было нацелено на отдельные финансовые институты. Оказалось, во-первых, что этого недостаточно, во-вторых, микропруденциальные меры могут ухудшить ситуацию на макроуровне. Подробнее о проблеме см.: [Persaud 2009].

³⁵ Так называемая «проблема процикличности».

³⁶ Программа предусматривает оценку всех возможных угроз мировой экономике. Проводится 2 раза в год с использованием наработок МВФ, сделанных в рамках подготовки двух главных аналитических мате-

6) надзор за **рейтинговыми агентствами**, чьи оценки используются регулирующими органами, и оценка их адекватности соответствующему Кодексу Международной организации комиссий по ценным бумагам (IOSCO code);

7) достижение полной прозрачности в отношении внебалансовых механизмов (**off-balance sheet vehicles**)³⁷;

8) улучшение **стандартов учета**, включая вопросы создания резервов и оценки в условиях ценовой неопределенности;

9) стандартизация и устойчивость **рынка кредитных деривативов**³⁸;

10) использование рекомендаций Совета по финансовой стабильности по вопросам **вознаграждения менеджеров**³⁹;

11) выявление соответствующими международными органами **несотрудничающих юрисдикций (non-co-operative jurisdictions) (в рамках FATF)**⁴⁰ и разработка инструментов борьбы с ними;

12) усиление эффективности деятельности **международных финансовых институтов** (организаций), укрепление системы управления ими с учетом изменений в мировой экономике (путем увеличения их капитала⁴¹ и повышения роли развивающихся стран в процессе принятия решений)⁴²;

13) уменьшение возможности использования **регулятивного арбитража**⁴³;

14) укрепление международных **стандартов по банковскому капиталу**⁴⁴. Однако чтобы не помешать восстановлению экономики⁴⁵, новые стандарты дос-

риалов этой организации: Обзора мировой экономики [World... 2011] и Доклада о состоянии мировой финансовой системы (Global Financial Stability Report). При этом оцениваются маловероятные, но возможные сценарии (в отличие от названных документов, где присутствует наиболее вероятный сценарий). В разработке сценариев участвуют также представители финансовых регуляторов и центральных банков (представляющих Совет по финансовой стабильности).

³⁷ Имеются в виду производные финансовые инструменты.

³⁸ Использование этих инструментов, находившихся вне регулятивного поля, привело к кризису двух системных финансовых институтов США – инвестиционного банка Lehman Brothers и страховой компании AIG.

³⁹ Кризис обнажил следующую проблему: сложилась практика, когда вознаграждение менеджеров финансовых институтов зависит в большей степени от краткосрочных результатов, что заставляло их ориентироваться на сиюминутную выгоду и способствовало принятию более рискованных решений.

⁴⁰ Список стран и юрисдикций, которые, как считает ФАТФ, недостаточно сотрудничают в деле борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма. В 2000 г., когда впервые был опубликован этот список, в нем оказалась и Россия (через год исключенная из списка). В дальнейшем в список попадали отдельные страны (в том числе Украина, Венгрия, Индонезия, Нигерия). Ежегодно ФАТФ публикует данные о том, кто исключен из списка и кто в него включен. К осени 2009 г. в списке не было ни одной несотрудничающей юрисдикции.

⁴¹ Было решено укрепить **международные финансовые организации**, предоставив в их распоряжение дополнительно 850 млрд долларов для поддержки роста в развивающихся странах и странах с формирующимися рынками. Как наиболее срочная мера было принято решение об увеличении ресурсов МВФ на 250 млрд долларов за счет взносов стран-членов.

⁴² Увеличение на 3,13 % доли голосов развивающихся и транзитивных стран во Всемирном банке и на 5 % – в МВФ. С учетом предыдущего увеличения доли на 1,46 % это дало общее увеличение в 4,59 %, благодаря чему доля стран группы в голосах составляет 47,19 %. Реформа голосования в Международной финансовой корпорации привела к увеличению доли указанной группы до 39,48 %.

⁴³ Кризис выявил следующую проблему: в связи с различиями в системе регулирования финансовых рынков компании избирают для своих подразделений страны с наиболее льготной системой. Этот процесс получил название «регулятивный арбитраж» – по аналогии с понятием арбитража на финансовом рынке, заключающегося в совершении безрисковых сделок за счет разных ценовых условий на разных рынках (в территориальном или продуктовом разрезе).

⁴⁴ ВСВС к ноябрю 2010 г. подготовил соответствующий документ.

⁴⁵ Увеличение нормы достаточности капитала уменьшает объемы кредитов, которые могут предоставить банки, что при прочих равных условиях снижает объем производства товаров и услуг.

таточности капитала и ликвидности решено ввести в действие только к концу 2012 г.;

15) разработка мер по регулированию процедуры **банкротства крупных глобальных финансовых институтов**;

16) активизация усилий по разработке единых высококачественных стандартов учета, с тем чтобы к июню 2011 г. завершить процесс **конвергенции различных стандартов отчетности**⁴⁶.

Еще раз подчеркнем тот факт, что на встречах Группы 20-ти формулируются самые общие принципы реформирования мировой финансовой системы (поэтому на первый взгляд носящие декларативный характер), однако, во-первых, за ними стоит работа целого ряда международных организаций и национальных регулятивных органов (то есть решения подкреплены конкретными разработками), во-вторых, они реально претворяются в жизнь.

В документах международных организаций, исследованиях многих экономистов отмечается неизбежность наступления финансовых кризисов, поскольку рыночная экономика развивается циклически. Однако важно, во-первых, не допускать субъективных ошибок, которые усугубляют или провоцируют кризисные явления, во-вторых, уметь вовремя применять надлежащие коррекционные меры, направленные на смягчение последствий кризисов.

Как показывает история, экономические потрясения способствуют выработке механизмов регулирования, которые затем начинают активно использоваться. Однако как в живом организме у болезнетворных бактерий постепенно начинает вырабатываться иммунитет к применяемым препаратам, так и в экономике со временем традиционные меры регулирования перестают действовать. Тем более что с усложнением экономики возникают новые, ранее просто невозможные экономические «болезни». Следует отметить, что в ходе последнего мирового финансового кризиса пришло осознание необходимости изменения в системах регулирования современных финансовых рынков, которые в той или иной степени уже реализованы в развитых странах.

Учитывая глобализацию финансовых рынков, финансовая политика в отдельно взятой стране должна проводиться по меньшей мере с учетом политики ведущих стран мира. А в идеале необходимо ее согласование на межнациональном уровне. Осознание этого факта пришло давно, и работа в данном направлении велась. Но, пожалуй, только в ходе последнего кризиса впервые мы наблюдаем столь заметные и серьезные попытки такого согласования – в рамках встреч глав государств и правительств Группы 20, в работе Совета по финансовой стабильности, ряда других международных организаций.

⁴⁶ Прогресс в распространении международных стандартов финансовой отчетности (IFRS), разработанных Советом по международным стандартам финансовой отчетности (IASB), набирает обороты. В общей сложности более 100 стран требуют или разрешают использование МСФО, включая ведущие экономики таких стран, как Япония, Китай, Бразилия, Индия, Россия, Канада, Южная Корея, Турция. Австралия и Европейский союз требуют подготовки отчетности по МСФО от всех листинговых компаний. В США Комиссия по ценным бумагам и биржам неоднократно высказывалась в пользу создания единых стандартов и выступает за сближение американских GAAP и IFRS. В ноябре 2009 г. IASB и американский Совет по стандартам финансовой отчетности (FASB) подписали совместное заявление, в котором выражено взаимное обязательство по конвергенции двух стандартов к июню 2011 г. С этой целью обе организации ежемесячно проводят встречи, на которых обсуждаются вопросы по сближению принципов отчетности.

Россия также пострадала от мирового финансового кризиса, являясь в силу размеров и степени развитости ее финансового сектора в чистом виде жертвой (а не виновницей). Многие проблемы, которые обсуждаются на рассмотренных выше международных форумах, в российских условиях в настоящее время неактуальны (в силу их отсутствия), например проблемы, связанные с кредитными деривативами, секьюритизацией или деятельностью хедж-фондов. Тем не менее, принимая участие в обсуждении вопросов реформирования мировых финансовых рынков, Россия участвует в формировании архитектуры мировой финансовой системы, получая необходимый опыт и знания, которые в дальнейшем могут оказаться полезны. Кроме того, принимая разработанные международными организациями стандарты (будь то стандарты бухгалтерского учета или достаточности капитала финансовых учреждений), Россия улучшает инвестиционный климат как для внутренних, так и для внешних инвесторов.

Литература

Рубцов Б. Б. Мировые фондовые рынки: современное состояние и закономерности развития. М. : Финансовая академия, 2000.

Рубцов Б. Б. Эволюция институтов финансового рынка и развитие экономики // Финансовые институты и экономическое развитие: кол. монография / под ред. Д. В. Смылова. М. : ИМЭМО РАН, 2006.

Чиркова Е. В. Анатомия финансового пузыря. М. : Кейс, 2009.

De Larosiere J. et al. Report of the High-Level Group on Financial Supervision in the EU. Brussels, February, 2009 [Электронный ресурс] : URL: ec.europa.eu

Financial Services Authority. 2009. The Turner Review: a regulatory response to the global banking crisis, including Discussion Paper 09/2, March [Электронный ресурс] : URL: www.fsa.gov.uk

Goldsmith R. W. Financial Structure and Development. New Haven, CT : Yale University Press, 1969.

Group of 30, Report by the G-30, A Framework for Financial Stability [Электронный ресурс] : URL: www.group30.org

Gurley J. G, Shaw E. S. Financial Aspects of Economic Development // American Economic Review. 1955. № 45.

G20 Working Group 1. 2009. Enhancing Sound Regulation and Strengthening Transparency Final Report March 25 [Электронный ресурс] : URL: www.g20.org

G20 Working Group 2. 2009. On Reinforcing International Cooperation and Promoting Integrity in Financial Markets. Final Report. March 27 [Электронный ресурс] : URL: www.g20.org

International Monetary Fund, 2011, Global Financial Stability Report: Durable Financial Stability: Getting There from Here (Washington, April).

Levine R. Bank-Based or Market-Based Financial Systems: Which is Better? // Journal of Financial Intermediation. 2002. Vol. XI (February).

McKinnon R. I. Money and Capital in Economic Development, Washington, DC : Brookings Institution, 1973.

Neal L. D. *The Rise of Financial Capitalism: International Capital Markets in the Age of Reason*. Cambridge, U.K. : Cambridge University Press, 1990.

North D. *Institutions, Institutional Change, and Economic Performance*. Cambridge, U.K. : Cambridge University Press, 1990.

Persaud A. Macro-Prudential Regulation // ECMI Commentary. 2009. No. 25/4 August [Электронный ресурс] : URL: www.eurocapitalmarkets.org.

Progress Since the St Andrews Meeting in Implementing the G20 Recommendations for Strengthening Financial Stability. 2010. Report of the Financial Stability Board to G20 Finance Ministers and Governors. Part 1: Policy Development at the International Level. Part 2: Implementation at National and Regional Levels. 19 April [Электронный ресурс] : URL: www.financialstabilityboard.org

Rajan R. G., Zingales L. *The Great Reversals: The Politics of Financial Development in the 20th Century*. OECD Economics Department Working Papers. No. 265, 2000 [Электронный ресурс] : URL: www.oecd.org.

Rousseau P. L. *Historical Perspectives on Financial Development and Economic Growth*. National Bureau of Economic Research. 2002. November Working Paper 9333 [Электронный ресурс] : URL: www.nber.org.

Rousseau P. L., Sylla R. *Financial System, Economic Growth, and Globalization*. National Bureau of Economic Research. 2001. June. Working Paper No 8323 [Электронный ресурс] : URL: www.nber.org.

Schumpeter J. A. *Theorie der Wirtschaftlichen Entwicklung*. Leipzig : Dunker & Humblot, 1912. [American Issue: *The Theory of Economic Development*, 1912, translated by R. Opie. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1934.]

Treasury 2009. *Framework for Regulatory Reform*, March [Электронный ресурс] : URL: www.treasury.gov

World Economic Outlook. 2011. April. Washington, DC : International Monetary Fund.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС: УРОКИ ДЛЯ ТВОРЦОВ ПОЛИТИКИ

Дувэ В.

старший партнер компании ANRC Consulting (Нидерланды).

E-mail: w.l.j.xu-doeve@anrc-consulting.com

Давиденко К. В.

факультет глобальных процессов

Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

E-mail: bcbg@bk.ru

В статье анализируются причины, которые привели к глобальному финансовому кризису, рассматриваются его особенности, делаются прогнозы о будущем мировой финансовой системы. Авторы подчеркивают необходимость своевременных, адекватных и целенаправленных политических решений, позволяющих предотвратить какие-либо дестабилизирующие последствия для национальных и глобальной финансовых систем.

Ключевые слова: мировой финансовый кризис, экономика США, системные риски, макроэкономика, менеджмент.

The article analyzes the causes that led to the global financial crisis, and considers its peculiarities, there are also given some forecasts with respect to the future of modern world financial system. The authors emphasize the necessity of the timely, reasonable and purposeful political decisions to prevent any destabilizing consequences for the national and global financial sector.

Keywords: world financial crisis, the USA economy, systemic risks, macroeconomy, management.

Вызвал я без знания
Духов к нам во двор
И забыл чуранье,
Как им дать отпор!

И. В. Гете,

«Ученик чародея»

(пер. Б. Л. Пастернака)

Введение

В 2007 г. начались события, приведшие в итоге к мировому глобальному финансовому кризису. Если говорить обобщенно и упрощенно, события разворачивались следующим образом.

Кризис был в первую очередь вызван событиями в США, в частности широко распространенной практикой ипотечного кредитования высокорискованных клиентов. Перед самым наступлением кризиса экономика США стабильно развива-

Век глобализации 2/2011 99–108

лась и процентные ставки росли, что неизбежно повысило вероятность массовых невыплат по данным кредитам. Подобные невыплаты привели бы к плачевным последствиям для кредиторов.

Однако в то же самое время большое количество этих ипотечных кредитов было продано первоначальными кредиторами инвестиционным банкам, которые объединяли кредиты в коллатерализованные (обеспеченные ценными бумагами) долговые обязательства (КДО). Далее эти КДО были проданы финансовым институтам и инвесторам по всему миру.

Таким образом, вследствие глобализации валютной и финансовой систем последствия финансового кризиса распространились очень быстро. За пределами США последствия особо ощущались в финансовом секторе, особенно в Европе. Однако длительное время оставалось неясным, в какой степени и какие именно финансовые институты были на самом деле подвержены серьезной опасности со стороны рискованных ипотечных кредитов. Следовательно, традиционный учет просроченной кредиторской задолженности оказался невозможным. Последовавшее за этим состояние неопределенности подорвало уверенность в кредитоспособности финансовых институтов, что вызвало ограничение кредитования как самих банков, так и их нынешних и потенциальных клиентов. В некоторых странах, включая США и Великобританию, кризис привел к почти катастрофическому обвалу финансовой системы.

Такое ограничение кредитования возымело прямые последствия для реального сектора экономики (реального производства и потребления товаров и услуг) затронутых стран. Значительно снизились инвестиции коммерческих предприятий и потребительский спрос.

Более того, краткосрочные капиталовложения были изъяты из стран с формирующейся рыночной экономикой. Был нанесен тяжелый удар по зависимым от иностранных займов и инвестиций странам Балтии и Восточной Европы, а также развивающимся странам.

В результате экономической глобализации спад деловой активности затронул экспортно ориентированные страны, особенно в Восточной и Юго-Восточной Азии, развивающиеся страны и страны с переходной экономикой, зависимые от производства сырьевых товаров и энергоносителей, а также, например, Германию. Кроме того, многие развивающиеся страны и растущие экономики, сильно зависящие от экспорта сырья и энергоресурсов на внешние рынки, пострадали от спада спроса на свою продукцию.

Также начал истощаться и другой источник дохода развивающихся стран – пересылка заработка эмигрантов, работающих в странах, затронутых экономическим спадом.

Таким образом, к концу 2008 г. события в США, выглядевшие незначительными с глобальной точки зрения, привели к глобальному экономическому спаду, ввергнув многие государства в состояние рецессии (устойчивый период негативного экономического роста). И в результате кризис превратился в самый сильный экономический спад со времен Второй мировой войны.

Среди других наиболее выделяются следующие моменты:

1. В большей мере, чем что-либо прочее, этот глобальный кризис показал, насколько нынешние валютные, финансовые и экономические системы стали глобально взаимосвязаны и взаимозависимы.

2. В то же время кризис указал на основные глобальные финансовые и экономические тенденции и усилил их.

3. Кризис показал наличие фундаментальных системных слабостей национальных и глобальной финансовой и экономической систем. И стало предельно ясно, что правительства, центральные банки, национальные финансовые инспекции и соответствующие международные институты плохо осведомлены, некомпетентны и плохо подготовлены к тому, чтобы адекватно и своевременно справиться с этими слабостями, не говоря уже о предупреждающих мерах.

Поэтому из данного кризиса должны быть вынесены соответствующие уроки, чтобы обеспечить устойчивость и стабильность национальных и глобальной финансовой и экономической систем. В этой работе мы рассмотрим принципиальные глубинные уроки для творцов политики в правительствах, центральных банках и международных финансовых институтах. Мы начнем с наброска основных причин, сделавших глобальный финансовый кризис возможным.

Основные предпосылки глобального кризиса

С 1980-х гг. особенностью финансового сектора основных мировых экономик стали значительное структурное изменение и глобализация. Отличительными чертами, усиливавшими друг друга, были:

1. Технологические изменения, обуславливавшиеся как возможностями, обеспеченными современным информационно-технологическим прогрессом, так и прогрессом в математическом моделировании риска. Это сделало возможным достижения, указанные в пп. 2 и 3, включая, например, как более разнообразные и сложные финансовые продукты, так и беспрецедентные скорости транзакций и увеличение масштабов операций наряду с устранением операционных препятствий на пути к интернационализации.

2. Ослабление регулятивных режимов с упором на регулирование путем невмешательства и саморегулирование.

3. Изменение существующих финансовых инструментов и внедрение новых, приведшее к появлению специализированных процессов и инструментов, таких как секьюритизация, деривативы и т. п.

4. Институциональные изменения, характеризующиеся увеличением масштабов и объемов, интернационализация, усложнение и рост анонимности, увеличение расстояния между заемщиками и кредиторами, появление новых финансовых учреждений за рамками регулируемых границ традиционной банковской деятельности, таких как хедж-фонды, фонды прямых инвестиций и т. п.

Однако преимущества этих достижений были также очень значительны, так как увеличилось количество источников денежных средств для кредитования и инвестиций, а риски могли быть разделены между большим числом игроков. Повышенные риски были в пределах досягаемости и влекли за собой повышенный доход. Явившееся следствием этого смягчение условий кредитования, простимулированное низкими процентными ставками, благоприятствовало реальному сектору экономики, способствуя как инвестициям, так и потреблению.

Однако эти достижения имели обратную сторону и повлекли за собой системные риски. Например, они вызвали смещение центра тяжести финансовых то-

варов и услуг от качества к количеству. Ослабление регулятивных рамок привело к неизбежному недостатку внешнего надзора, понимания и прозрачности. К этому добавились и новые нерегулируемые финансовые учреждения и инструменты, и продажа ценных бумаг без посредства биржи, напрямую. Увеличившаяся сложность финансовых конгломератов также внесла свой вклад в их внутреннюю непрозрачность. Новые юридические толкования позволили таким финансовым институтам, как инвестиционные банки, использовать кредитные рейтинги как стимулирующий маркетинговый инструмент. Беспрецедентные результаты квартальных отчетов финансовых институтов привели к введению прогрессивной системы заработной платы, ориентированной на краткосрочный результат и поощряющей рискованные действия. По сути, разрешение саморегулирования в таких благоприятных условиях для погони за вознаграждением может быть сравнено лишь с ситуацией, в которой алкоголику поручили бы возглавить винно-водочный магазин.

Эти достижения в сфере глобальных финансовых систем не происходили в изоляции. Посему полезно отметить ряд существенных обстоятельств. Упрощенно они могут быть разделены на 4 категории.

1. Кредитно-денежная политика подразумевает регулирование количества или, что более распространено сегодня, цены (процентной ставки) ликвидных фондов в финансовых системах. Проводить эту политику в основных мировых экономиках – прерогатива центральных банков. Они осуществляют кредитно-денежную политику, увеличивая или уменьшая количество денег, доступное коммерческим банкам для кредитования. Главной целью кредитно-денежной политики является поддержание стабильности и уверенности в финансовой системе путем контроля над инфляцией.

Для измерения уровня инфляции центральные банки часто используют индекс потребительских цен (ИПЦ) для домашних хозяйств как основной индикатор. Следовательно, у традиционной кредитно-денежной политики имеются строгие ограничения.

Вспомним, что валовой внутренний продукт (ВВП) состоит из четырех основных элементов: потребление в частном секторе, инвестиции, государственные закупки товаров и услуг, чистый экспорт (разность стоимости экспорта и импорта). Таким образом, основной индикатор, используемый центральными банками, относится лишь к одной части этого – потреблению в частном секторе. Например, индикатор обычно не учитывает инвестиции в долгосрочные активы, такие как недвижимость. Следовательно, традиционная кредитно-денежная политика неспособна исследовать и побеждать «мыльные пузыри» в экономике¹, характеризующиеся сильной инфляцией цен на долгосрочные активы.

2. В последние десятилетия экономика США, страны, вызвавшей финансовый кризис 2007 г., стала крупнейшим потребителем кредитных ресурсов. Государственные закупки товаров и услуг, потребление в частном секторе, валовые инве-

¹ Среди основных глобальных экономик единственным примечательным исключением является китайская. Китайский центральный банк ограничивает коммерческие банки в кредитовании некоторых отраслей, например строительной, если в них есть ощущаемая угроза «перегрева» (излишнего инвестирования, приводящего к дефициту и последующему росту цен).

стиции, в частности, становились все более и более зависимыми от международных займов, в то время как накопление сбережений оказывалось все больше не в почете. Другими словами, в последние десятилетия экономика США функционировала все в большей степени за счет ожидаемых доходов будущих поколений.

Займы, не в полной мере финансируемые собственными сбережениями, – отличительная черта, характеризующая и другие экономики, особенно в Великобритании, во многих центральноевропейских странах с переходной экономикой и развивающихся странах. Вот некоторые достойные внимания достижения и тенденции.

Домашние хозяйства все в большей степени имеют тенденцию потреблять, превращая завышенные цены на недвижимость в займы. Набирающая популярность англосаксонская бизнес-модель ориентирована на краткосрочные квартальные результаты, отдает предпочтение оплате фиксированных дивидендов, независимо от эффективности деятельности компании, охотно освобождается от активов ради прибыли и с легкостью подвергает себя рискам процентных ставок и валютным рискам приобретением за счет заемных средств. Правительства слишком часто проводят несбалансированную бюджетную и фискальную политику и готовы создавать дефицит бюджетных средств даже на пике циклов деловой активности.

В то же самое время в некоторых основных экономиках, находящихся в центре финансового кризиса, в США и Великобритании в частности, производство наряду с инвестициями в инфраструктуру, образование и здравоохранение как в источники долгосрочного накопления богатства недостаточно или неэффективно. В этих странах зависимость от международных финансовых операций воспринимается как заменитель накопления богатства.

3. Как мы могли увидеть, в период перед финансовым кризисом 2007 г. произошли радикальные структурные изменения, трансформировавшие международный мир банковского дела и финансов. В коммерческой и инвестиционной банковской деятельности имели место автоматизация, диверсификация, производственная специализация, увеличение масштабов и объемов деятельности – и все это в условиях стремительной глобализации.

Менеджмент на основе реальных знаний и глубокого понимания фактической каждодневной коммерческой деятельности уступил место менеджменту на основе процедур, базирующемуся на принципах невмешательства и абсолютизации показателей эффективности. Большое количество транзакций, даже низкорентабельных, приносили большой доход. Кажущийся успех породил культуру, характеризующуюся надменностью, самонадеянностью и алчностью. Неучастие же во всем этом великолепии воспринималось как признак отсталости.

Однако финансовый кризис продемонстрировал, что некоторые ведущие коммерческие и инвестиционные банки не справились со своей первоочередной обязанностью поддерживать разумную и устойчивую систему управления рисками. Они в массовом порядке совершали безответственные и безрассудные инвестиции. В результате это потребовало беспрецедентного вмешательства правительств с целью избежать катастрофического краха всей глобальной финансовой системы.

Учитывая спад деловой активности нескольких ведущих финансовых институтов, а также тот факт, что государственная помощь с целью выхода из экономических трудностей и поддержки глобальной финансовой системы оказалась неизбежной, можно прийти лишь к одному выводу: в ключевых сферах международного банковского сектора осуществлялся вопиюще некомпетентный менеджмент.

4. Однако было бы неправильно обвинять в некомпетентности только лишь банкиров. Некомпетентность характеризует и саму экономику как учебную дисциплину, и соответствующие правительства и институты по регулированию и надзору: министерства финансов, центральные банки, финансовых наблюдателей, международные финансовые институты, ответственные за поддержание здоровой, устойчивой, рациональной и эффективной финансовой системы.

Ведь имели место существенные, бросающиеся в глаза недальновидность и неподготовленность. Финансовые инвестиции, вызвавшие кризис, коллатерализованные долговые обязательства, обеспеченные высокорискованными американскими сабпрайм-ипотечными кредитами, чувствительными к процентным ставкам и циклам деловой активности, – все это должно было неизбежно случиться. Кроме того, в недавнем прошлом имели место повторяющиеся «пузыри» в экономике и кризисы: в Японии с 1990 г., в Азии в 1997 г., в России в 1998 г. и т. д.

Не существовало также и эффективной системы предварительного оповещения. Глобальная координация по поддержанию здоровой международной финансовой системы была недостаточной. Неизбежным результатом этого оказался импровизированный процесс формирования реакции на происходящее.

Такое положение дел явно контрастирует с ситуацией в сфере климатологии, где ученые держат руку на пульсе. В ожидании неминуемой катастрофической опасности в лице глобального потепления проводятся целенаправленные исследования исторически важных эпизодов изменений климата, причин и системных последствий, осуществимости, затрат и преимуществ потенциальных решений. Правительства предпринимая решительные действия, а мнение общественности мобилизуется. Усилия, координируемые на международном уровне, объединяются для того, чтобы избежать опасности или минимизировать ее.

Здесь, в климатологии, мы рассматриваем потенциальный глобальный системный риск, последствия которого могут проявиться лишь спустя десятилетия. Однако к лету 2007 г. мир экономики и финансов сомнамбулировал в пучину почти катастрофического глобального финансового и экономического кризиса, расходы на преодоление которого должны будут нести нынешнее и будущие поколения, богатые и бедные, по всему миру.

Уже было достаточно сказано о пагубном характере систем оплаты труда в финансовом секторе, где награждается краткосрочный успех при игнорировании любых возможных долгосрочных последствий. Кроме того, мы хотели бы предложить объявить мораторий на присуждение Нобелевской премии по экономике (Премии Шведского государственного банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля), по крайней мере, в течение одного поколения.

Будущее глобальной финансовой системы

Как уже говорилось выше, современный гибкий и динамичный глобальный финансовый сектор может принести огромные выгоды для экономического роста и развития. Однако, как мы видели в предыдущем разделе, имеют место важные наглядные уроки, которые можно извлечь из событий, приведших к глобальному финансовому кризису 2007 г., и из того, каким образом справлялись с кризисом и резким экономическим спадом, к которому он привел.

Но есть также ряд проблем более фундаментального характера, которые необходимо учитывать и решать. В этом заключительном разделе мы кратко осветим наиболее важные из них.

1. Во-первых, в связи с кризисом 2007 г. увеличилось количество призывов к большему регулированию финансового сектора. Однако существуют важные ограничения для всего процесса регулирования. Как вновь и вновь подтверждает финансовый сектор, правила зачастую воспринимаются как вызов, а не как норма. В частности, трудно регулировать человеческий фактор.

Национальные нормативные режимы как сами по себе, так и в глобальной координации неизбежно оставляют пробелы: непредвиденные или же преднамеренные. В финансовом секторе достаточно изобретательности для того, чтобы использовать возможности, которые предлагают такие пробелы, и не обязательно ради общего блага.

2. Что, по крайней мере, так же важно, как и регулирование, а то и в значительно большей степени, так это адекватный и своевременный контроль и наблюдение за поведением всех игроков в финансовом секторе. Основными задачами здесь является достижение полной прозрачности, понимания и осведомленности – постоянно и во все времена – с тем чтобы, когда это понадобится, могли быть приняты особые меры с целью поддержания стабильности и уверенности. Особое внимание здесь должно, конечно, быть уделено вопросам адекватности и эффективности систем управления рисками. Простой опоры лишь на абстрактное математическое моделирование никоим образом не достаточно.

В частности, культура системного управления безопасностью и устойчивостью должна стать одной из основных черт финансовых систем как на национальном, так и на глобальном уровне. Это тем более важно, что в конечном итоге ключевые принципы в сфере банковского дела и финансов построены в большей степени на концепции уверенности и доверия.

Многое можно вынести из изучения подходов, применяемых в мировой гражданской авиации. В гражданской авиации структурная безопасность оборудования и эксплуатационной практики стала в последние десятилетия приоритетом номер один.

Ключевыми словами для финансового сектора в вопросе управления безопасностью и устойчивостью должны стать стабильность, надежность и приоритет интересов реального сектора экономики. Ведь кредитно-денежная и финансовая экономики не играют в первую очередь самостоятельной роли. В конце концов, их главная цель заключается в том, чтобы способствовать реальной экономике, производству товаров и услуг для накопления богатства и его использования через инвестиции и потребление.

Нет сомнений в том, что непрерывный структурный контроль и надзор, а также установление и поддержание безопасности являются дорогостоящими. Однако эти расходы начинают казаться мизерными по сравнению с экономическими и социальными издержками – для нынешнего и будущих поколений – в случае бездействия.

3. В частности, проблемой кризиса 2007 г. стал упор на концепцию «слишком значимый, чтобы потерпеть неудачу» в качестве основания для государственной помощи обанкротившимся финансовым институтам с целью выхода из экономических трудностей. Финансовые институты были спасены путем государственного вмешательства и поддержки в беспрецедентных масштабах.

Это примечательно тем, что ни один сектор в большей степени, чем финансовый, не был сторонником свободной рыночной экономики и невмешательства правительства. Логично, что очевидным последствием этого должно было стать то, что финансовые учреждения будут брошены на произвол судьбы, если они потерпят неудачу или разорятся.

Однако в процессе структурных изменений за последние десятилетия многие крупные финансовые институты выросли в размерах и позициях влияния, поэтому их банкротство поставило бы под угрозу стабильность финансовой системы в целом. Такой рост в размере оправдывался инновационным усилением мощности и производительности. Очевидно, однако, что связанные с этим риски не были надлежащим образом оценены, а сейчас они просто перешли на налогоплательщика.

Кроме того, сохранение этих обанкротившихся учреждений «в живых» несет в себе очень серьезный риск того, что такая глубоко укоренившаяся скверная практика не будет должным образом наказана и искоренена, что делает в будущем финансового сектора очень вероятным повторение поведения, генерирующего кризисы.

Как и в любом бизнесе, провал и, как следствие, банкротство финансовых учреждений, принимающих участие в такой скверной деловой практике, должны стать реальной возможностью. И это, скорее всего, вызовет серьезные структурные изменения, по меньшей мере в крупнейших финансовых институтах.

Есть еще два вопроса долгосрочного стратегического значения, которые заслуживают внимания.

4. Макроэкономическая политика крупнейшей в мире доминирующей экономики США уже давно способствовала структурному дефициту торгового баланса и принимала его. Кроме того, большинство крупных западных стран уже давно проводили структурную энергетическую политику, основанную на импорте. Ключевым следствием этих дисбалансов было постепенное, но постоянное и непрерывное смещение глобального экономического центра тяжести и изменение расстановки сил в мировом господстве. Наиболее заметными бенефициариями этого сдвига являются государства Восточной, Юго-Восточной и, с недавних пор, Южной Азии.

Страна, которая выделяется наиболее отчетливо, – Китай. Реформа и экономическая открытость позволили стране воспользоваться соответствующими возможностями. Впечатляющий беспрецедентный устойчивый рост, ориентированный на экспорт, продолжает быстрыми темпами трансформировать страну и уже

поднял миллионы из ужасающей нужды и нищеты. В результате успешной экспортно ориентированной экономики в стране продолжают накапливаться крупные валютные резервы, которые в настоящее время составляют около 2 триллионов (2 000 000 000 000) долларов США.

Золотое правило, конечно, гласит, что «правила определяет тот, у кого есть золото». Безусловно, страны, испытывающие значительный структурный дефицит торгового баланса, такие как, к примеру, США, со временем теряют глобальную власть и влияние. В то же время геополитическая власть таких стран, как Китай, растет. Мы уже видим, что Китай, длительное время являвшийся государством-интровертом, утверждает свое влияние в мире, и не только с кредитно-денежной и финансовой точки зрения. Это несет определенные риски для стабильности и непоколебимости мировой финансовой системы, так как подразумевает бóльшую, чем обычно, степень неопределенности.

Китай является страной, где исполнительная и законодательная власть, судебная система, финансовый сектор, крупные предприятия, а также средства массовой информации остаются по большому счету сосредоточенными в одних руках. Кроме того, эта система не характеризуется таким же уровнем прозрачности, который обычно встречается в западных странах. Китай также является большой страной, где имеет место сравнительно низкий уровень децентрализации власти, несмотря на сложности, связанные с массой городских, сельских и региональных различий. Следовательно, по сравнению с западными странами или, например, Индией Китай характеризуется ограниченной системой внутренних сдержек и противовесов. Кроме того, Китай по-прежнему сталкивается с целым рядом нерешенных территориальных споров. Страна борется и с увеличением числа структурных вызовов в своих попытках по-прежнему удовлетворять растущий на мировых рынках спрос на сырье, сырьевые товары и энергетику.

В то время как поддержание внутренней стабильности и гармонии является одной из самых серьезных задач китайских властей, в случае какой-либо значительной внутренней нестабильности в стране имеется лишь сравнительно ограниченное число механизмов самоуправления. Следовательно, чем более важную роль будет играть Китай в мировой финансовой системе, тем больше будет глобальная финансовая система подвержена риску того, что она серьезно пострадает от потрясений в результате какой-либо будущей нестабильности в китайской политике, экономике и/или обществе, возникновение которых – как бы нежелательно это ни было – не может быть полностью исключено.

5. Второй вопрос, имеющий долгосрочное стратегическое значение для мировой финансовой системы, – неизбежность давления, которое может создать в будущем «пузыри» цен на сырьевые товары и активы.

Глобальное давление, как, например, то, что наблюдали до начала 2008 г., на отдельные товары, включая некоторые продукты питания, энергию и сырье, возникает вновь. Это является неизбежным следствием продолжающегося роста мирового населения и нормального поступательного возобновления экономического роста на душу населения в целом и экономического роста в странах с формирующейся экономикой и в развивающихся странах в частности.

Кроме того, многие страны имеют особые структурные сложности, нехватки и ограничения, что приведет к новым дефицитам.

Например, Великобритания имеет систему планирования, которая структурно ограничивает строительство необходимого числа домов до такой степени, что докризисное давление на рынке жилья неизбежно вернется с новой силой.

Такое давление как на глобальном, так и на уровне отдельных государств приведет к возвращению агрессивной конкуренции в сфере производства и, как следствие, к росту уровня цен затронутых сырьевых товаров и активов. Кроме того, в преддверии ожидаемого повышательного давления на цены активность спекулянтов на рынках снова даст о себе знать. Это приведет к возобновлению волатильности, значительному повышению цен на отдельные сырьевые товары и активы в полном отрыве от фундаментальных причин для этого.

Даже в середине 2009 г., когда большинство крупных глобальных экономик показывают мало (или вовсе не показывают) убедительных признаков какого-либо экономического подъема, тенденции, свидетельствующие о спекуляции, уже явно прослеживаются, например при рассмотрении цен на сырую нефть.

Крайне важно, чтобы макроэкономическая, бюджетная, налоговая и кредитно-денежная политика адекватно и своевременно прогнозировала появление как любых таких неизбежных «пузырей» в ценах на товары и активы, так и сопутствующей деятельности спекулянтов. Только тогда можно будет сформулировать своевременные, адекватные и целенаправленные политические решения, которые позволят предотвратить какие-либо дестабилизирующие последствия для национальных и глобальной финансовых систем.

УПРАВЛЕНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИЕЙ: ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ УРОКИ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

Ивахнюк И. В.

д. э. н., доцент, зам. зав. кафедрой народонаселения экономического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

E-mail: ivakhnyuk@econ.msu.ru

Международная миграция трудовых ресурсов стала одной из наиболее характерных черт современной глобализации и одновременно несет в себе quintэссенцию присущих глобализации проблем. Одна из принципиальных проблем – это противоречие интересов государств, принимающих мигрантов, и государств их происхождения на фоне нарастающей миграционной взаимозависимости стран. Поиск компромиссных международных механизмов упорядочения потоков трудовой миграции и максимальной реализации заложенного в ней потенциала составляет суть современной глобальной дискуссии о миграции, накал которой возрос в условиях глобального экономического кризиса. Международные организации настаивают на том, что единственно возможным подходом формирования международной системы управления трудовой миграцией может быть подход, в основу которого положены права человека. Автор настоящей статьи рассуждает о том, насколько реализуема в современном мире идея обеспечения прав человека в качестве основы межгосударственного сотрудничества в сфере миграции и как она модифицируется под воздействием возрастающей в условиях глобализации миграционной взаимозависимости государств.

Ключевые слова: международная миграция населения, миграционная политика, система управления трудовой миграцией, глобальный кризис, миграционная взаимозависимость.

International migration of labour resources has become one of the most obvious attributes of modern globalization and at the same time carries quintessence of the problems inherent in globalization. One of the principle problems is conflicting interests of the states that receive immigrants and their native states against the background of increasing migratory interconnection of states. Searching for compromise international mechanisms to regulate the flows of human resource and to realize at most its potential constitutes the core of the modern global migration discussion flared up under the pressure of global economic crisis. International organizations insist that the only way to establish international system for labour migration management can be the human rights-based approach. The author reflects upon to what extent in the modern world it is possible to realize the idea of guaranteeing human rights as a basis of intergovernmental cooperation in migration sphere and how it modifies under the pressure of increasing (due to globalization) migratory interconnection of states.

Keywords: *international population migration, migration policy, system of labour migration regulation, global crisis, migratory interconnection.*

В первом номере журнала «Век глобализации» за 2010 г. была опубликована статья ведущего специалиста по миграции Международной организации труда (МОТ) Патрика Тарана «Глобализация и трудовая миграция: необходимость политики, основанной на правах человека». В ней фактически изложен взгляд этого влиятельного международного института на то, как происходит межгосударственная миграция рабочей силы в условиях растущей глобализации и какие принципы управления миграционными процессами являются предпочтительными с точки зрения соблюдения интересов всех участвующих в миграции сторон. Это не единственная, но доминирующая в настоящее время точка зрения на возможность формирования единого глобального подхода к управлению трудовой миграцией. Предполагается, что именно через подход, основанный на правах человека, могут быть найдены компромиссные международные механизмы упорядочения потоков трудовой миграции и максимальной реализации заложенного в ней потенциала. Только такие механизмы способны удовлетворить несовпадающие – объективно несовпадающие! – интересы стран, принимающих мигрантов, и стран их происхождения.

Настоящая статья – это результат размышлений автора о том, насколько реализуема в современном мире идея обеспечения прав человека в качестве основы межгосударственного сотрудничества в сфере миграции, насколько реально она конкурирует с экономическим прагматизмом и соображениями национальной безопасности. Глобальный экономический кризис стал своего рода проверкой на устойчивость сложившихся в мире тенденций международной трудовой миграции. Он лишний раз подтвердил степень нынешней взаимосвязанности и взаимозависимости государств и одновременно продемонстрировал особую уязвимость мигрантов и их семей, остающихся в родных странах. А потому кризис повысил накал глобальной дискуссии об управлении трудовой миграцией на взаимоприемлемых принципах. Для постсоветского пространства, которое представляет собой одну из крупнейших в мире региональных миграционных систем и отличается широким распространением нерегулируемых форм трудовой миграции, эта дискуссия имеет особое значение.

Новая роль международной трудовой миграции в мире

Расширяющиеся возможности передвижения по миру благодаря развитию средств транспорта и коммуникаций радикально изменили структуру мировых миграционных потоков в пользу временной трудовой миграции. В условиях, когда расстояние между странами «сократилось» доступностью современных средств транспорта и развитием международной телекоммуникационной сети, *временная* работа за рубежом стала для многих людей более предпочтительным выбором, чем смена *постоянного* места жительства, которая сопряжена с большими материальными и психологическими издержками.

С другой стороны, растущий спрос мирового рынка труда на временных работников, отличающихся большей гибкостью миграционного поведения, также способствует росту масштабов временной трудовой миграции. Миграционные законодательства многих стран создают особые преимущества для мигрантов,

въезжающих с целью трудоустройства. Даже такие традиционные страны иммиграции, как США, Канада или Австралия, население которых в значительной степени состоит из иммигрантов и их потомков, меняют в последние десятилетия фокус своей миграционной политики в пользу привлечения временных трудовых мигрантов, прежде всего высококвалифицированных. США, например, принимают ежегодно порядка 200 тыс. временных трудовых мигрантов, въезжающих по «неиммиграционной» визе, Канада – 100 тыс., Австралия – 80 тыс.

По данным ООН, численность международных мигрантов в мире (оцениваемая как численность людей, проживающих не в тех странах, где они родились) превысила в 2008 г. 214 млн человек, что означает почти трехкратный рост по сравнению с 1960 г. (75 млн человек) [UN 2009]. При этом общая численность международных мигрантов, занятых на рынках труда стран пребывания, составляет, по оценке МОТ, почти 100 млн человек, или 3 % от мировой рабочей силы¹. В Западной Европе, например, лица, родившиеся за рубежом, составляют в среднем 10 % рабочей силы [ИОМ 2008].

Следует указать, что приведенные выше официальные данные по международной трудовой миграции далеко не полностью отражают ее действительные масштабы. В частности, официальная статистика не включает в категорию трудовых мигрантов иностранных студентов и стажеров, так называемых «приграничных рабочих»², международных туристов, часть которых использует туристическую визу лишь для въезда в другую страну и незаконного трудоустройства там. Миграционной статистикой также не учитываются незарегистрированные мигранты, при том что целью таких мигрантов, как правило, является трудоустройство в стране назначения.

По признанию экспертов той же Международной организации труда, «на практике каждый международный мигрант – это потенциальный работник» [Билсбороу и др. 1999: 49].

Таким образом, участие в той или иной форме в мировом рынке труда – через участие в международной трудовой миграции – стало нормой для подавляющего большинства стран мира. При этом если еще 20 лет назад специалисты четко классифицировали страны по их участию в международной трудовой миграции как 1) страны приема и 2) страны выезда, то сейчас эти границы стали менее определенными. Опыт многих государств доказывает, что все большее число стран вовлечены в миграционное движение одновременно и как страны приема, и как страны выезда. Причем именно такая форма участия государства в мировом рынке труда считается наиболее эффективной [Рязанцев, Ткаченко 2010; De Naas 2008]. Если в 1970 г. число стран, одновременно экспортирующих и импортирующих рабочую силу, составляло 4, в 1990 г. – 15, то в 2008 г. – уже 25 [ИЛО 2009].

Глобализация, «подгоняющая» движение миграционных потоков под изменяющиеся потребности мирового рынка труда, трансформирует качественную структуру потоков международной миграции. Здесь можно выделить несколько тенденций.

¹ Международная организация труда определяет совокупную численность мировой рабочей силы как численность мирового населения в возрасте старше 15 лет, которое имеет работу или находится в ее поиске [ИЛО 2010].

² «Приграничные рабочие» (рабочие-фронтальеры) определяются Международной организацией по миграции как лица, которые работают в другой стране, продолжая при этом жить в своей стране, и ежедневно (или еженедельно) пересекают границу, чтобы попасть на работу и вернуться домой.

Первое: ускоренный рост *временной* трудовой миграции. В течение 2000-х гг. в развитых государствах мира число временных трудящихся-мигрантов росло на 7–8 % ежегодно [ИОМ 2008]. Глобализация мирового рынка труда требует большей гибкости миграционного поведения, которую как раз и может гарантировать временная трудовая миграция. Привлечение иностранных работников на временной основе также соответствует целям миграционной политики развитых государств, которые, собственно, и составляют «глобализационную элиту» и во многом определяют условия, на которых прочие страны участвуют в процессах глобализации.

Второе: концентрация спроса мирового рынка труда на *двух квалификационных полюсах*: на работников низкой квалификации и самой высокой квалификации. Прежде всего это непрестижные рабочие места, не требующие высокой квалификации, с тяжелыми условиями труда и низкой заработной платой – подсобные работы в строительстве, сельском хозяйстве и на производстве, а также в сфере общественного сервиса и домашних услуг. Коренные жители развитых стран отвергают эти виды работ, так что они фактически оказались «закреплены» за мигрантами.

Одновременно развитые страны покрывают за счет мигрантов постоянно растущий спрос на работников современных профессий, требующих высокой квалификации: ученых, высших менеджеров, инженеров, разработчиков информационных технологий и т. д. На эту категорию мигрантов направлена стимулирующая миграционная политика большинства стран. Именно этот сектор мирового рынка труда отличается наиболее жесткой конкуренцией между странами-работодателями.

Третье: изменение *гендерных* характеристик трудовых мигрантов. В настоящее время женщины составляют не менее 50 % «самостоятельных» трудовых мигрантов. Во многом это связано со структурными изменениями в мировой экономике. Развитие таких отраслей, как «экономика домашних услуг» (гувернантки, домработницы), «экономика развлечений» (танцовщицы в ресторанах, участницы шоу-программ), «экономика заботы» (няни, сиделки для престарелых, социальные работники), «экономика гостеприимства» (персонал гостиниц, баров, казино), сформировало постоянно растущую потребность в женщинах-мигрантах, занятых в сфере сервиса. Широкой сферой занятости для женщин является сексуальный и «околосексуальный» бизнес: проституция, стриптиз-шоу, консумация, массаж и т. п. Эти сферы маргинальной, по сути, занятости и представляют основные миграционные возможности для женщин [Тюрюканова 2002: 72]. Таким образом, феминизация миграционных потоков, став характерной чертой современного этапа развития международной трудовой миграции, одновременно означает тенденцию к маргинализации больших групп мигрантов на мировом рынке труда и ставит проблему защиты прав трудовых мигрантов в ряд приоритетных задач национальных и международных институтов, занимающихся миграцией.

В последние годы усилился интерес стран-доноров к тем возможностям, которые предоставляет им участие в международной трудовой миграции. Возможность доступа к рынкам труда других государств для части их относительно избыточного населения не только сокращает безработицу на национальных рынках труда, но и обеспечивает социальную стабильность и дает дополнительные ресур-

сы для экономического развития стран выезда. Экспортируя трудовые ресурсы, эти страны обеспечивают возвратные финансовые потоки в виде денежных переводов мигрантов. Масштаб мигрантских переводов в последние годы существенно возрос. В период между 2000 и 2008 гг. ежегодный прирост объема глобальных денежных переводов составлял 18 % [World... 2010]. В 2008 г. совокупный объем денежных переводов мигрантов в мире превысил 330 млрд долларов, превратившись для многих стран-получателей в важный источник средств существования их жителей. Значение денежных переводов для стран выезда не ограничивается улучшением условий жизни мигрантских домохозяйств; они превращаются в средство улучшения макропоказателей финансового положения стран и выступают как инвестиционный ресурс развития бизнеса.

Таким образом, в начале XXI в. международная трудовая миграция воспринимается не просто как инструмент реализации мирового рынка труда. Она эффективно превратилась в структурный элемент глобальной экономики, дополнив присущую глобализации взаимозависимость государств новой формой взаимозависимости – миграционной. И для стран, импортирующих трудовые ресурсы, и для стран, экспортирующих их, международная трудовая миграция превратилась в необходимый, во многом безальтернативный ресурс, обеспечивающий их экономическое развитие [подробнее см.: Ивахнюк 2008]. Именно миграционная взаимозависимость определяет нынешние взаимоотношения государств в сфере управления трудовой миграцией. Именно миграционная взаимозависимость превратила трудовую миграцию в объект активного межгосударственного сотрудничества и перевела основные усилия по упорядочению трудовой миграции с национального уровня на межнациональный – двусторонний, региональный, глобальный. Именно миграционная взаимозависимость стимулирует страны мира к поиску взаимоприемлемых инструментов на международном уровне, которые позволили бы придать миграционным потокам более упорядоченный характер и обеспечить тем самым эффективное использование потенциала трудовой миграции для стран приема, стран выезда, а также для самих мигрантов (см., например: [ILO 2010; Global... 2011]).

Вызовы глобального кризиса

Воздействие глобального экономического кризиса, начавшегося в 2008 г., на международную миграцию населения оценивается экспертами как наиболее глубокое и наиболее глобальное по сравнению с какими бы то ни было другими экономическими катаклизмами в период после Второй мировой войны [Fix *et al.* 2009; ILO 2009]. Кризис оказал влияние на масштабы миграции, прежде всего трудовой, на ее направления, объемы миграционных переводов, уровень благосостояния мигрантов и их семей и одновременно спровоцировал всплеск ксенофобии. Вопреки предсказаниям большинство мигрантов, даже потеряв работу, предпочли не возвращаться на родину, а остаться в стране своего пребывания в расчете хоть на какой-то доход и относительно быстрое восстановление баланса рынка труда. Глобальный по характеру, нынешний кризис не дал мигрантам альтернативных вариантов поиска работы в других странах, как это было, скажем, во время Азиатского кризиса 1997–1998 гг., когда в ответ на кризис сформировались потоки мигрантов из пострадавших от кризиса стран в те, которых кризис не коснулся [Martin 2009].

В результате кризиса заметно сократился объем денежных переводов мигрантов. В течение двух докризисных десятилетий совокупные потоки денежных переводов мигрантов из развитых стран в развивающиеся выросли с 31 млрд долларов в 1990 г. до 77 млрд долларов в 2000 г. и до 336 млрд долларов в 2008 г.: более чем в 10 раз в течение 18 лет! Мигрантские переводы превратились в один из крупнейших глобальных финансовых потоков. Однако в 2009 г. они сократились до 316 млрд долларов, то есть более чем на 6 % [World... 2008; MPI 2010]. Тем не менее денежные переводы мигрантов на родину остались важнейшим и – что немаловажно – относительно устойчивым источником поступления финансовых средств для стран происхождения, поскольку другие источники – займы, частные иностранные инвестиции, официальная помощь развитию – сократились в более значительной степени.

Замораживание инвестиционных проектов, намеченных для осуществления в менее развитых странах, которые в большинстве своем являются и странами происхождения мигрантов, оказало крайне негативное влияние на состояние их рынка труда. Лишенные перспективы получения работы на родине, граждане менее развитых стран оказались вынужденными искать работу за рубежом, даже на самых невыгодных для себя условиях, чаще всего в обход официальных каналов, с риском для жизни и здоровья.

Во время кризиса мигранты проявили большую способность адаптироваться к ухудшающейся ситуации на рынке труда, чем местные жители. Они готовы к понижению заработной платы, своего социального статуса и ухудшению условий труда, поскольку альтернатива возвращения на родину, где ситуация на рынке труда еще более безнадежна, делает мигрантов максимально гибкими участниками мирового рынка труда.

Об этом свидетельствует следующая статистика. В США, где до кризиса *каждый шестой* работник на рынке труда был представлен мигрантом, во время кризиса среди вновь нанимаемых на работу мигрантом был *каждый второй*. Данные по Великобритании еще более показательны: в период кризиса *семь из десяти* вновь нанимаемых работников были мигрантами [Fix *et al.*: 2].

В то же время мигранты представляют собой наиболее уязвимую группу на рынке труда. Именно они были названы в качестве первых жертв в волне увольнений, начавшейся осенью 2008 г.; именно они были обвинены в росте безработицы среди местного населения, именно на них работодатели «отыгрались» распространившейся во время кризиса практикой невыплаты зарплат и ухудшением условий труда [ИОМ 2009]. Суммарная безработица в странах ОЭСР, по оценкам, выросла с 34 млн человек в 2008 г. до 42 млн человек в 2010 г. [Martin 2009]. В наибольшей степени кризис затронул строительную отрасль, где сконцентрированы 40 % от общего числа трудовых мигрантов в мире, причем в основном низкоквалифицированные работники. В США, например, из 3 миллионов работников с латиноамериканскими корнями (*Hispanics*), занятых в строительной отрасли, 2/3 являются мигрантами. Именно они составили подавляющее большинство из 300 тысяч строительных рабочих, потерявших работу в 2007–2009 гг. [*Ibid.*].

Большинство принимающих стран мира прибегли в 2008–2009 гг. к мерам, направленным на сокращение миграционного притока и стимулирование возвращения мигрантов на родину, с тем чтобы защитить национальный рынок труда и сохранить рабочие места для местных трудовых ресурсов. Механизмы приме-

нявшихся мер были многообразными. В большинстве случаев они отражали усилившуюся тенденцию протекционизма и были направлены на ужесточение условий въезда иностранцев и сокращение числа мигрантов в стране. В Австралии, Италии, Южной Корее, Испании, России в качестве «антикризисной меры» было предпринято сокращение квоты на привлечение иностранной рабочей силы. В Великобритании, Новой Зеландии и Австралии были сокращены списки дефицитных профессий, в соответствии с которыми определяется профессиональный состав въезжающих в страну иностранных работников. В США, Норвегии, Ирландии, Чехии, Австралии и Новой Зеландии пересмотрели процедуры найма рабочей силы, обеспечивая приоритетное право на получение работы для местных работников. В Испании, Чехии, Франции и Японии была применена практика прямых денежных выплат за согласие мигранта вернуться на родину и не возвращаться в течение определенного времени (*pay-to-go*) [Koser 2010].

Однако примечателен тот факт, что в период глобального кризиса, несмотря на рост антимигрантских настроений в обществе, многие государства продолжали «держат двери приоткрытыми» для мигрантов и даже вводили новые, более упрощенные правила для иностранных граждан. Так, Швейцария на состоявшемся в феврале 2009 г. референдуме одобрила политику открытых дверей для граждан стран ЕС. Швеция в декабре 2008 г. начала применять на практике новые правила, предоставляющие компаниям значительно больший маневр в том, что касается найма иностранцев. Чехия в 2009 г. ввела систему «гринкард» для мигрантов. Польша упростила процедуру привлечения иностранных работников, занятых на сезонных работах. В Люксембурге, Нидерландах и Норвегии разрешения на работу и на проживание в стране были объединены в единый документ [UN 2010].

Все это говорит о том, что использование миграционного ресурса воспринимается правительствами развитых стран как долгосрочная стратегия, обусловленная прежде всего старением населения и хроническим дефицитом национального рынка труда.

В то же время кризис убедил правительства принимающих стран пересмотреть распространенные ранее представления о том, что иностранная рабочая сила – это временный ресурс, который покрывает дефицит рынка труда в годы экономического подъема и может быть легко удален с рынка труда в период экономического спада. Оказалось, что эластичность этого сегмента рынка труда представлялась сильно преувеличенной: даже в условиях растущей безработицы иностранные работники остаются востребованными, так как граждане принимающих стран даже в условиях кризиса не соглашаются на большинство из тех видов работ, которыми занимаются мигранты.

Все это подтверждает тот факт, что рассмотренные выше тенденции международной трудовой миграции, которые характеризуют современный ее этап, имеют структурный характер и лишь в незначительной степени подвержены циклическим колебаниям [Awad 2009]. Это объясняется как общими демографическими факторами, такими как старение и сокращение численности населения почти во всех промышленно развитых странах, так и тем, что во многих странах собственные рабочие либо не обладают необходимой квалификацией, либо не хотят выполнять некоторые виды работ, где требуются неквалифицированные рабочие или работники низкой квалификации [ИОМ 2009].

Два проявления глобального кризиса заслуживают особого внимания.

Во-первых, это всплеск антимигрантских настроений в принимающих странах и связанный с этим рост социальной напряженности. В ответ на волну забастовок в Европейском союзе, направленных против найма иностранных работников, там даже поднимался вопрос о пересмотре законодательства ЕС относительно свободы передвижения рабочей силы на европейском пространстве [Gow 2009]. Это свидетельствует о том, что уровень толерантности принимающих обществ не столь высок, как об этом заявляют западные политики. Тем не менее ответственность за нарушенную кризисом социальную сплоченность была возложена на мигрантов, а применяемая в Европе и других странах мира модель политики мультикультурализма была признана, по определению канцлера Германии Ангелы Меркель, «однозначно провалившейся» [Sinico, Kuebler 2010].

Во-вторых, ужесточение миграционного законодательства в большинстве принимающих стран в качестве «антикризисной меры» неизбежно провоцирует рост нелегальной миграции и нерегистрируемого трудоустройства, особенно в условиях, когда экономическая ситуация ухудшается повсеместно в мире и особенно – в менее развитых государствах, откуда мигранты и приезжают. Так, по оценке экспертов, в ответ на ужесточение правил получения разрешений на работу для граждан стран СНГ и сокращение квоты на 2009 г. нелегальная составляющая миграции в Россию существенно увеличилась [Чудиновских 2009]³. Следствием этого являются многочисленные нарушения прав мигрантов, ухудшение условий их труда и усиление эксплуатации. За счет нелегальных мигрантов, обеспечивающих незаконную экономию на фонде заработной платы, во многих случаях решается вопрос конкурентоспособности бизнеса в период кризиса. Однако на деле это оборачивается разрастанием сферы теневых отношений на рынке труда, пренебрежением к закону, ростом недобросовестной конкуренции и общей деформацией сложившихся производственных отношений. Кроме того, рост нелегальной миграции девальвирует усилия государств, направленные на упорядочение трудовой миграции, и наносит ущерб интересам национальной безопасности.

Особая опасность двух упомянутых тенденций связана с тем, что они являются не только следствиями глобального кризиса, но также выступают дополнительными дестабилизаторами развития, действие которых будет проявляться и в посткризисный период. Кроме того, именно рост антимигрантских настроений в обществе и опасность увеличения масштабов нелегальной миграции провоцируют правительства к импульсивным популистским мерам, направленным на ужесточение политики в отношении иностранных работников. В результате миграционная политика теряет свою логику, предсказуемость и долгосрочность, что дезориентирует и общество принимающих стран, и мигрантов.

Кризис однозначно проявил растущую взаимозависимость стран мира и подчеркнул важность согласованных межгосударственных действий в условиях рецессии, в том числе в вопросах, связанных с трудовой миграцией. Попытки отгородиться от ставших общеглобальными проблем протекционистскими мерами на деле могут привести к общей дестабилизации в мире или в отдельных регионах.

³ Следует отметить, что в США отмечалась противоположная тенденция – заметное сокращение попыток нелегального пересечения границы в течение 2009 г., что объясняют ухудшением ситуации на рынке труда в стране (это сделало ее менее привлекательной для потенциальных мигрантов), а также усилением пограничного контроля и прочих противодействующих нелегальной миграции мер [Fix *et al.* 2009: 19–20].

Массовая депортация трудящихся-мигрантов чревата резким сокращением доходов их семей, маргинализацией значительных по численности групп населения, угрозой социального взрыва в странах происхождения, что может обернуться новыми потоками беженцев.

Этим, в частности, объясняется то, что российские миграционные власти в период кризиса не прибегли к практике массовых депортаций нелегальных мигрантов, с тем чтобы не лишить возможности граждан стран – партнеров по СНГ возможности «переждать» кризис в России и поддержать свои семьи на родине хоть какими-то денежными переводами. Как показало время, эта практика оправдала себя: социального взрыва в странах СНГ удалось избежать, несмотря на то, что ухудшение экономической ситуации во всех странах региона было существенным, а миграционные связи между Россией и ее основными миграционными партнерами удалось сохранить [см. подробнее: Ивахнюк 2009].

Международная система управления миграцией – требование времени

Признание международной миграции в качестве одного из важнейших проявлений современной глобализации мало что дает в плане совершенствования глобального миропорядка, если это признание не сопровождается новым пониманием принципов управления миграционными процессами. Развернувшийся в последние годы глобальный диалог о международной миграции как важном ресурсе развития, причем как для стран, принимающих мигрантов, так и для стран их происхождения, представляет миграцию как взаимовыгодный процесс, в котором не могут быть не заинтересованы обе группы стран. Отсюда делается вывод о том, что в решении вопросов управления миграцией на межгосударственном уровне все страны – и более развитые (импортеры трудовых ресурсов), и менее развитые (экспортеры трудовых ресурсов) – выступают как равноправные партнеры.

Скептики утверждают: посылы такого рода – это не более чем лицемерная «упаковка» для реально действующей уже несколько десятилетий практики целенаправленного сманивания квалифицированных трудовых ресурсов более развитыми странами из менее развитых. Особенно цинично взаимовыгодность процесса международной миграции звучит в приложении к миграции высококвалифицированных кадров, когда понятие «утечка умов» (*brain drain*) подменяется понятиями «обмен умами» (*brain exchange*) или «циркуляция умов» (*brain circulation*) [Эпплеярд 2002; Findlay 2001; Iredale 2001; Martin 2003; Regets 2007]. На самом деле стареющие страны Европы отчаянно нуждаются в притоке дополнительной рабочей силы и готовы в обмен поделиться с иностранными работниками частью созданной ими системы социального обеспечения. Приток квалифицированных и высококвалифицированных мигрантов особенно желателен, так как позволяет экономить на подготовке специалистов внутри страны и повышает конкурентоспособность экономики [Ионцев, Могилат 2010]. Рост объемов денежных переводов мигрантов послужил удобным аргументом в пользу того, что страны происхождения тоже получают свою выгоду от международной миграции, хотя на деле эта выгода несопоставима с преимуществами, которыми развитые страны обеспечивают себя за счет привлечения трудовых мигрантов. Ну а рассуждения об уважении прав мигрантов развитые страны, для которых привычна демократическая риторика, «скармливают» развивающимся для того, чтобы видимость равноправного

диалога была еще более убедительной. На самом деле права мигрантов не просто ограничены, но и не соблюдаются, что превращает их в одну из наиболее уязвимых групп населения [Arango 2000]. Именно мигранты становятся первыми жертвами экономических потрясений, и за их счет правительства и работодатели в развитых странах стремятся решить вопросы сохранения конкурентоспособности бизнеса. Последний экономический кризис показал это со всей очевидностью.

Такие аргументы имеют под собой известные основания, но не отрицают необходимости укрепления межгосударственного сотрудничества в деле управления трудовой миграцией. Действительно, во время кризиса мигранты оказываются первыми среди тех, кто теряет работу. Да и в отсутствие кризиса мигранты зачастую являются объектом дискриминации и, даже пребывая в стране на абсолютно законных основаниях, сталкиваются с неравенством в условиях и оплате труда, степени социальной защищенности, юридических правах. Не говоря уже о нелегальных мигрантах, которые подвергаются эксплуатации и повседневному риску унижения и насилия. Эти негативные явления, сопровождающие международную трудовую миграцию в современном мире, как раз и могут быть предметом межгосударственного сотрудничества в деле управления миграцией, применения соответствующих международных конвенций, двусторонних и многосторонних региональных соглашений, международных стандартов занятости и т. д.

Совершенно очевидно, что существующие международно-правовые инструменты, предназначенные для того, чтобы быть основой согласованного межгосударственного управления миграцией, требуют конкретизации. Так, общая и обязательная для всех государств – членов ООН антидискриминационная норма международного права, утверждающая необходимость уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии (Статья 1 Устава ООН), не может быть в полной мере реализована в условиях преобладающего не только в политической, но и общественной среде признания необходимости ограничения прав и свобод человека, не являющегося гражданином той или иной страны.

Другой пример. В современном мире право каждого человека покинуть любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну (Всеобщая декларация прав человека, Статья 13, п. 2) не сопровождается зеркальным правом въезда в любую страну, поскольку это право регулируется национальным законодательством страны въезда, что фактически противоречит реализации принципа свободы передвижения. В то же время концепция «миграция без границ» [Миграция... 2009] пока не находит широкой поддержки.

Степень открытости миграционной политики государств формируется под влиянием множества факторов, среди которых доминирующими остаются интересы обеспечения национальной безопасности. Достаточно упомянуть пример США – страны, созданной мигрантами. Не так давно по инициативе президента Дж. Буша-младшего там был принят закон о строительстве тысячекилометровой стены на границе с Мексикой, которая, по словам экс-президента США, должна стать «эталонной» границы XXI в. [Куклина 2010].

Вообще говоря, в управлении миграцией неизбежно сталкиваются три конкурирующие друг с другом цели: 1) экономика; 2) безопасность; 3) права человека. Первая цель подразумевает приоритет экономических интересов страны, вторая

ставит во главу угла соображения национальной безопасности, а третья означает гуманитарный подход, основанный на равенстве и уважении прав человека.

Понятно, что политика в отношении международной *трудовой* миграции (в отличие от, скажем, политики в отношении беженцев) всегда подразумевает приоритет экономических соображений, как и сама трудовая миграция является по сути формой экономической миграции. В определенные исторические периоды и в определенных странах экономические соображения в миграционной политике были абсолютно доминирующими (например, политика западноевропейских стран в 1950–1960-х гг., направленная на стимулирование притока гастарбайтеров, необходимых для восстановления разрушенной войной европейской экономики, как, собственно, и ужесточение политики в отношении трудовых мигрантов в тех же странах в период кризиса 1973 г.). В другие периоды верх брали соображения национальной безопасности, и тогда происходило ужесточение миграционной политики (наиболее яркий пример – ужесточение миграционной политики большинством государств как реакция на события 11 сентября 2001 г. в США; в известной мере они коснулись и трудовой миграции). Третья цель – права человека – реализуется преимущественно на национальном уровне в контексте политики интеграции мигрантов.

В последнее десятилетие формируется тенденция кардинального перелома в подходе к управлению трудовой миграцией. Она прослеживается в первую очередь в деятельности глобальных институтов – Глобального форума по миграции и развитию (GFMD), Глобальной миграционной группы (GMG), Международной организации по миграции (ИОМ), Международной организации труда (ИЛО).

Сейчас существует несколько предложений по радикальному пересмотру принципов и институционального обеспечения управления трудовой миграцией в глобальном масштабе. Глобальная комиссия по международной миграции выступила с инициативой создания Глобального агентства по экономической миграции в рамках ООН [GCIM 2005]. Профессор Колумбийского университета и номинант на Нобелевскую премию по экономике Я. Бхагвати уже в течение многих лет настойчиво призывает к созданию Мировой миграционной организации [Bhagwati 2003]. Менее формализованную глобальную структуру проектирует специально созданная исследовательская группа в Оксфордском университете [Global... 2011].

Суть нового понимания возможностей совместных действий государств в целях упорядочения международной трудовой миграции заключается прежде всего в усилении акцента на межгосударственных инструментах, координирующих деятельность участвующих в миграции стран. В отношении беженцев, например, уже давно существует устоявшийся международный порядок, регулирующий деятельность государств, столкнувшихся с притоком беженцев. В отношении трудовой миграции такого порядка нет.

Второй важный элемент нового подхода к управлению трудовой миграцией – это положенные в его основу права человека как общепризнанный принцип международного гуманитарного сотрудничества. Иными словами, предлагается вышеупомянутую третью цель миграционной политики – права человека – переместить с национального уровня ее осуществления на международный уровень и сделать ее опорой всей конструкции межгосударственного сотрудничества в сфере трудовой миграции.

Возвращаясь к упомянутой в начале этой работы статье Патрика Тарана, излагающего точку зрения Международной организации труда на возможности применения подхода, основанного на уважении прав человека, в качестве основы межгосударственного сотрудничества в миграционной сфере, следует подчеркнуть, что основная идея такого подхода – снижение риска эксплуатации людей, которые чаще всего *вынуждены* искать работу вне границ своей собственной страны, поскольку родина на нынешнем этапе своего развития не может обеспечить им занятость и заработок [Таран 2010: 69].

В этом подходе нет лицемерных заявлений о взаимной выгоде; скорее, речь идет о росте миграционной взаимозависимости государств, которая изменяет ценность международной миграции как таковой и призывает к формированию новых, отвечающих интересам как стран приема, так и стран выезда, принципов разработки и реализации миграционной политики на межгосударственном уровне. Известно, что интересы этих двух групп стран объективно не совпадают.

Принимающие мигрантов страны выстраивают свою миграционную политику на основе прагматического принципа селективности, при этом декларируя обеспечение прав тех мигрантов, которые получают разрешение на проживание и работу в стране. На то, чтобы допущенные в страну мигранты оказались частью принявшего их общества, нацелена система мер политики интеграции: изучение мигрантами языка, законодательства и истории страны пребывания, получение информационных и консультационных услуг, возможности профессионального обучения, охват мероприятиями совместного проведения досуга и т. д.

Прагматизм проявляется и в позиции стран выезда мигрантов. При этом следует отметить, что в отличие от принимающих государств, где миграционная политика насчитывает уже не менее 4–5 десятилетий, страны выезда стали осуществлять политику в области экспорта трудовых ресурсов (за редким исключением типа Филиппин и Пакистана) не далее как 10–15 лет назад. Именно тогда в мире были осознаны масштаб и роль денежных переводов мигрантов для поддержания материального благосостояния их семей, оставшихся на родине, смягчения проблемы бедности в менее развитых странах и поддержания там социальной стабильности. В последние годы стремление стран выезда участвовать в международном диалоге о миграции проявилось наиболее отчетливо: если в первой конференции Глобального форума по миграции и развитию в Брюсселе в 2007 г. участвовали 59 государств, которые являются странами происхождения мигрантов, то в последней конференции ГФМР в Мексике в 2010 г. таких стран-участниц было уже 85.

Закономерно, что подход к управлению международной трудовой миграцией, основанный на правах человека, родился в Европе. Именно старые европейские демократии, как никто другой, последовательно отстаивают принцип уважения прав человека в качестве основы внутренней политики и межгосударственного гуманитарного сотрудничества.

Тем не менее нельзя не заметить, что не во всех принимающих мигрантов странах такой подход воспринимается с пониманием. Например, в нефтедобывающих государствах Персидского залива, где отмечаются самые высокие в мире показатели доли иностранцев в общей численности рабочей силы (62 % – в Бахрейне, 82 % – в Кувейте, 64 % – в Омане, 82 % – в Катаре, 56 % – в Саудовской

Аравии, 90 % – в ОАЭ) и экономика практически полностью зависит от присутствия трудящихся-мигрантов, миграционный приток жестко регламентирован государством и права трудовых мигрантов ограничены. Так, ни одна из стран Персидского залива не признает права на воссоединение семей, не допускает пребывания в стране иностранных граждан без наличия работы, не предоставляет трудовым мигрантам права на социальные гарантии, медицинское обслуживание, жилье, образование, не признает права мигрантов на убежище. Во всех рассматриваемых государствах мигранты могут быть высланы из страны лишь по административному решению. Большинство стран региона не допускает натурализации иностранцев, в том числе граждан соседних арабских стран.

При всем этом регион Персидского залива является одним из наиболее притягательных для мигрантов: там сконцентрировано до 15 % от общего количества трудовых мигрантов в мире. В том числе там трудятся порядка 300 тыс. трудовых мигрантов из Европы, преимущественно занятых квалифицированным трудом в строительной, телекоммуникационной, медицинской и финансовой отраслях [Schah 2008]. Отсутствие должного по европейским меркам внимания к правам мигрантов не является для них препятствием для трудоустройства в странах этого региона, как, впрочем, и для миллионов трудовых мигрантов из стран Азии.

Тот факт, что подход, основанный на правах человека, не получает признания в качестве универсальной модели миграционной политики, подтверждается также низким интересом развитых стран к подключению к Международной конвенции 1990 г. о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей. Среди 42 государств, ратифицировавших Конвенцию к концу 2010 г., и еще 16 государств, подписавших, но не ратифицировавших ее, есть только четыре европейские страны – Албания, Сербия, Турция, Черногория, которые не входят (кроме Турции) в число государств, принимающих трудовых мигрантов.

Основная причина уклонения развитыми государствами – импортерами трудовых ресурсов от подписания Конвенции 1990 г. заключается в том, что именно на них возлагается обеспечение полного спектра прав трудящихся-мигрантов в одностороннем порядке. Подписание и ратификация Конвенции странами-донорами практически не влечет за собой никаких обязательств с их стороны. Причем если такие гарантии мигрантам, как неотложная медицинская помощь, право на защиту в суде, право на владение имуществом, право детей мигрантов на образование, запрещение коллективной высылки, не вызывают сомнений со стороны принимающих государств, то реализация равных с национальными работниками прав на трудоустройство, жилищное обеспечение и социальную защиту является, по их мнению, слишком серьезным *односторонним* обязательством. Скажем, в России, где неразвитость рынка доступного жилья является важным ограничителем внутренней миграции населения, принятие государством на себя обязательств обеспечить иностранных работников адекватными жилищными условиями вызвало бы несомненный протест со стороны российских граждан, которые сами зачастую не могут реализовать свое право на жилье.

За 20 лет, прошедших с момента разработки Международной конвенции 1990 г., подход к управлению миграцией претерпел существенные изменения. Растущий интерес стран-доноров к участию в процессах трудовой миграции и их готовность принимать участие в многосторонних усилиях по управлению мигра-

ционными процессами означают возможность перехода от *односторонней* модели реализации подхода, основанного на правах человека, которая была заложена в конвенциях ООН и МОТ, к *двусторонней*. Это означает, что не только страны-реципиенты возьмут на себя обязательства по обеспечению прав трудящихся-мигрантов, пребывающих на их территории (что предусматривают конвенции), но и страны-доноры возьмут на себя обязательства по обеспечению прав мигрантов на предотъездную правовую и профессиональную подготовку, трудоустройство и реинтеграцию по возвращении, беспрепятственному получению мигрантскими семьями денежных переводов из-за рубежа и т. д. Такая двусторонняя модель реализации подхода к управлению миграцией, основанного на правах человека, соответствует сущности миграционной взаимозависимости, характеризующей современный этап глобализации, и может в известной мере преодолеть несовершенство существующих международно-правовых инструментов.

Сейчас уже общепризнано, что миграция населения может выступать важным ресурсом развития – глобального, регионального, национального. Использование потенциала этого ресурса во многом зависит от того, какие меры управления к нему применяются. В настоящее время функцию регулирования миграционных процессов берут на себя помимо государства многие формальные и неформальные институты. Это частные агентства занятости, работодатели, использующие иностранную рабочую силу, ассоциации мигрантов, неформальные мигрантские сети, наконец, криминальные организации, специализирующиеся на организации нелегальной миграции и торговле людьми.

Государство фактически утратило свою монополию на управление миграцией. Одна из причин этого заключается в усилении тенденций глобализации, которая вообще сужает национальные возможности влиять на экономику и формировать политику, перенося акцент на наднациональный уровень. В том, что касается миграционной политики, в условиях глобализации узконациональная, односторонняя миграционная политика оказывается неэффективной и недальновидной. Скажем, жесткое ограничение миграционного притока или чрезмерное усложнение правил въезда, пребывания и трудоустройства может привести к росту незаконной миграции или очень скоро обернуться невозможностью покрыть дефицит кадров за счет привлеченных из-за рубежа, поскольку мировой рынок труда становится все более конкурентным. А ограничение прав граждан на временное трудоустройство за рубежом, скорее всего, приведет к безвозвратному оттоку населения.

В условиях взаимосвязанного, взаимозависимого мира управление трудовой миграцией непременно должно носить системный характер. Основной его принцип можно обозначить как «согласованную многосторонность». Во-первых, это означает формирование единых, принимаемых как странами въезда, так и странами выезда подходов к пониманию возможностей управления миграционными процессами. Важно, чтобы диалог о миграции велся на одном языке. Во-вторых, придание нового импульса межгосударственному сотрудничеству в миграционной сфере путем конкретизации международных норм и гармонизации национальных законодательств. В-третьих, построение двусторонней модели реализации прав человека как основы международного взаимодействия. В-четвертых, формирование новых акцентов в реализации согласованного управления мигра-

цией через достижение договоренностей с заинтересованными негосударственными институтами.

Принцип «согласованной многосторонности» может потребовать пересмотра ряда международно-правовых миграционных документов. Скажем, он не укладывается в существующие международные конвенции о трудящихся-мигрантах. Пересмотр конвенций в сторону усиления двустороннего подхода в обеспечении прав мигрантов мог бы повысить готовность принимающих стран к их подписанию и ратификации.

Сейчас, когда мир приходит в себя после глобального шока, который еще раз продемонстрировал степень его взаимозависимости, наступает подходящий момент для конструктивного пересмотра подходов к управлению трудовой миграцией и усилению ее системности. В общем контексте поиска новых инструментов формирования глобального экономического миропорядка, которым занято сейчас мировое сообщество, миграционная составляющая мировой экономики может и должна быть особым, самостоятельным объектом взаимодействия государств.

Литература

Билсборроу Р. Е., Хьюго Г., Обераи А. С., Злотник Х. Статистика международной миграции. Рекомендации по совершенствованию систем сбора данных. Международное бюро труда. М. : Academia (перевод с английского), 1999.

Ивахнюк И. В. Евразийская миграционная система: теория и политика. М. : Экономический факультет МГУ; МАКС Пресс, 2008.

Ивахнюк И. В. Влияние экономического кризиса на миграционные тенденции и миграционную политику в Российской Федерации и регионе Восточной Европы и Центральной Азии. Международная организация по миграции. Бюро МОМ в Москве. М., 2009.

Ионцев В., Могилат А. Современная «утечка умов»: взаимовыгодный обмен специалистами высокой квалификации или процесс, увеличивающий неравенство между странами? // Детерминанты международной миграции. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Вып. 23. М. : МАКС Пресс, 2010.

Куклина И. Н. Международный диалог по проблемам миграции: тенденции и перспективы // Миграционные процессы в странах Азии и Африки – опыт государственного регулирования. М. : ИМЭМО РАН, 2010. С. 53–67.

Миграции без границ. Эссе о свободном передвижении людей / под ред. А. Пеку, П. Гюштенер; пер. с фр. М. : ЮНЕСКО, 2009.

Рязанцев С. В., Ткаченко М. Ф. Мировой рынок труда и международная миграция. М. : Экономика, 2010.

Таран П. 2010. Глобализация и трудовая миграция: необходимость политики, основанной на правах человека // Век глобализации. 2010. № 1(5). С. 66–88.

Тюрюканова Е. В. Глобализация международной миграции: роль женщин // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / под ред. Е. Б. Мезенцева. М. : Русская панорама, 2002. С. 71–87.

Чудиновских О. С. К вопросу о возможном влиянии кризиса на международную миграцию в России. 2009 [Электронный ресурс] : URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0363/analit04.php>

Эпплеярд Р. Миграция квалифицированных кадров в глобализованном мире // Мир в зеркале международной миграции. Серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Вып. 10. М. : МАКС Пресс, 2002. С. 8–19.

Arango J. Explaining Migration: a Critical View. UNESCO/Oxford : Blackwell Publishers, 2000.

Awad I. The Global Economic Crisis and Migrant Workers: Impact and Response. Geneva : International Labor Organization, 2009.

Bhagwati J. N. Borders beyond control // Foreign Affairs (New York). 2003. Vol. 82. (January/February). P. 98–104.

De Haas H. Migration and Development: a Theoretical Perspective. International Migration Institute. University of Oxford. Working papers. Oxford, 2008.

Findlay A. M. International Migration and Globalisation: An Investigation of Migration Systems in Pacific Asia, with Particular Reference to Hong Kong // International Migration into the 21st Century / ed. by M. A. B. Siddique. Cheltenham : Edward Elgar, 2001.

GCIM. Migration in an Interconnected World: New Directions for Action. Report of the Global Commission on International Migration, 2005.

Global Migration Governance / ed. by A. Betts. Oxford : Oxford University Press, 2011.

Gow D. European commission rules out change to law on free movement of workers. Contested EU legislation lies at heart of wave of strikes against foreign employees across continent // The Guardian (U.K.). February 2, 2009.

ILO. Global Employment Trends Update. Geneva : International Labor Organization, 2009.

ILO. International Labour Migration: A Rights-Based Approach. Geneva : International Labour Organization, 2010.

IOM. World Migration Report 2008: Managing Labor Mobility in the Evolving Global Economy. Geneva, Switzerland : International Organization for Migration, 2008.

IOM. The Impact of the Global Crisis on Migration. The IOM Policy Brief. Memorandum N:1, 2009. January 12.

Iredale R. R. The Migration of Professionals: Theories and Typologies // International Migration. 2001. № 39(5).

Koser K. The Impact of the Global Financial Crisis on International Migration // The Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations. 2010. Vol. XI, No. 1. P. 13–20.

Martin P. Highly Skilled Labor Migration: Sharing the Benefits. Geneva : International Institute for Labour Studies, 2003.

Martin P. The Recession and Migration Alternative Scenarios. A Virtual Symposium, Migration and the Global Financial Crisis, organized by Stephen Castles and Mark Miller, February 2009 [Электронный ресурс] : URL: <http://www.age-of-migration.com/na/financialcrisis/updates/1c.pdf>

MPI. Fix M., Papademetriou D. G., Batalova J., Terrazas A., Yi-Ying Lin S., Mittelstadt, M. Migration and the Global Recession. Migration Policy Institute and BBC World Service. 2009. September.

MPI. The Global Remittances Guide. 2010 [Электронный ресурс] : URL: <http://www.migrationinformation.org/DataHub/remittances.cfm>

Regets M. Brain Circulation: The Complex National Effects of High-Skilled Migration // Workshop on the International Mobility of Researches. OECD Committee for Scientific and Technology Policy. Paris, March 28, 2007.

Sinico S., Kuebler M. Chancellor Merkel says German multiculturalism has 'utterly failed' // Deutsche Welle. 17 October, 2010 [Электронный ресурс] : URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,6118859,00.html>

Shah N. M. Recent Labor Immigration Policies in the Oil-Rich Gulf: How Effective Are They Likely To Be? Bangkok : ILO, 2008.

UN. 2009. Trends in International Migrant Stock: The 2008 Revision, UN Database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2008. New York : United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division.

UN. 2010. International Migration and Development. Report of the Secretary-General of the United Nations. A/65/203. 2 August 2010.

World Bank. Migration and Remittances Factbook. 2008.

World Bank. Migration and Development. Brief 12, 23 April, 2010.

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ИНДИИ И КИТАЯ

Саблин И. В.

магистрант Санкт-Петербургского государственного университета (направление «Международные отношения») и Гейдельбергского университета (направление «Глобальная история»).

E-mail: ivan.sablin@gmail.com

Статья посвящена международным аспектам экополитической проблематики в Китае и Индии. Рассматриваются вопросы влияния процессов глобализации на состояние окружающей среды и экологическую политику в указанных странах. Упоминается гипотеза «убежища для загрязнителей». Также уделяется внимание участию двух стран в международном сотрудничестве по вопросам решения глобальных проблем современности. В статье исследуются китайские и индийские философские концепции и дается оценка возможности принятия этими странами на себя глобальной экологической ответственности.

Ключевые слова: *Индия, Китай, экология, экологическая политика, окружающая среда, глобализация, международные отношения, политика.*

The article is devoted to the international aspects of ecopolitical problems in China and India. It explores globalization processes impact on environmental conditions and environmental policy in these states. It mentions the pollution haven hypothesis. It also pays attention to participation of these two countries in international cooperation for solving modern global problems. The article investigates Chinese and Indian philosophical conceptions, estimates possibilities for these states to take the global ecological responsibility.

Keywords: *India, China, ecological, environmental policy, environment, globalization, international relations, politics.*

Экологическим проблемам и экологической политике Индии и Китая посвящено множество исследований. Многие авторы, однако, концентрируются в основном на национальных проблемах двух стран, уделяя транснациональным и глобальным аспектам значительно меньше внимания. Процессы глобализации, транснациональные и глобальные экологические проблемы, а также международные отношения и мировая политика между тем оказывают существенное влияние как на состояние окружающей среды, так и на деятельность правительств. Действительно, большинство экологических проблем носят трансграничный характер,

а их решение требует совместных усилий государств. Кроме того, Китай и Индия, претендующие на мировое лидерство во многих сферах, в ближайшем будущем могут стать центральными игроками и на мировой эконополитической арене, что вкупе со значительными масштабами воздействия экономик этих стран на окружающую среду позволяет говорить о них как об экологических сверхдержавах [Рогожина 2009: 83].

В чем именно заключается влияние процессов глобализации на состояние окружающей среды и экологическую политику? Какой вклад в международные усилия по борьбе с глобальными экологическими проблемами вносят Индия и Китай? Станут ли эти страны глобальными лидерами – экологическими сверхдержавами – в смысле принятия на себя глобальной экологической ответственности? Попробуем ответить на эти вопросы в настоящей статье.

Состояние окружающей среды и экологическая политика в контексте глобализации

Процессы глобализации оказывают значительное влияние как на окружающую среду, так и на экологическую политику. Например, международная торговля может значительно ухудшить состояние окружающей среды в тех случаях, когда при ценообразовании не учитываются экологические издержки. Те страны, которые данные издержки игнорируют, получают сравнительные преимущества в экологически опасных видах деятельности, что часто ведет к соответствующей специализации и значительной деградации окружающей среды. Более того, государства могут даже снижать экологические стандарты, чтобы привлечь иностранный капитал. Также международная торговля может стимулировать сырьевой сектор экономики, а соответственно и чрезмерную добычу ресурсов для экспорта. Пренебрежение экологическими издержками дает конкурентные преимущества и в данном случае. Таким образом, в странах со слабым экологическим управлением, к которым относятся и Китай, и Индия, экономическая либерализация может приводить к ухудшению состояния окружающей среды [Sawhney Arana 2004: 1–4].

Благодаря реформам по либерализации экономики, которые были проведены в 1980-х гг. в Китае и в 1990-х гг. в Индии, оба государства на сегодняшний день являются важной частью мировой экономики. Так, в 2009 г. континентальный Китай занимал первое место в мире по экспорту товаров (9,6 % мирового экспорта) и второе место по импорту товаров (8 % мирового импорта). Хотя показатели Индии несколько скромнее (1,2 % мирового экспорта и 1,9 % мирового импорта), она все равно занимает высокие места по данным показателям – 22-е и 15-е соответственно. Что касается экспорта и импорта услуг, то здесь позиции обеих стран более близки. Китай занимает 5-е место (3,9 %) по экспорту и 4-е (5,1 %) по импорту, тогда как Индия – 12-е место по обоим показателям (2,6 % и 2,4 % соответственно) [Trade... n.d.]. Экспорт и импорт составляют также значительный процент ВВП обеих стран [World... n.d.].

В целом международная торговля приводит к изменениям окружающей среды посредством структурного, масштабного, технологического эффектов, а также эффекта продукта. Структурный эффект определяет специализацию и расположе-

ние производства. По сути, он не является положительным или отрицательным, так как в зависимости от экологической политики, которая определяет, кто несет экологические издержки, государство может специализироваться как на экспорте продукции относительно экологически безопасных производств и импорте продукции загрязняющих предприятий, так и наоборот. Эффект масштаба в основном негативно сказывается на окружающей среде вследствие большей абсолютной нагрузки на ее ресурсы при расширении хозяйственной деятельности. Технологический эффект рассматривается в качестве позитивного и заключается в том, что рост доходов населения увеличивает требования, предъявляемые к качеству окружающей среды, а следовательно, ведет к появлению более строгих экологических стандартов и внедрению более совершенных технологий. Эффект продукта зависит от моделей потребления и спроса, а потому обусловлен уровнем экологического сознания потребителей [Хань Сюй 2010; Sawhney Aparna 2004: 5].

Моделирование торговли между богатым Севером и бедным Югом показывает, что структурный и масштабный эффекты сказываются на состоянии окружающей среды в развивающихся странах, специализирующихся на экологически опасных производствах, крайне негативно, тогда как возможный положительный технологический эффект минимален. Кроме того, в ходе экономической либерализации растет общий уровень загрязнения, концентрирующегося в развивающихся странах [Copeland, Taylor 1994], превращающихся в «убежища для загрязнителей» (pollution haven). Гипотеза «убежища для загрязнителей», весьма популярная в китайском и индийском научном дискурсе, гласит, что экологически опасные производства имеют тенденции к миграции в развивающиеся страны со слабым экологическим управлением посредством прямых иностранных инвестиций. По результатам эмпирических исследований, однако, однозначно опровергнуть или подтвердить данную гипотезу не удалось [Фу Цзинянь 2009]. Так, китайские ученые, к примеру, выяснили, что загрязнение окружающей среды в Китае в значительной степени вызвано выбросами и отходами экспортно ориентированного производства пластиковых изделий, машин и оборудования, а также промышленных химикатов, и что гипотеза «убежища для загрязнителей» в полной мере справедлива для китайско-американских торговых отношений [Фу Цзинянь, Чжан Шаньшань 2011]. То, что большая часть инвестиций в Китае поступает в наиболее экологически опасные отрасли, подтверждают и российские ученые [Ушаков 2005: 82]. Их индийские коллеги, в свою очередь, отвергают справедливость данной гипотезы для Индии, утверждая, что рост загрязнения вследствие увеличения экспорта вдвое ниже его потенциального снижения в случае увеличения импорта, то есть фактически страна выигрывает от внешней торговли, а потому не может считаться «убежищем для загрязнителей» [Dietzenbacher, Kakali Mukhopadhyay 2007; Kakali Mukhopadhyay, Chakraborty Debesh 2005]. Между прямыми иностранными инвестициями и экологической политикой есть и обратная связь: в зависимости от уровня коррупции прямые иностранные инвестиции могут приводить к ослаблению экологического законодательства, а соответственно и к возникновению «убежищ для загрязнителей» [Cole *et al.* 2006].

Несмотря на то, что в научном мире нет единства в вопросе взаимоотношений иностранного капитала и состояния окружающей среды, многие исследователи все же согласны с тем, что экологический контроль над прямыми иностранными инвестициями в лице транснациональных корпораций необходим [Дин Хуаньфэн, Ли Пэйи 2010]. На практике, впрочем, экономические соображения чаще всего побеждают экологические: так, южнокорейская ТНК «Posco» получила разрешение Министерства окружающей среды и лесов Индии на вырубку леса и строительство в штате Орисса сталеплавильного комплекса, несмотря на многочисленные протесты общественности [Posco's... n.d.].

Не стоит, однако, рассматривать прямые иностранные инвестиции в исключительно негативном свете. Во-первых, без них труднодостижима основная задача китайского и индийского правительств – преодоление бедности. Во-вторых, эмпирические исследования Индии и Китая показывают, что далеко не все ТНК используют развивающиеся страны в качестве «убежища»: за последние два десятилетия в обеих странах был запущен ряд производств с самыми передовыми и экологически чистыми технологиями. Более того, экологический менеджмент становится актуальным и на старых предприятиях, так как все больше компаний заботятся о своем глобальном экологическом имидже [Рогожина 2009: 84; Ефременко 2008: 66; Ruud 2002]. Также нельзя не отметить и тот факт, что за последние годы в Китае существенно выросли объемы иностранных инвестиций в природоохранные проекты [Ушаков 2005: 84–85] и «зеленую промышленность» [Mol, Carter 2006: 164]. Наконец, необходимо упомянуть, что иностранные инвестиции в Китай и Индию привлекает в первую очередь низкая стоимость рабочей силы, а не слабость экологического регулирования [Шварц и др. 2009: 61].

Нельзя также забывать о том, что глобализация – это не только экономическая интеграция. Ее политические, информационные и культурные аспекты также имеют большое значение. Так, Индия и Китай подвергаются международному экономическому и политическому давлению, связанному с необходимостью соответствовать более высоким экологическим стандартам. Страны ОЭСР, в частности, требуют гармонизации экологических стандартов в торговле, так как опасаются, что более низкие стандарты дадут развивающимся странам конкурентные преимущества. Сенат США, к примеру, в 1991 г. ввел дополнительные пошлины на импорт товаров, произведенных по более низким экологическим стандартам, чем внутри страны. Впрочем, Китай и Индия и сами активно участвуют в коллективном принятии решений по актуальным вопросам, связанным с торговлей и состоянием окружающей среды, к примеру, в рамках Всемирной торговой организации. Другие международные организации и некоторые развитые государства помогают Индии и Китаю перейти к более устойчивым моделям развития, предоставляя финансовую и, в меньшей степени, технологическую помощь. Международные неправительственные организации также оказывают все большее влияние на экополитическую обстановку, хотя их роль в Китае пока не стоит переоценивать [Mol 2010: 390–391; Sawhney Ararna 2004: 3–8]. Влияют на экологическую политику двух государств и новые модели потребления в развитых странах: для того, чтобы сохранять свои позиции на иностранных рынках, Китай и Индия вы-

нуждены производить все больше качественных, не наносящих ущерба окружающей среде и здоровью людей товаров [Рогожина 2009: 84]. Все чаще китайские и индийские компании прибегают к международной сертификации ISO 14000 и 14001. Кроме того, под влиянием европейских и американских трендов формируются новые модели потребления и на внутреннем рынке. Спрос на программное обеспечение также способствует экономическому росту с минимальными последствиями для окружающей среды. Впрочем, не стоит переоценивать эти положительные тенденции: и Индии, и Китаю по-прежнему не хватает технологий и финансовых ресурсов для проведения эффективной экологической политики. Кроме того, большая часть экспортируемых Китаем товаров все еще вызывает беспокойство в развитых странах в связи с их низким качеством, а также в связи с неудовлетворительными условиями труда и негативными воздействиями на окружающую среду во время их производства [Аннаев 2010: 54–55; Mol 2010: 390–391; Sawhney Aparna 2004: 3–8].

Еще одним важным транснациональным аспектом экологической проблематики является международная торговля отходами: экспорт отходов в развивающиеся страны является на сегодняшний день самым выгодным способом их утилизации [Нодь и др. 2001: 171]. Так, в Китай для переработки ввозится значительное количество европейского мусора, в основном бумаги и пластика. Существующие методы и технологии, однако, оборачиваются для страны тяжелыми экологическими и социальными последствиями, включая загрязнение воздуха и воды, тяжелые условия труда, низкую заработную плату и высокую заболеваемость рабочих. Несмотря на существенные ограничения импорта перерабатываемых и полный запрет на импорт неперерабатываемых отходов, коррупция, а также физическая невозможность проверки всего импортируемого мусора делают проблему весьма актуальной [Chinese... n.d.; The UK's New... 2004]. Остро стоит проблема легального и нелегального импорта мусора и в Индии, где он также не перерабатывается должным образом [Tailor 2007: 29].

Особую опасность для окружающей среды представляет электронный мусор, экспортируемый в огромных объемах из развитых стран в Китай и Индию. Его грубая переработка оборачивается загрязнением воды и почвы тяжелыми металлами, кислотами и другими опасными веществами, серьезными проблемами со здоровьем у местного населения, а также появлением новых свалок [Shiyan Asheref 2008: 352; Leung *et al.* 2006]. Для решения проблемы в Индии рассматривается возможность полного запрета на импорт электронного мусора [Govt... 2010], однако здесь, как и в других случаях, приоритет отдается пока экономическим выгодам.

Экономическое развитие и деградация окружающей среды в Индии и Китае сказываются и на жителях других стран. Серьезной проблемой является трансграничный характер загрязнения воздуха: диоксид серы и оксиды азота, образующиеся при сгорании ископаемых видов топлива, могут находиться в атмосфере в течение нескольких дней и перемещаться на сотни и тысячи километров, прежде чем выпасть на землю в форме кислотных дождей [Naughton 2007: 495–496]. К сожалению, на данный момент фактически нет исследований, посвященных «импортируемому» загрязнению воздуха в беднейших странах Азии – сосе-

дах Индии и Китая. Нет информации и по влиянию Китая на состояние воздуха в России. Проблеме трансграничного загрязнения воды уделяется значительно больше внимания. Серьезное ежедневное загрязнение воды в реке Сунгари, притоке Амура, уже давно является для России актуальной проблемой [Ушаков 2005: 81], не говоря уже о последствиях катастрофы 2005 г., когда в Сунгари, а затем и в Амур попало огромное количество опасных химических веществ [Бирюлин 2006]. С «импортом» загрязненных вод Инда и Ганга, значительная часть бассейнов которых находится в Индии, вынуждены мириться Пакистан [Pakistan... n.d.] и Бангладеш [Pollution... n.d.]. Загрязнение вод Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей вызывает серьезную озабоченность у соседей Китая [So *et al.* 2004; Daisuke *et al.* 2004]. «Импорт» загрязнения актуален и для Китая. В качестве примера можно привести трансграничные последствия утечек на атомных электростанциях Японии в 2011 г. [Наша страна... б. г.].

Китай и Индия являются также крупными импортерами энергоносителей, оказывая тем самым влияние на мировые запасы природных ресурсов. Впрочем, вопрос добычи сырья за рубежом в гораздо большей степени актуален для КНР. Китайские добывающие компании сегодня работают во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки, оказывая тем самым негативное влияние на состояние окружающей среды в глобальном масштабе. Как уже упоминалось, Китай достиг заметных успехов в сохранении и восстановлении лесов на своей территории, однако масштабные легальные и нелегальные вырубki в Индонезии, Мьянме, России, Суринаме и некоторых африканских государствах способствуют быстрому уничтожению лесов в этих странах [Mol 2010: 390]. Исследований, сравнивающих увеличение лесного покрова в Китае и его уничтожение китайскими компаниями за пределами страны, к сожалению, нет. Можно, однако, предположить, что суммарный эффект в глобальном масштабе будет негативным.

Индия и Китай на глобальной экополитической арене

Для решения трансграничных и глобальных экологических проблем требуются совместные международные усилия. На сегодняшний день и Индия, и Китай являются участниками основных международных соглашений в области окружающей среды и развития, международных конференций, а также активно сотрудничают по вопросам окружающей среды и развития со многими государствами мира [Приходько и др. 2009]. Из примерно 300 многосторонних экологических соглашений, которые существуют на сегодняшний день, Индия подписала более 70-ти, а Китай – более 50-ти. К важнейшим соглашениям последнего времени, подписанным и ратифицированным обеими странами, можно отнести Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии 2000 г. [Картахенский протокол... б. г.] и Стокгольмскую конвенцию о стойких органических загрязнителях 2001 г. [Стокгольмская конвенция... б. г.] Обязательства, принятые на себя Индией и Китаем в рамках данных соглашений, оказали значительное долгосрочное влияние на внутреннюю экологическую политику. Кроме того, цели данных международных соглашений без участия крупнейших развивающихся стран были бы недостижимы. Похожим образом обстояла ситуация и с принятием Монреальского протокола по веществам, разрушающим

озоновый слой [Монреальский протокол... б. г.], который часто называется самым крупным успехом глобальной экологической политики: без участия Китая, мирового лидера по производству фреонов в начале 1990-х гг., данный договор оказался бы неэффективным [Mol 2010: 391; Mol, Carter 2006: 163–164; Sawhney Arama 2004: 17]. Нельзя, однако, забывать и о том, что во время международных переговоров о возможных ограничительных мерах экологического характера и Китай, и Индия нередко выступают против жестких регулятивных мер [Матвеева 2010: 154], что с учетом их все возрастающего влияния в мире дает мало поводов для оптимизма. Особенно хорошо это видно на примере наиболее актуальной сегодня в глобальном экополитическом дискурсе проблемы – проблемы изменения климата.

В последние несколько лет эта проблема стала одной из самых популярных и в национальных дискурсах Китая и Индии. Во многих публикациях, выступлениях и документах по всему миру климатические изменения, связываемые с выбросами парниковых газов (прежде всего углекислого газа), все чаще ассоциируются с экономическим развитием Китая и Индии: КНР в настоящий момент занимает первое место по объемам выбросов углекислого газа, а РИ – третье [World... n.d.]. В рамках Киотского протокола развивающиеся страны, в том числе Индия и Китай, никаких обязательств по сокращению выбросов на себя не взяли [Киотский протокол... б. г.], однако очевидно, что международные усилия по сокращению парниковых выбросов в посткиотский период без участия Индии и Китая окажутся тщетными. Между тем ни в Копенгагене в 2009 г., ни в Канкуне в 2010 г. никаких значимых успехов по созданию нового глобального режима борьбы с глобальными изменениями климата достичь не удалось. Политики и общественность в Китае, Индии и других развивающихся странах справедливо отмечают, что нынешние глобальные экологические проблемы являются в первую очередь результатом развития стран Севера, а потому жители стран Юга не должны отказываться от развития в пользу благополучия жителей богатых стран. Действительно, уровень потребления, производства отходов [Naughton 2007: 496; Tailor 2007: 76] и парниковых выбросов на душу населения в Индии и Китае значительно меньше, чем в развитых странах [World... n.d.]. Некоторые индийские общественные деятели открыто обвиняют развитые страны в нынешнем экологическом кризисе [Чтобы помочь... б. г.]. Другие заявляют, что изменениями климата жителей Индии, которым знакомы постоянные засухи и голод, не напугать [Tailor 2007: 87]. Китайские политики, отказывающиеся от обязательств по ограничению выбросов парниковых газов, утверждают, ссылаясь на экологическую кривую Кузнецца, что вместе с развитием сократятся и выбросы [Naughton 2007: 496].

Впрочем, большая часть научного сообщества и политического истеблишмента обеих стран все же признает необходимость глобального сокращения выбросов в целях борьбы с изменениями климата, чреватými непредсказуемыми последствиями как для человека, так и для других живых существ [Kumari Veena, Birin Bihari Lal 2010]. Для того чтобы добиться успехов в данном направлении, необходимо в первую очередь совершенствовать технологии, повышать энергоэффективность, снижать зависимость от углеводородов [Пискулова 2010: 30]. Без технологического и финансового участия развитых стран, а также без широкого

применения экономических инструментов в глобальном регулировании это, однако, труднодостижимо [Ван Лидун, Дун Яжун 2010; Saluja Dimple 2008]. Страны Севера должны признавать право стран Юга на развитие, а борьба с бедностью должна быть не менее приоритетной задачей, чем борьба с глобальными экологическими проблемами [Haron, Rashid 2007].

В качестве еще одного средства борьбы с изменением климата учеными и общественностью обеих стран предлагаются масштабные лесопосадки, которые также могут помочь и в решении социально-экономических проблем [Кэ Шуйфа и др. 2010]. Не стоит, однако, думать, что лесопосадки являются панацеей против всех экологических проблем, как это видится многим представителям индийской общественности [Для защиты... б. г.]. Данная мера будет эффективна лишь в контексте комплексного подхода к проблеме.

Подобные подходы характерны в основном для китайского научного дискурса. Так, согласно мнению китайских ученых, для решения такой сложной задачи, как снижение выбросов углекислого газа, в условиях необходимости дальнейшего увеличения ВВП на душу населения и преимущественно угольной энергетики нужен постепенный переход к «зеленому развитию», низкоуглеродистой «круговой экономике», экологически чистому производству и потреблению [Пин Чжицзюнь, Чжоу Жун 2010]. Последний момент представляется наиболее актуальным, так как объемы выбросов углекислого газа обусловлены в значительной степени именно моделями потребления [Ян Сюаньмэй и др. 2010]. От того, какие модели потребления выберут граждане Индии и Китая, во многом зависит будущее всего мира.

Глобальные экологические проблемы неотделимы от мировоззрения жителей Земли, каждый третий из которых сегодня является китайцем или индийцем, а потому не может не радовать тот факт, что в обеих странах есть значимые философские экологические концепции. Как уже упоминалось, в Индии достаточно часто обращаются к традиционной этике. Еще чаще, однако, ученые и политики обращаются к идеям Махатмы Ганди. Так, во многих текстах цитируется его высказывание о том, что «Земли достаточно для того, чтобы удовлетворить нужды каждого, но ее недостаточно для удовлетворения жадности каждого» [Tailor 2007: 167]. Некоторые авторы обращаются к другой истории. Британец, покидающий Индию, спросил с сарказмом у Ганди: «Господин Ганди, сколько, по Вашему мнению, времени потребуется Индии, чтобы достичь уровня жизни британцев?» Ответ не заставил себя ждать: «Сэр, для того, чтобы британцы смогли достичь этого уровня, потребовалось больше половины всех ресурсов Земли. Сколько же планет нужно для того, чтобы Индия, с ее размерами и населением, достигла такого уровня жизни?» [Sudhakara 2008: 77] Таким образом, ограниченность ресурсов и невозможность повторения пути развитых стран достаточно ясно осознаются многими представителями индийского общества.

В китайском научном и общественно-политическом дискурсе, в свою очередь, весьма популярна концепция «Третьей цивилизации». По мнению ее авторов, Китай был значительной частью первой – сельскохозяйственной – цивилизации, однако шанс сыграть важную роль в становлении второй – индустриальной –

цивилизации был им упущен. Сейчас же у Китая, несмотря на трудности: огромное население, нехватку ресурсов и высокий уровень загрязнения, – есть историческая возможность стать частью третьей – экологической – цивилизации, построить гармоничное общество и перейти к устойчивому развитию [Сунь Юйцин, Е Вэньху 2009]. Экологическая цивилизация рассматривается одними авторами в качестве некой идеализированной формы социалистического общества, основанного на самодисциплине и осознании взаимозависимости [Жуй Цюн, Син Хуафэн 2009], тогда как другие видят в ней возрожденную китайскую цивилизацию. Главным отличием данной философской концепции от индийских размышлений о будущем является акцент на научной, а не на этической составляющей, стремление к дальнейшему прогрессу, а не возвращение к «утраченным ценностям» [Ци Е, Цай Цинь 2008]. Обращения к традиционной культуре [Ли Чуньян и др. 2008] встречаются гораздо реже, чем апелляции к социалистическим мыслителям [Ван Гуйцзюань 2010].

Тем не менее не стоит переоценивать роль этих концепций в китайском и индийском обществах. Ориентация на западные ценности и модели потребления, стремление достичь уровня жизни развитых стран, низкий уровень экологического сознания – пока именно эти факторы являются определяющими. Кроме того, сами экологические концепции ориентированы в первую очередь на национальные интересы обеих стран, а потому если в ближайшем будущем Индия и Китай и станут экологическими сверхдержавами, то только по степени своего влияния на глобальную экологическую политику, а не в результате принятия на себя глобальной экологической ответственности.

Экономические, политические и культурные процессы глобализации оказывают существенное влияние на состояние окружающей среды и экологическую политику Индии и Китая. Международная торговля приводит и в Индии, и в Китае к абсолютному увеличению объемов выпуска продукции, что негативно сказывается на состоянии окружающей среды. Также она может приводить к специализации развивающихся стран на экологически опасных производствах, что подтверждается в Китае и опровергается в Индии. Кроме того, негативное влияние на экологическую ситуацию в обоих государствах оказывает импорт отходов из развитых стран. При этом прямые иностранные инвестиции в экологически чистые производства и «зеленую промышленность» Китая и Индии оказывают положительное влияние на состояние окружающей среды. «Экологический протекционизм», давление со стороны международных организаций, модели потребления в развитых странах – все это вынуждает правительства Китая и Индии ужесточать экологическое законодательство, повышать требования к экспортно ориентированным производствам и поддерживать внедрение новых технологий. Целевые иностранные инвестиции в экологические проекты со стороны международных организаций и развитых государств, в свою очередь, увеличивают возможности экологического регулирования. В ходе политической и культурной глобализации меняется и отношение населения двух стран к экологическим проблемам. Все большую роль в Индии и в меньшей степени в Китае играют международные неправительственные организации.

Растущее воздействие Индии и Китая на состояние окружающей среды в соседних странах позволяет говорить о них как о региональных экологических державах. Похожим образом обстоит ситуация и в глобальном измерении. Китай и Индия входят на сегодняшний день в тройку крупнейших эмитентов парниковых газов на планете, не имея при этом международных обязательств по сокращению выбросов. Китай также добывает за рубежом и импортирует значительное количество природно-сырьевых ресурсов, включая энергоносители и древесину, что оборачивается проблемами для окружающей среды как в странах-экспортерах, так и во всем мире. Кроме того, Китай и в меньшей степени Индия обладают значительным влиянием среди развивающихся стран. Наконец, обе страны имеют значительный политический вес на глобальной арене. Очевидно, что для создания эффективного механизма борьбы с глобальным изменением климата и фактически с любой другой глобальной экологической проблемой участие двух стран необходимо. Нынешний эколополитический курс, приоритеты развития и национальные экологические концепции, однако, не позволяют говорить о стремлении этих стран принять на себя глобальную экологическую ответственность, а потому в этом смысле в ближайшем будущем экологическими сверхдержавами Китай и Индия не станут.

Литература

Аннаев А. Экология: подводные камни экономического развития Индии // Азия и Африка сегодня. 2010. № 4. С. 54–55.

Бирюлин Е. В. Экологическая катастрофа на Сунгари // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 1. С. 122–127.

Ван Гуйцзюань. К вопросу о марксистской экологической цивилизации // Китайский институт по экологическому управлению. 2010. № 4. С. 1–4. [王桂娟. 论马克思主义的生态文明思想//《中国环境管理干部学院学报》2010年第4期：1–4页。]

Ван Лидун, Дун Яжун. Размышления о ежедневной «низкоуглеродистой жизни» // Китайский институт по экологическому управлению. 2010. № 6. С. 56–58. [王立栋、董亚荣. 日常生活中“低碳生活”的几点思考//《中国环境管理干部学院学报》2010年第6期：56–58页。]

Дин Хуаньфэн, Ли Пэйи. Региональное загрязнение: анализ данных многомерного временного ряда на основе экологической кривой Кузнеца // Китай: население, ресурсы, окружающая среда. 2010. № 10. С. 117–122. [焕峰、李佩仪. 中国区域污染影响因素：EKC曲线的面板数据分析//《中国人口资源与环境》2010年第10期：117–122页。]

Для защиты окружающей среды решено сажать деревья [Электронный ресурс] : Dainik Bhaskar. [पेड़ लगाकर पर्यावरण संरक्षण का संकल्प लिया] URL: <http://www.bhaskar.com/article/RAJ-OTH-1285679-1965845.html> (дата обращения: 05.05.2011).

Ефременко Д. В. Влияние крупного бизнеса на теорию и практику глобальной экологической политики // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 8. С. 61–68.

Жуй Цюн, Син Хуафэн. Экологическая цивилизация: основа гармоничного социалистического общества // Китайский институт по экологическому управлению. 2009. № 3. С. 43–46. [齐晔、蔡琴。中华文明的生态复兴：兼论生态文明思想的科学基础//《中国人口资源与环境》2008年第6期：1–6页。]

Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии [Электронный ресурс] : Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/cartagena.pdf (дата обращения: 05.11.2010).

Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата [Электронный ресурс] : United Nations Framework Convention on Climate Change. URL: <http://unfccc.int/resource/docs/convkp/kprus.pdf> (дата обращения: 05.05.2011).

Кэ Шуйфа, Пань Чэньгуан, Вэнь Яли, Пань Цзяхуа, Чжэн Янь. Лесное хозяйство в качестве средства борьбы против изменения климата и его влияние на занятость населения // Китай: население, ресурсы, окружающая среда. 2010. № 6. С. 6–12. [柯水发、潘晨光、温亚利、潘家华、郑艳。应对气候变化的林业行动及其对就业的影响//《中国人口资源与环境》2010年第6期：6–12页。]

Ли Чуньян, Би Хойно, Бао Юй. К вопросу о создании новой концепции экологической цивилизации // Китайский институт по экологическому управлению. 2008. № 1. С. 29–31. [李春阳、毕会娜、鲍禹。如何树立生态文明新理念//《中国环境管理干部学院学报》2008年第1期：29–31页。]

Матвеева Е. В. Экологическая политика мирового сообщества во второй половине XX – начале XXI века // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2010. № 1. С. 151–157.

Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой [Электронный ресурс] : Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/montreal.pdf (дата обращения: 05.11.2010).

Наша страна будет периодически публиковать информацию об уровне радиации [Электронный ресурс] : Жэньминь жибао. [我国核辐射信息将不定期发布//人民日报]. URL: <http://env.people.com.cn/GB/14540832.html> (дата обращения: 05.05.2011).

Нодь И., Асанте-Дуа Д. К., Рыжов В. Проблематика международных экологических конфликтов // Общество и экономика. 2001. № 1. С. 168–177.

Пин Чжицзюнь, Чжоу Жун. Низкоуглеродистая экономика: Китаю необходим переход к «зеленому» развитию // Китай: население, ресурсы, окружающая среда. 2010. № 4. С. 1–7. [冯之浚、周荣。低碳经济：中国实现绿色发展的根本途径//《中国人口资源与环境》2010年第4期：1–7页。]

Пискулова Н. Развитие мировой экономики: экологический вектор // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 12. С. 28–37.

Приходько Н. Н., Черная В. Ю., Чан Янь. Экологические проблемы КНР и международное сотрудничество в области охраны окружающей среды // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. С. 160–161.

Рогожина Н. Г. Новые тенденции в экологической политике развивающихся стран // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 4. С. 81–89.

Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях [Электронный ресурс] : International POPs Elimination Network. URL: http://www.ipen.org/ipenweb/documents/un%20documents/convtext_ru.pdf (дата обращения: 05.11.2010).

Сун Юйцинь, Е Вэньху. Третья цивилизация // Китай: население, ресурсы, окружающая среда. 2009. № 4. С. 119–124. [宋豫秦、叶文虎。第三次文明//《中国人口资源与环境》2009年第4期: 119–124页。]

Ушаков И. В. Китай: экологический вызов // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 12. С. 76–85.

Фу Цзинянь. Международная торговля и эффект «убежища для загрязнителей»: обзор эмпирических исследований // Китай: население, ресурсы, окружающая среда. 2009. № 4. С. 13–18. [傅京燕。国际贸易中“污染避难所效应”的实证研究述评//《中国人口资源与环境》2009年第4期: 13–18页。]

Фу Цзинянь, Чжан Шаньшань. Китайско-американская торговля и загрязнение с точки зрения гипотезы «убежища для загрязнителей» // Китай: население, ресурсы, окружающая среда. 2011. № 2. С. 11–17. [傅京燕、张珊珊。中美贸易与污染避难所假说的实证研究——基于内含污染的视角//《中国人口资源与环境》2011年第2期: 11–17页。]

Хань Сюй. Загрязнение окружающей среды в Китае и экономический рост: эмпирическое исследование // Китай: население, ресурсы, окружающая среда. 2010. № 4. С. 85–89. [韩旭。中国环境污染与经济增长的实证研究//《中国人口资源与环境》2010年第4期: 85–89页。]

Ци Е, Цай Цинь. Экологическое возрождение китайской цивилизации, научные основы экологической цивилизации // Китай: население, ресурсы, окружающая среда. 2008. № 6. С. 1–6. [齐晔、蔡琴。中华文明的生态复兴: 兼论生态文明思想的科学基础//《中国人口资源与环境》2008年第6期: 1–6页。]

Чтобы помочь окружающей среде, необходимо слушать: Профессор Шарма [Электронный ресурс] : Dainik Bhaskar. URL: <http://www.bhaskar.com/article/HAR-OTH-1024447-1616818.html> (дата обращения: 05.05.2011).

Шварц Е. А., Аверченков А. А., Бобылев С. Н., Герасимчук И. В. Экологическая политика и международная конкурентоспособность российской экономики // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 58–70.

Ян Сюаньмэй, Гэ Юсун, Цзэн Хунин. Выбросы углекислого газа отдельными семьями на основании их потребительского поведения // Китай: население, ресурсы, окружающая среда. 2010. № 5. С. 35–40. [杨选梅、葛幼松、曾红鹰。基于个体消费行为的家庭碳排放研究//《中国人口资源与环境》2010年第5期: 35–40页。]

Chinese Regulations on Incoming Waste [Электронный ресурс] : Agentschap NL. URL: <http://www.agentschapnl.nl/programmas-regelingen/chinese-regulations-incoming-waste> (дата обращения: 11.05.2011).

Cole M. A., Elliott R. J. R., Fredriksson P. G. Endogenous Pollution Havens: does FDI Influence Environmental Regulations? // Scandinavian Journal of Economics. 2006. Vol. 108. No. 1. Pp. 157–178.

- Copeland B. R., Taylor M. S. North-South Trade and the Environment // *The Quarterly Journal of Economics*. 1994. Vol. 109. No. 3. Pp. 755–787.
- Daisuke U., Kajiwaru N., Tanaka H., Subramanian A., Fillmann G., Lam P. K. S., Zheng G. J., Muchitar M., Razak H., Prudente M., Kyu-Hyuck Chung, Tanabe S. Global Pollution Monitoring of Polybrominated Diphenyl Ethers Using Skipjack Tuna as a Bioindicator // *Environmental Science and Technology*. 2004. Vol. 38. No. 8. Pp. 2312–2316.
- Dietzenbacher E., Kakali Mukhopadhyay. An Empirical Examination of the Pollution Haven Hypothesis for India: Towards a Green Leontief Paradox? // *Environmental and Resource Economics*. 2007. Vol. 36. No. 4. Pp. 427–449.
- Govt May Ban Import of E-waste [Электронный ресурс] : *The Times of India*. 2010. September 6. URL: http://articles.timesofindia.indiatimes.com/2010-09-06/india/28255098_1_e-waste-electronic-waste-second-hand-computers (дата обращения: 11.05.2011).
- Haron M. J., Rashid K. A. Environment and its Changing Perspectives on Development // *Journal of Environmental Research and Development*. 2007. Vol. 1. No. 3. P. 297–304.
- Illiyan Asheref. The Emerging Issue of Electronic Waste in India // *Problems and Prospects of Environment Policy: Indian Perspective* / ed. by M. S. Bhatt, Shahid Ashraf, Asheref Illiyan. Delhi: Aakar Books, 2008.
- Kakali Mukhopadhyay, Chakraborty Debesh. Environmental Impacts of Trade in India // *The International Trade Journal*. 2005. Vol. 19. No. 2. P. 135–163.
- Kumari Veena, Bipin Bihari Lal. Climate Change – a Major Threat to Wetlands: a Case Study of Bhalki Wetlands (India) // *Journal of Environmental Research and Development*. 2010. Vol. 4. No. 3. P. 787–792.
- Leung A., Zong Wei Cai, Ming Hung Wong. Environmental Contamination from Electronic Waste Recycling at Guiyu, Southeast China // *Journal of Material Cycles and Waste Management*. 2006. Vol. 8. No. 1. Pp. 21–33.
- Mol A. P. J., Carter N. T. China's Environmental Governance in Transition // *Environmental Politics*. 2006. Vol. 15. No. 2.
- Mol A. P. J. Environmental Reform in Modernizing China // *The International Handbook of Environmental Sociology* / ed. by M. R. Redclift, G. Woodgate, 2nd ed. Cheltenham : Edward Elgar, 2010.
- Naughton B. *The Chinese Economy: Transitions and Growth*. Cambridge, Mass. : MIT Press, 2007.
- Pakistan to Raise River Pollution Issue with India at Indus Commission Meeting [Электронный ресурс] : *Andhra News*. 2007. May 28. URL: <http://www.andhranews.net/Intl/2007/May/28/Pakistan-raise-2619.asp> (дата обращения: 11.05.2011).
- Pollution, Indifference Taint India's Sacred River [Электронный ресурс] : NPR. URL: <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=16709008> (дата обращения: 11.05.2011).
- Posco's Orissa Project: Many Hurdles Lie Ahead Despite Environment Ministry's Approval [Электронный ресурс] : *The Times of India*. URL: <http://economictimes.indiatimes.com/news/poscos-orissa-project-many-hurdles-lie-ahead-despite-environment-ministrys-approval/articleshow/8189409.cms> (дата обращения: 11.05.2011).
- Ruud A. Environmental Management of Transnational Corporations in India: Are TNCs Creating Islands of Environmental Excellence in a Sea of Dirt? // *Business Strategy and the Environment*. 2002. Vol. 11. No. 2. Pp. 103–118.

Saluja Dimple. Sustain Environment Sustain Lives // Journal of Environmental Research and Development. 2008. Vol. 2. No. 4C. P. 950–956.

Sawhney Aparna. The New Face of Environmental Management in India. Aldershot : Ashgate, 2004.

So M. K., Taniyasu S., Yamashita N., Giesy J. P., Zheng J., Fang Z., Im S. H., Lam P. K. S. Perfluorinated Compounds in Coastal Waters of Hong Kong, South China, and Korea // Environmental Science and Technology. 2004. Vol. 38. No. 15. Pp. 4056–4063.

Sudhakara R. B. Environment, Development and the Role of Technology // Problems and Prospects of Environment Policy: Indian Perspective / ed. by M. S. Bhatt, Shahid Ashraf, Asheref Illiyan Delhi: Aakar Books, 2008.

Tailor N. D. Environmental Change in India. Jaipur : Oxford Book Company, 2007.

The UK's New Rubbish Dump: China [Электронный ресурс] : The Guardian. 2004. September 20. URL: <http://www.guardian.co.uk/society/2004/sep/20/environment.china> (дата обращения: 11.05.2011).

Trade to Expand by 9.5 % in 2010 after a Dismal 2009, WTO Reports [Электронный ресурс] : World Trade Organization. URL: http://www.wto.org/english/news_e/pres10_e/pr598_e.htm (дата обращения: 11.05.2011).

World Development Indicators [Электронный ресурс] : World Bank. URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators?cid=GPD_WDI (дата обращения: 15.05.2011).

АНТРОПОСОЦИОЯДЕРНЫЙ ФЕНОМЕН*

Комлева Е. В.

научный сотрудник Института философии и политологии
Дортмундского технического университета.

E-mail: Komleva_ap@mail.ru

Выполнены пионерные для России комплексные исследования антропосоциальной компоненты феномена ядерной энергии – феномена, без которого жизнь на Земле исключена. Исследования доведены до прагматичного образа SAMPO.

Ключевые слова: ядерная энергия, человек, социум, материальная и духовная культура.

There have been carried out unique for Russia complex researches of anthropological social component of the nuclear power phenomenon. The phenomenon without which the existence of life on Earth is impossible. The research is brought up to the pragmatic SAMPO level.

Key words: nuclear power, human, society, material and spiritual culture.

Вот мое предназначенье – сесть спокойно у воды
И свести в одно сечение жизнь песчинки и звезды.
Привести к одной системе сердце солнца и свое.
И услышать, как в весенней роще иволга поет.
И увидеть, как бездонно небо, – не вмещает грудь!
Посолить краюшку хлеба, съесть ее и...

Снова в путь.

*Т. Полежаева,
«Эхо полевых сезонов»*

В ходе более чем десятилетних исследований на базе десяти российских и зарубежных университетов и институтов сформирована научно-прагматическая позиция, определены задачи и получены некоторые результаты.

Феномен ядерной энергии в прошлом, настоящем и будущем был, есть и будет чрезвычайно важным для людей. Ядерная энергия (энергия управляемых и неуправляемых ядерных и термоядерных реакций) крепкими узлами связана с человечеством. И человечество ощутило себя единым и хрупким сущим впервые

* Благодарю за поддержку отдельных этапов исследований программу ЕС «Gateway Education», Научный совет Норвегии, Европейское отделение фонда Сапон, Немецкую службу академических обменов (DAAD) и Всемирный ядерный университет, профессоров Б. Фалькенбург (B. Falkenburg), Н. Витошек (N. Witoszek), Д. Масера (D. Macer), Р. Тхакура (R. Thakur), А. Закри (A. Zakri), П. Мастерсона (P. Masterson), М. Таеб (M. Taeb), Т. Кавабе (T. Kawabe), П. Лаккала (P. Lakkala), Л. Курппа (L. Kurppa), В. Рябева, В. Маслобоева, Т. Мейера (T. Meyer), З. Фадееву и многих-многих других, а также научных сотрудников Института философии и политологии Дортмундского технического университета.

перед ядерной опасностью. Техногенные ядерное благо или ядерная опасность для человечества – большей частью все же от человека и социума. И то и другое – «плоть от плоти» разума, души и рук человеческих. Это формирует обратную связь – влияние человека, такого как есть и каким он будет в антропосоциальном смысле, на возможные последствия ядерных явлений. Суперглобальному значению, негативным вызовам и позитивным возможностям ядерной энергии должны соответствовать адекватные по усилиям, комплексности и полноте, активности и постоянству подходы и действия при осмыслении, сдерживании или адаптации к реальным условиям человечества этих свойств феномена, а также серьезные вопросы о готовности людей к принятому разумом и сердцем сосуществованию с ядерной энергией сейчас и в будущем.

Ядерный феномен по праву стал предметом внимательнейшего изучения философии, политологии, экономики и экологии, попал в поле зрения других наук, религии, духовного творчества и общечеловеческой культуры. И это пристальное внимание имеет перспективу существовать века. В контексте генеральной методологии при обращении к теме можно считать ключевыми фигурами двух немецких философов. Это К. Ясперс и Э. Кассирер. Первый задал мотивацию и путь к поиску антропосоциоядерных ракурсов, а также определению масштаба научной проблемы. Второй «подсказывает» социокультурный характер и инструментарий познания на этом пути.

В русле духовно-гуманитарного понимания глобальных проблем существует тенденция к восприятию феномена амбивалентной ядерной энергии во всей его доступной на сегодня полноте. Целесообразно усиление интегральной в содержательных смыслах общего познавательного опыта, поли- и междисциплинарной относительно наук о человеке и обществе и внеучных знаний о человеке, системной и деятельностно-ориентированной совместной рефлексии человеческой цивилизации и ядерной энергии. Рефлексии, объединяющей их сосуществование и взаимодействие в виде относительно внешних друг для друга объектов и то обстоятельство, что ядерное есть неотъемлемая часть феномена человечества.

Можно обозначить основные связи ядерной энергии с другими важными в судьбе человечества явлениями – бытийные контуры антропосоциальной компоненты ядерного феномена.

На основе «логических цепочек», следуя известной общечеловеческой идее всеединства и единения в многообразии, различные грани которой интерпретированы многими философами, естествоиспытателями, писателями и политиками, предложен образ-схема связанного множества антропосоциоядерных комбинаций, современных «окрестностей» ядерной энергии. Пространства ассоциативных связей, явных, случайных и смысловых совпадений или как бы совпадений, взаимоотношений, соотнесений, сопряжений ее и других глобальных явлений. Как правило, в социальных аспектах взаимодействие в каждой «цепочке» – двояко направленное. Образ «континуума» проявлений ядерной энергии и антропосоциальных, совокупного феномена «окрестностей» и ядерной энергии, способствует обобщению и объединению узкоспециализированных «ведомственных» подходов к рефлексии, переходу количества в качество, скачку мысли к пониманию необходимости широкого и глубокого антропосоциоядерного «смотрения» и комплексно интегрированных действий.

Некоторые примеры логических «цепочек», характеризующих прямые или опосредованные связи, зависимости, взаимодействия, соотношения, сопряжения между ядерной энергией (ЯЭ) и другими важными для человека и человечества явлениями:

ЯЭ – материя, энергия, пространство, время – вселенная – мировоззрение в целом;

ЯЭ – Солнце – естественные процессы в гео- и биосферах – жизнь на Земле;

ЯЭ – эсхатологический потенциал – концепция Бога и человека;

ЯЭ – эсхатологический потенциал – реальное «качество» человека и общества;

ЯЭ – энергетическая стратегия – глобальная социальная стратегия;

ЯЭ – ядерное оружие – человечество как хрупкий единый организм;

ЯЭ – ядерное оружие – тоталитаризм;

ЯЭ – научные доминанты и тайны XX и XXI вв. – биология;

ЯЭ – общество риска – теория общества;

ЯЭ – ядерная физика и радиохимия – естественные науки;

ЯЭ – уран, торий, подземные объекты, ядерные отходы – геология, горное дело;

ЯЭ – совместное исследование (ЦЕРН, Дубна) – интеграция человечества;

ЯЭ – Солнце и звезды – стратегические энергетические задачи;

ЯЭ – наука и техника – прогресс и общепланетарный кризис;

ЯЭ – демография – экономические, политические и военные кризисы;

ЯЭ – смена энергоносителей – экономические, политические и военные кризисы;

ЯЭ – энергетика – структура и уровень сельского хозяйства и промышленности;

ЯЭ – ядерное оружие – оружие массового поражения в целом и терроризм;

ЯЭ – ядерное оружие – так называемое «геофизическое» оружие;

ЯЭ – оружие массового поражения – знания массового поражения;

ЯЭ – история мировых войн – модель стабильного сосуществования;

ЯЭ – ядерная дискриминация – социально-экономическое неравенство;

ЯЭ – Иран – право нации на владение ЯЭ;

ЯЭ – Северная Корея – стратегическое жизнеобеспечение как эквивалент ЯЭ;

ЯЭ – ООН, МАГАТЭ – институты глобального управления;

ЯЭ – управление устойчивым развитием – гражданское общество;

ЯЭ – глобальные возможности и риски – этика и философия техники;

ЯЭ – изменение климата – энергетическая философия и политика;

ЯЭ – Чернобыль – глобальный экологический кризис;

ЯЭ – радиоактивные отходы – отходы жизнедеятельности в целом;

ЯЭ – амбивалентность – информационные, био- и другие технологии – человек;

ЯЭ – маргинальные полигоны – абorigены, биоразнообразие;

ЯЭ – длительные выгоды и опасности – футурология;

ЯЭ – управление ядерной сферой – структура и качество информации;

ЯЭ – энергия, экология, социальная сфера, устойчивость – Agenda 21;

ЯЭ – ядерные сообщества (NEA, FNCA) – международные экономические союзы;

ЯЭ – ядерная деятельность – нефть и газ – экономические и политические приоритеты;

- ЯЭ – гелиевая энергетика – исследование Луны;
- ЯЭ – базовая мотивация познания и применения – философия и аксиология;
- ЯЭ – неоднозначность микромира – методология естественных и социальных наук;
- ЯЭ – терминология – категориальный аппарат философии;
- ЯЭ – апологеты и оппоненты – образование и просвещение;
- ЯЭ – ядерная ментальность – общественное сознание в целом;
- ЯЭ – ядерная этика – культурные и религиозные традиции;
- ЯЭ – морально-нравственные нормы и секретность – открытость ядерной информации;
- ЯЭ – ядерные образы – художественное творчество;
- ЯЭ – нечувственное восприятие «квантов» реальности – мистическое мировоззрение;
- ЯЭ – социальная мистика ядерных и других явлений – иррациональная рефлексия;
- ЯЭ – энергетический фактор – история технологического развития человечества;
- ЯЭ – история ядерной науки и техносферы – памятники истории и культуры;
- ЯЭ – ядерная история – история духовно-гуманитарной рефлексии ядерного социума.

Данный список таких «цепочек» крупных мировоззренческих и приоритетных интеллектуально-прагматических проблем, тем, задач, действий и тому подобных граней социума, конечно же, лишь как частная выборка ограниченно отражает фактическое антропосоциоядерное пространство и открыт для продолжения. Здесь это прежде всего иллюстрация идеи о необходимости комплексного подхода к изучению феномена ядерной энергии в увязке с широким спектром научных тем, практических задач и рефлексивных, с помощью разнообразных символов и образов, возможностей человечества.

Намечены подходы к усилению Human Dimension, гуманистических и гуманитарных начал и мотиваций в антропосоциальной компоненте феномена ядерной энергии, позиций своеобразного антропного социоядерного или антропосоциоядерного принципа. Плодотворно обращение к аналогу широко известного классического *антропного принципа*, значимого и непротиворечивого одновременно для важнейших социокультурных парадигм – естественно-научной, философской и религиозной. Социоядерный антропный принцип усиливает перспективы синтеза единой светско-религиозной социоментальной (дополнительно к технологической) и совокупной прагматической платформы относительно ядерного феномена.

Полезно, несомненно, оконтурить также понятийное пространство применительно к антропным и социальным аспектам ядерной энергии, предложить рабочие версии главных понятий.

Феномен ядерной энергии. Облик феномена ядерной энергии многообразен. Материально и принципиально он формируется как природными (известными и неизвестными человеку), так и антропогенными сущностями. В простом перечислении «первого приближения» это звезды, космические излучения, часть тепла недр и естественная радиоактивность Земли, природные ядерные реакторы. А так-

же – ядерное оружие, ядерное сдерживание и нераспространение, гражданская ядерная энергетика, атомные военные и гражданские, подводные и надводные суда, наземные и подземные ядерные объекты различного назначения. Кроме того, это источники энергии длительного пользования для освоения космоса, научные приборы и средства технологического контроля и воздействия в медицине, сельском хозяйстве и промышленности, радиоактивные отходы со сроком хранения в сотни тысяч лет. Известные (и неизвестные как отдельная часть) природные и антропогенные ядерные сущности представляют, хотя и в разной степени, сферу интеллектуальных и практических интересов и действий людей, связаны «эфиром» людского внимания.

Антропосоциальная компонента феномена ядерной энергии. Это все положительные и негативные, естественного и искусственного происхождения проявления и эффекты ядерной энергии в жизни людей, которыми ядерная энергия посредством различных систем символов так или иначе уже идентифицируется социумом в своем ментальном пространстве. Это все наши задачи и проблемы, надежды и заботы, удачные или неудачные мысли и практические действия, с которыми она напрямую или косвенно связана. Все явления человечества, которые зависят от ядерной энергии и от которых зависит «бытие» ядерной энергии в контакте с человечеством. Все явления человечества, которые развиваются во взаимосвязи с феноменом ядерной энергии. Связи, зависимости и взаимодействия, в космологическом смысле бывшие большей частью, по крайней мере по отношению к периоду существования живой материи, практически всегда, но особенно отныне, с возникновением ядерной техносферы, – вечные и важные составные части среды существования людей. И наша естественно-научная и техническая, философская и религиозная, духовно-гуманитарная рефлексия на основе других и разных видов социального знания, а также изменение их нами. Другими словами, антропосоциальная компонента ядерного феномена – это соответствующее материально-духовной дихотомии человека комплексное материально-духовное его бытие в условиях ядерной вселенной и ядерного социума.

Социоядерный антропный принцип – это требование таких рефлексии и действий, чтобы в будущем антропосоциальная компонента феномена ядерной энергии формировалась в совокупном светско-религиозном «поле» лучшего духовно-гуманитарного и рукотворного наследия человечества, была адекватной ему и позитивно участвовала в генерировании новых пластов материальной и духовной культуры, чтобы «ядерный человек» был гуманным и позитивно «культурогенным». Другими словами, это требование оптимизации «параметров антропосоциоядерной вселенной» с позиций блага человека, посредством гуманизации и гуманитаризации интеллектуальной и практической деятельности в ядерной сфере.

Многу в разных публикациях подробно показаны примеры некоторых фрагментов рассматриваемой компоненты, их светские и религиозные, философские, экономические и историко-политологические аспекты, а также информационные, коммуникационные, ментальные и экологические модусы современного ядерного социума и методологические пути, инструментарий их совместного осмысления, известные из истории и оконтуренные для будущего. В ракурсе антропосоцио-

ядерных вызовов и надежд, негатива и позитива обозначен рефлексивный потенциал мировоззренческих систем (философия, религия), наук о человеке и обществе, духовного творчества (искусство, литература, миф) и морально-нравственных традиций. В частности, при осмыслении международными усилиями в рамках гипотезы SAMPO: в контексте смыслов региональных *Scandinavian (or Slavic, Saida, Severodvinsk, Spitsbergen, Saamen, Syktyvkar, Solikamsk, Siberian, Streltsovsky, Selenge, Salekhard, Sakha, Sakhalin, Simushir, Semipalatinsk, Sarov, Seversk, Slavutich, Sosny) Atomic Mission – the Proliferation's Oikumene*¹ и общечеловеческого *Special Anthropic Mission – the Power (Prometheus) Obedience*². Обозначен также потенциал в процессе информационно-аналитической социально-ядерной деятельности.

Методология SAMPO соответствует духу инициативы президента Российской Федерации (2006 г.) по глобальной ядерной инфраструктуре и разрабатываемой РАН и Росатомом (А. А. Саркисов) для Севера России идеологии интеграционного подхода к проблемам ядерных отходов. Она может быть составной частью региональных и общероссийских программ создания технологической платформы «Инфраструктура Арктики». Гипотезу SAMPO начинают серьезно обсуждать. Одна из моих статей отражена в официальном библиографическом списке материалов к рассмотрению законопроекта Республики Беларусь «Об использовании атомной энергии». Другая опубликована в материалах ярмарки инновационных проектов АТОМЭКО-2008.

Думаю, последует продолжение обсуждений, так как, например, специалисты Кольского научного центра РАН предложили построить «вечное» подземное ядерное хранилище в горле Кольского залива (Сайда Губа – «подбрюшье» Североморска и Мурманска). Второй вариант такого объекта (Дальние Зеленцы) предлагается учеными «под боком» у будущей инфраструктуры Газпрома и полигона, где погиб «Курск».

Ситуацию «подогревает» недавнее решение Б. Обамы, вопреки действующему «Акту о политике в отношении ядерных отходов», через 22 года с начала строительства и после затрат в 9 миллиардов долларов прекратить реализацию проекта «путеводной звезды», прототипа для многих подобного рода строек – национального хранилища высокоактивных материалов Yucca Mountain, а также появившиеся раньше в условиях глобализации мировой экономики идея и проекты интернационализации последней стадии обращения с ядерными отходами, их надежной изоляции от биосферы. Возникают конкретные вопросы: «как?» и «где?». Особенно после вступления в силу (конец 2010 г.) американо-российского Соглашения № 123, открывающего странам возможность обмена ядерными материалами.

Россия давно и активно стремится позитивно соответствовать новым возможностям в рамках концепции международных и долговременных хранилищ под-

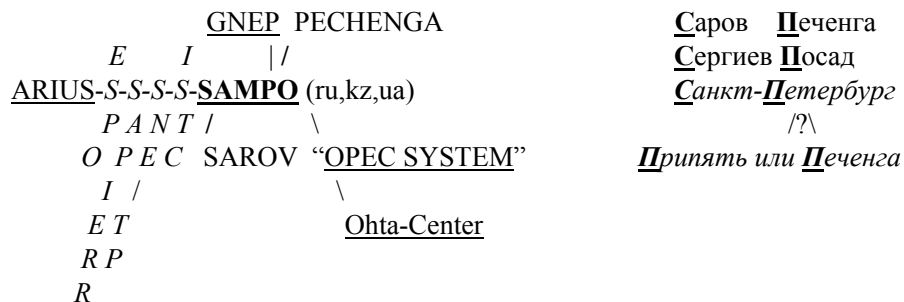
¹ Русскоязычная версия SAMPO: Скандинавская атомная миссия (или славянская, Сайда Губы, Северодвинска, Шпицбергена, саамов, Сыктывкара, Соликамска, Сибири, Стрельцовского рудного поля, Селенги, Салехарда, Якутии, Сахалина, Симушира, Семипалатинска, Сарова, Северска, Славутича, Сосен) – Ойкумена распространения.

² Специальная антропная миссия – Энергетическое (прометеевское) служение.

земного типа на своей территории. Вариантами, наиболее официально «продвинутыми» и традиционно для ядерной отрасли «состыкованными» с объектами наследия холодной войны, пока являются площадки вблизи Красноярска, Челябинска и границы с Китаем и Монголией (Краснокаменск). При этом преобладает выбор площадок в зонах палеовулканов (как и в случае Yucca Mountain). Хотя доминирующие площадки уже «назначены», даже лояльный к ним анализ (ИГЕМ РАН) геологической ситуации на базе чрезвычайно слабой разведки закончился признанием, что Россия находится на начальной стадии программ реализации такой концепции и принимать решения о пригодности площадок преждевременно (Н. П. Лаверов, В. И. Величкин, А. А. Пэк).

На Северо-Западе России проектировщики Росатома (Минатома) последовательно предлагали в качестве изолирующей геологической среды многолетнемерзлые известняки Новой Земли и залежи солей Республики Коми. Кстати, в Ухте работает известный в радиозоологии геолог В. А. Копейкин, имеющий серьезные наработки применительно к геохимическим барьерам защиты от распространения радионуклидов, возглавлявший несколько самых тяжелых лет Рабочую группу Мингео СССР в Чернобыле. Возможно, и это обстоятельство в числе прочих обусловило «дрейф» интереса Росатома от Новой Земли к геологическим объектам Коми.

В связи с SAMPO необходимо отметить доминирование принципа нераспространения ядерных материалов, преемственность и взаимосвязь не только российских ядерно-религиозных центров, но и международных энергетических проектов. На схеме: слева – взаимосвязи базового концепта SAMPO, справа – исключительно религиозный контекст с дополнением футурологических мотивов относительно перспектив ядерно-религиозно-мистического Санкт-Петербурга:

Одним из авторов работ, способствовавших отмене на довольно высоких стадиях реализации некачественных с научной точки зрения проектов подземных ядерных хранилищ Yucca Mountain и Новой Земли, является новосибирский геолог и спелеолог с украинскими корнями Ю. В. Дублянский (Juri Dublyansky), много работающий за рубежом бывшего СССР. Уникальная ситуация: его общая эрудиция и знания в сфере инженерной геологии и гидрогеологии, низкотемпературных гидротермальных процессов, изотопных исследований дважды значимо повлияли на формирование решений ведущих ядерных стран относительно места размещения природно-техногенных, с элементами самоорганизации объектов, которые по нормативам должны безопасно функционировать не менее десяти ты-

сяч лет. А косвенно возможно ожидать отложенное влияние этих факторов и событий на общечеловеческое будущее ядерной проблематики. Он, кроме того, нелицеприятно охарактеризовал стиль собственных геологических обоснований таких объектов российскими и американскими ядерными ведомствами и финансирование ими независимых оценок.

К сожалению, пока нет людей, подобных Ю. В. Дублянскому по объективности, профессионализму и опыту работы с иностранными партнерами, которые проявили бы интерес к организации и выполнению на международной основе анализа жизнеспособности замещающей вакуум после закрытия упомянутых проектов гипотезы SAMPO (ru, kz, ua), хотя бы ее естественно-научной составляющей.

Следует сказать, что в породах Печенги, где возможна материализация одного из вариантов SAMPO (и, с моей точки зрения, это было бы правильным), российскими и норвежскими геологами найдены окаменелые образцы древнейших, возрастом более 2 миллиардов лет, микроорганизмов (*Pechengia melezhiki*). Микроорганизмов, сформировавших на Земле важнейшие условия для будущей биологической эволюции (развития на кислородной основе) вплоть до высших форм. Эти сохранившиеся до нас окаменелости можно, видимо, считать признаком региональной геологической долговременной стабильности, столь необходимой ядерным объектам, своеобразным талисманом-оберегом, а сочетание открытия *Pechengia melezhiki* с SAMPO – символом трансформации и преемственности энергетики жизни.

С другой стороны, вулканологи (В. И. Белоусов, С. Н. Рычагов и др.) обосновывают наличие в глубинах Печенги позитивных для изоляции ядерных материалов процессов современного минералообразования. На «ядерный» потенциал этой структуры обращали внимание сотрудник ВНИПИЭТ В. А. Перовский, мурманские геологи-производственники (Н. И. Бичук, В. Г. Зайцев, Г. И. Мелихова и др.), специалисты Петербургского университета А. С. Сергеев и Р. В. Богданов, а также руководители Геологического института Кольского НЦ РАН (Ф. П. Митрофанов), Кольской сверхглубокой скважины (Д. М. Губерман) и Ярославской экспедиции сверхглубокого бурения «Недра» (Л. Певзнер), равно как и шведского оператора по обращению с ядерными отходами SKB, МНТЦ и The UNESCO International Geological Correlation Programme.

Не добрые ли это знаки, учитывая, что, по преданиям, в свое время в «пещерах» «утеса из меди» Печенги было создано Сампо «Калевалы»? И не подсказка ли это к объединению на данной площадке усилий, и не только геологов, при «перезагрузке» на Печенгу финансирования от Yucca Mountain, Новой Земли и других подобных проектов, не имеющих социокультурных корней и не выдерживающих испытания временем, чтобы надежно экранировать искусственные гидротермы, неизбежно возникающие в породах, в которых размещены высокоэнергетичные материалы?

Любопытно еще одно «родство» – геополитическая симметричность. Площадка «Печенга» расположена у северо-западной, площадка «Краснокаменск» – у юго-восточной границ РФ. С одной стороны, соответственно, потребности как минимум Европы, а с другой – Японии, Южной Кореи и Китая.

Применительно к антропосоциоядерной сфере изучено состояние дел в политических и научных институтах ООН. Выполнен анализ методологии исследований The United Nations University и The Hiroshima Peace Institute. Целесообразно далее рассматривать социальные и антропные аспекты ядерной энергии по сетевому принципу – в UNU (лидер-координатор) и других университетах единой «сети сетей» на духовно-гуманитарной, рационально-иррациональной методологической базе, отвечающей максимально полной реализации концепта и ракурсов суммарного знания о человеке и обществе, с позиций принципов гражданского общества. Для содействия выработке адекватных задачам развития человечества научных (гуманитарных и естественно-научных), технических и политических рекомендаций в связи с необходимостью мониторинга ядерной и сопряженных с ней сфер цивилизации и ядерного общественного сознания, влияния на их эволюцию с целью сделать ядерный мир безопасным, долговечным и комфортным, для успешного интеллектуального поиска и практического укоренения генерирующих оптимальное будущее антропосоциоядерных начал.

Основные публикации по теме

Комлева Е. В. Социоядерные начала, или начала социоядерного бытия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog21.ru/biblio/komleva.htm>

Комлева Е. В. Информационная поддержка решений в радиозологии // Вопросы радиационной безопасности. Журнал ПО «Маяк». 2001. № 4. С. 52–55.

Комлева Е. В. Социально-философские проблемы развития ядерной техносферы в России // Философия науки. 2004. № 3(22). С. 121–134.

Комлева Е. В. Ядерная энергия: о мере человечности // Вестник аналитики 2005. № 2. С. 68–85.

Комлева Е. В. Ядерная энергия: социальные аспекты // Международная конференция «Ядерно-энергетические системы для будущих поколений и глобальной стабильности GLOBAL 2005», 9–14 октября 2005 г.: тезисы доклада. Цукуба (Япония), 2005.

Комлева Е. В. Духовно-гуманитарное окормление ядерно-нефтегазовой России // Энергетическая политика Украины. 2006. № 1.

Комлева Е. В. Цивилизация и ядерная энергия: их соосмысление в ООН для мира и управления устойчивым развитием // Философия науки. 2007. № 2(33). С. 3–45.

Комлева Е. В. Ядерные отходы, газовые месторождения и безопасность Севера Европы // ЭКО: Всероссийский экономический журнал. 2007. № 3. С. 104–111.

Комлева Е. В. Ядерный Мурман // Национальные интересы. 2007. № 4(51). С. 55–59.

Комлева Е. В. Развитие ядерно-нефтегазовой ситуации Севера Европы // Экологический вестник России. 2008. № 8. С. 41–47; № 9. С. 36–40.

Комлева Е. В. Рефлексия ядерно-нефтегазовой ситуации Севера Европы: интересы и потенциал Германии как партнера России // Геофизический журнал. 2008. № 2(30). С. 3–31. (Диплом за 1 место в Международном конкурсе по полярным исследованиям, посвященном Международному полярному году 2007/2008 гг., декабрь 2007 г., Санкт-Петербург.)

Комлева Е. В. Социоядерный антропный принцип и геоядерная прагматика // Минеральное сырье Урала. 2008. № 5. С. 44–47.

Комлева Е. В. Феномен ядерной энергии и пространство символических форм // Философия науки. 2008. № 3. С. 77–114.

Комлева Е. В. Антропоцентричность ядерной энергии // Язык, культура, общество: тезисы докладов Международной научной конференции. М., 2009.

Комлева Е. В. Социоядерный антропный принцип и геоядерная прагматика // Экологический вестник России. 2009. № 1. С. 39–42.

Комлева Е. В. Ядерные проблемы социального сосуществования // Север промышленный. 2009. Октябрь. С. 40–43.

Комлева Е. В. Антропосоциоядерный дискурс и духовное наследие Ф. М. Достоевского // Мәдениет жаршысы. 2010. № 5. С. 27–31.

Комлева Е. В. Человечество и ядерная энергия: попытка социокультурного соосмысления // (сост.), Информационно-коммуникационные технологии в системе культурно-цивилизационных преобразований: материалы всерос. науч. конф. (Челябинск, 21 окт. 2010 г.) / сост. Т. Ф. Берестова, Ю. В. Гушул. Челябинск : М-во культуры РФ; ФГОУ ВПО «Челяб. гос. акад. культуры и искусств», 2010. С. 50–54.

Комлева Е. В. Ядерное человечество и Ф. М. Достоевский. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://rulit.org/read/860/>; <http://proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=2373>

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

РОССИЙСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ В СВЕТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ – ВЕЧНЫХ И СОВРЕМЕННЫХ

Монахова И. Р.

журналист, литературовед, член Союза писателей России.

E-mail: imonahova@list.ru

Российский менталитет рассматривается как фактор развития современного российского общества. Развитие менталитета является необходимым условием эффективного развития общества, которое должно в большей степени, чем сейчас, практически соответствовать, во-первых, своей идеологии, имеющей религиозные (христианские) корни, и, во-вторых, вообще идеологии христианского мира (частью которого Россия до сих пор остается), тем более что эта идеология одновременно является и идеологической основой глобализации.

Ключевые слова: менталитет, христианство, Россия, Запад, народ, ценности, человек, личность, духовность, нравственность.

The Russian mentality is examined as a factor of modern Russian society development. The development of mentality is a necessary condition for successful development of society, that should more than now correlate, first, to its own ideology having religious (Christian) roots and, second, to the ideology of Christian world in general (a part of which Russia still remains), the more so as this ideology simultaneously is also an ideological basis of globalization.

Keywords: mentality, Christianity, Russia, West, people, values, human, individual, spirituality, morality.

Каждая эпоха находит свои пути движения в будущее. Каждое новое поколение создает свои способы усовершенствования российской жизни. При этом время от времени обращается внимание на нравственный уровень современного общества. Действительно, внешние преобразования (реформы, революции) не решают главной проблемы – совершенствования самого человека. А без этого они не будут эффективны. Каким образом изменить этот нравственный уровень (а значит, и менталитет) к лучшему? Когда-то бытовал «моральный кодекс строителей коммунизма», теперь большие надежды возлагаются на возрождение Православия. Религия имеет прямое отношение к этому вопросу. Покаяние – по-гречески «метанойя», то есть буквально «изменение ума», «перемена образа мыслей». А без покаяния (то есть внутреннего изменения к лучшему) нет и лучшего пути в будущее. Перемена образа мыслей – это, по существу, изменение менталитета.

Век глобализации 2/2011 150–162

* * *

Многочисленные разнообразные реформы последних, то есть постсоветских, лет коснулись, казалось бы, всего и вся, однако не навели на мысль о реформировании или хотя бы желательности изменения главной составляющей жизни. Это, конечно, не политика и экономика, а то, что может повлиять на политику и экономику больше, чем все реформы, вместе взятые.

То, что раньше называлось бюрократическим термином «человеческий фактор», теперь определяют замысловатым словом «менталитет». То есть сущность человека, населяющего данную территорию, в частности российского человека. А сущность этой сущности – это, по-видимому, уровень отношения к человеку.

Реформирование менталитета – это, конечно, фантастика. Звучит слишком легкомысленно и несерьезно. Реформирование подразумевает хотя бы знание его метода. Каким образом не то что реформировать менталитет, а хотя бы подвинуть его на миллиметр в заданном направлении, точно не знает, наверное, никто. Так что не реформирование, конечно. Изменение менталитета – более неопределенно, но в то же время ближе к реальным возможностям. Существование такой идеи – может быть, это вообще вполне реально в настоящий момент. Может быть, только это и реально.

Для чего изменение? Есть несколько причин.

Наиболее поверхностная и заметная – явное несоответствие уже много раз сменившихся за последние несколько столетий политических и экономических реалий и застылости того, что составляет сущность человека, то есть его менталитета. А сущность менталитета – это отношение к человеку. Эта застылость не только существует, так сказать, «физически», но она и оправдана идеологически. Некая неписаная идеология окружает стеной молчания и обреченности столь таинственную вещь, как менталитет. То есть из этого, видимо, следует понимать, что менталитет – это своего рода неподвижное каменное изваяние, с которым невозможно сделать ничего, разве что разрушить вместе с человеком – его владельцем. Или это некая «священная корова», которую в принципе, может быть, и можно было бы сдвинуть с места, но не должно. В результате российский менталитет славится своей всепоглощаемостью, всеядностью, всеперевариваемостью. То есть он может поглотить и переварить, кажется, все что угодно, попавшее на его территорию, и превратить во что-то себе подобное, в себя. В том числе любые идеи, реформы, преобразования. Об этом свойстве российского менталитета существует такое нелестное мнение: в России какой бы строй ни устанавливали, все равно получается рабовладельческий. Вряд ли могут стать исключением из этого печального правила и современные реформы.

Впрочем, эта причина для существования идеи изменения менталитета – наиболее поверхностная и наименее существенная.

Более существенная причина – в том, что помимо этих меняющихся политических и экономических реалий меняется и возраст целого народа, также как отдельного человека. Менталитет отстает от возраста и не соответствует и ему тоже. Это все приводит к тому, что постаревший народ не выносит своего же собственного оставшегося прежним менталитета, который становится для него слишком тяжел.

Но самая существенная, главная причина – это несоответствие менталитета тому главному закону, по которому мы живем и который приняли 1000 лет назад, – христианству. Не только несоответствие, но и нестремление соответствовать тем требованиям, которые предъявляются к человеку (и обществу) этим законом.

Совпадение всех этих несоответствий делает менталитет современного русского человека главным препятствием всегда и везде – куда бы он ни шел и что бы он ни делал.

* * *

Что представляет собой менталитет русского человека? Или русского? Было бы точнее, наверное, сказать – российского, имея в виду, что это в основном русский менталитет и что он имеет свойство оказывать большое влияние на любого человека, находящегося на его (русского менталитета) территории.

Что представляет собой российский (русский) менталитет – это в основном хорошо известно, об этом написано и сказано очень много. Так много, что эту тему уже можно было бы считать закрытой или почти закрытой. Вот некоторые основные черты, делающие менталитет устаревшим и слишком тяжелым для современного русского человека.

Сущность менталитета – это отношение к человеку. Это главное качество, которое по своему значению превосходит все остальные, вместе взятые. Как известно, отношение к человеку (к личности) в российской действительности традиционно оставляет желать много лучшего. Хотя, возможно, бывает и хуже, например дальше на Восток: Китай, Корея и т. д. Но они не являются христианскими странами в отличие от России. Понятно, что, находясь между Западом и Востоком, Россия занимает промежуточное положение и по уровню отношения к человеку, по статусу личности в обществе. Однако принятое здесь в свое время христианство не может быть «промежуточным» или еще каким-нибудь особенным. Оно одно для всех, точнее, сущность его одна – это отношение к человеку (по которому определяется и отношение к Богу, и истинность веры в Бога); требования к человеку, содержащиеся в этой религии, – одни для всех. Их сущность – тоже отношение к человеку. Эти требования – своего рода закон для общества, принявшего христианство. Причем для всего общества, а не только для верующих, не только для церкви. Вот относительно этих требований, этого закона и можно сказать об отношении к человеку как об оставляющем желать много лучшего. Именно эта «система координат» имеется в виду прежде всего.

Можно найти для сравнения предмет более реальный и «земной» – Запад (имеется в виду прежде всего Западная Европа), менталитету которого свойственно несколько лучшее отношение к человеку по сравнению с российским менталитетом. Причины этого неясны. Невозможно это полностью объяснить лишь историческим опытом, который сам определяется менталитетом в большей степени, чем имеет возможность влиять на него. Но можно предположить, что не последнюю роль сыграли то огромное впечатление, которое в свое время произвело христианство на западноевропейские народы, и тот огромный исторический период так называемого «мрачного» Средневековья, который они прожили под этим впечатлением. Данный период означал для этих народов не только мрачность, но и некий значительный опыт жизни под воздействием христианской идеи, своего ро-

да школу, трудную школу, результатом которой стал западный человек в его современном виде. Пусть даже он оттолкнулся от этой школы и не отличается особенной религиозностью, но главный результат «обучения» – он сам, его современный менталитет, в котором преобладает этическая шкала ценностей, во главе которой находится скорее человек, чем что-то другое.

Российский менталитет не имел этого опыта, не прошел такой школы. Его опыт приобщения к христианству, возможно, был более мягким, без столь больших трудностей, но и результат как бы половинчатый. Свойственную современному менталитету шкалу ценностей можно было бы приблизительно назвать «эстетической» – во главе ее скорее что-то другое, чем человек.

Таким образом, и западноевропейскую цивилизацию от российской отличает не столько разница в возрасте, сколько наличие этой «школы». 800 лет, прожитых под огромным влиянием (и давлением) христианской идеи, – только такое сильнодействующее средство могло повлиять на менталитет западноевропейского человека, а не политические и экономические условия его жизни, которые являются в большей степени следствием, чем причиной характера менталитета. То есть эти 800 лет западноевропейский человек не просто существовал, а производил трудную работу по совершенствованию самого себя. Другой вопрос, насколько это было добровольно или принудительно.

Этот период, бывший в Европе и не бывший в таком виде в России, стал своего рода пропастью между ними либо сделал эту пропасть безнадежной или почти безнадежной. В России такого периода уже не может быть в принципе, да он был бы уже и бесполезен. Есть разница – начинать учить человека музыке или, например, спорту с 5 или с 50 лет. Поэтому не вполне понятна та легкость, с которой выдвигается лозунг (или идея) движения к Западу (или сближения с Западом). Двигаться (или сближаться) через пропасть? Экзотическое зрелище должно, по видимому, представлять собой и пресловутое прорубленное «окно в Европу». Окно, выходящее в пропасть? Поэтому же нет надежды на изменение менталитета автоматически, просто со временем. Просто со временем происходит само собой только старение. Одновременно уменьшается возможность влияния на менталитет экономических и политических факторов.

Таким образом, без изменения российского менталитета и, следовательно, воздействия на менталитет эта пропасть не может быть преодолена, а движение в направлении Запада – проблематично.

Особенно актуально это сравнение с Западом потому, что его экономические и политические модели в последнее время переносятся на российскую почву. Если предположить, что это перенесение является не самоцелью, а средством для достижения другого уровня жизни (тоже западного или близкого к нему), одно только это средство никогда не сможет обеспечить достижение этой цели. Это видно наглядно и не требует каких-либо доказательств. Невозможно, наверное, точно обозначить это соотношение: сколько в западном качестве жизни политических и экономических факторов, а сколько – человеческого фактора, то есть менталитета местного населения. Вполне возможно, что основная причина – в человеческом факторе, следствием которого являются другие факторы, в том числе экономические и политические. Теоретически самым эффективным способом перенести на

другую почву качество жизни является перенесение туда соответствующего менталитета, а не каких-либо других моделей. И хотя в реальности такое перенесение невозможно, но изменение менталитета хоть в какой-то степени и воздействие на него с целью этого изменения – почему бы и нет, если для этого есть существенные причины, о которых говорилось выше.

* * *

Другая черта российского менталитета – высокий уровень агрессивности, что свойственно народу молодому и растущему. Такой народ как бы может позволить себе такую роскошь – высокий уровень агрессивности, особенно если эта агрессивность направлена в большей степени на него же самого.

Еще лет 100–150 назад российский (точнее, русский) народ мог казаться молодым, а может быть, он и на самом деле таким был. Но сейчас, наверное, никто не мог бы назвать его молодым – после всех пережитых им в прошлом веке революций и войн, сталинской диктатуры и увлечения и оболъщения коммунистической идеей. Конечно, это еще не старость, но и молодости тут уже нет. Однако от прежнего возраста остался прежний менталитет, вещь гораздо более инерционная, чем какие-либо другие обстоятельства жизни любого народа. Однако чем дальше, тем более явным становится, что этот менталитет стал слишком тяжелым для своего же владельца – российского человека. В последнее время это наглядно видно, например, по тому, что российское население понемногу постоянно вымирает, не выдерживая тяжести своего собственного менталитета. Считается, что оно вымирает от реформ так же, как раньше оно страдало от коммунизма, особенно во время сталинской диктатуры, а еще раньше, видимо, от царизма. Но сами по себе реформы – это проблема, которую российский человек должен был бы решать, а не падать под ее тяжестью, не вымирать. Так же как сама по себе такая эфемерная идея, как коммунизм, не способна на какие-либо масштабные разрушения. К ним могут привести реальные формы существования того и другого, которые зависят в основном от менталитета. Существующий слишком тяжелый для современного российского человека менталитет делает из реформ непосильную ношу, как сделал ее в свое время из коммунизма, как сделал бы ее из любой встретившейся на пути проблемы.

Соотношение «возраста» российского народа и его менталитета похоже на такую ситуацию, когда человек, в какой-то степени постарев, перейдя из молодости в другой возраст, все никак не может (или не хочет) отказаться от стиля жизни и сознания, свойственных молодому возрасту. В результате физический возраст (и соответствующие ему физические возможности) человека вступает в противоречие с невозможным и неприемлемым для него стилем его жизни и сознанием. К чему такое противоречие может привести в жизни человека, известно: физические и душевные болезни. Словом, физический ущерб.

Примерно к тому же самому – к физическому (и не только) ущербу – приводит противоречие между «постаревшим» физическим возрастом и оставшимся неизменным с незапамятных времен более молодым менталитетом российского народа. Таким образом, этот происходящий физический ущерб означает, что в данный момент существует ситуация, когда надо выбирать – вымирать или изменяться

качественно (то есть менять свой менталитет) хоть в какой-то степени. Потому что вымирание – это явный признак того, что народ (может быть, точнее сказать, население, живущее на данной территории) идет в неправильном направлении: в плане своего менталитета, а не политики или экономики. Не в том направлении, которое ему предназначено (судьбой, Богом – как угодно), следовательно – не выполняет своего предназначения. Ведь выполнение этого предназначения (каким бы конкретно оно ни было), во всяком случае, связано прежде всего с качеством самого человека, то есть с его менталитетом, а не с политическими и экономическими обстоятельствами его жизни. Невыполнение своего предназначения человеком или неким количеством людей (или даже целым народом) может приводить к каким угодно (по тяжести и неприятности) последствиям. Потому что, как это, может быть, ни жаль, не сама по себе жизнь (физическое существование на этом свете) человека или целого народа является самоцелью и абсолютной ценностью, а выполнение ими своего предназначения.

* * *

Еще одна отрицательная (или ставшая на сегодняшний день отрицательной) черта российского менталитета – «непрозрачность». Так можно обозначить его известную византийскую замысловатость, сложность и мифологичность. Можно то же самое назвать иначе и точнее – это свойственная российскому менталитету шкала ценностей с сильным эстетическим уклоном в ущерб этическим ценностям – то есть отношению к человеку, к личности. Эта эстетическая шкала ценностей является благоприятной почвой для появления и процветания различных мифов, сказок и экзотических идей, которые в свою очередь поддерживают ее (шкалу) существование. Этот замкнутый круг нужен для того, чтобы в системе ценностей, существующей в обществе, человек был неизменно отодвинут на второй план. В его собственном менталитете это копируется и выражается в низком уровне отношения к человеку, что составляет сущность его менталитета. Таким образом, этот вполне безобидный, на первый взгляд, эстетический уклон непосредственно связан с главным недостатком российского менталитета – низким уровнем отношения к человеку. На первом плане – нет, не государство, а некий монстр, который приблизительно можно назвать общественным сознанием (в российском варианте это почти то же самое, что общинное сознание), мифологизированный, внешне грандиозный, эстетически безупречный.

Приведу один из последних примеров этого. Из всех существовавших когда-либо или существующих в общественном сознании на российской почве мифов, сказок и сверхидей, наверное, самой выдающейся и эстетически безупречной была коммунистическая идея, ставшая на некоторое время национальной идеей. Как и другие существовавшие на российской почве сверхидеи, сказки и мифы, эта идея (сказка и миф) – коммунизм – еще раз выявила и подтвердила главную особенность и главный минус российского менталитета – низкий уровень отношения к человеку, без чего столь грандиозное заблуждение и обольщение было бы вообще невозможно. Это также характерный пример того, как эстетически ориентированный, по-византийски замысловатый российский менталитет позволяет искусно скрывать эту главную черту и одновременно главную же причину многих несча-

стей за некой красивой и лживой витриной. Витрины со временем могут меняться и признаваться причиной всех бед, в то время как настоящая причина продолжает спокойно существовать, даже не названная.

Механизм такой подмены настоящей причины ложной особенно хорошо виден на примере коммунистической идеи (или идеи построения коммунизма), которая сама по себе очень далека от того, что реально существовало под ее вывеской, и в принципе не способна стать причиной каких-либо злодеяний. В своих истоках появившаяся много веков назад и отличающаяся большой живучестью идея социальной справедливости родственна христианству. Однако для ее реализации необходимо идти путем самосовершенствования. В отсутствие этого условия идея, сама по себе очень заманчивая, превратилась со временем в некий нереальный призрак (как точно было когда-то замечено), неспособный материализоваться. Эта идея может только использоваться в виде вывески на каком-либо политическом режиме, что и происходит в некоторых странах.

Для практического использования этой идеи, может быть, не так важно, какие это конкретно политические цели, служить которым она предназначена. Важнее собственно человеческое содержание, то есть менталитет, в свойствах которого кроется эта возможность. Кто может так серьезно и масштабно воспринять совершенно эфемерную идею строительства «земного рая»? Тот, кто обладает настолько невероятной гордостью, чтобы «не заметить», что эта задача в принципе невыполнима одними только человеческими силами. «Не заметить», что такое чудо подвластно только Богу, да и Его самого «не заметить». В христианстве отношение к Богу – это отношение к человеку. Человек был как бы «незамечаем» всегда – это одно из основных свойств российского менталитета. Его всегда отодвигали на второй, третий, а может быть, десятый план какие-то другие вещи – например сверхидеи, из которых коммунистическая была самой выдающейся. И одновременно самым большим и дорогостоящим уроком. Уроком о том, как дорого и со временем все дороже обходится российскому человеку его собственный менталитет.

Чему-то этот урок должен служить и для чего-то он был дан. Во-первых, можно с большой долей вероятности предположить, что столь грандиозной и иллюзорной идеи на российской почве больше никогда не будет. Таких идей просто нет в природе. Во-вторых, крушение этой идеи и разочарование в ней были настолько масштабны, что они как бы скомпрометировали саму идею существования национальной идеи. Какой смысл в ее существовании, если это обязательно очередной миф или сказка? Простой серенькой правды или даже истины в последней инстанции здесь быть не может – таков жанр. Зато отсутствие национальной идеи (осознанное, а не потому что еще не придумана очередная сказка) было бы очень полезно – она не отвлекала бы на себя внимание и не мешала бы обратиться к более основательным ценностям и одновременно требованиям к человеку, данным ему религией. Таким образом, национальная идея – это промежуточное и лишнее звено между обществом и его настоящей, а не выдуманной идеологией. Настоящая идеология – это почти то же самое, что и существующая в этом обществе религия. По сравнению с ней любая национальная идея, претендующая стать идеологией, – искусственная конструкция. Чем ее меньше, тем лучше видна и известна настоящая идеология, то есть религиозная идея.

* * *

Еще одно грандиозное сооружение, застывшее свет не меньше, чем любая национальная идея, – общинное сознание. Это дополнительный слой идеологии, существующий наряду с идеологией государства. Идеология государства как неизбежное зло существует между человеком и религией (человеком и Богом) в качестве неизбежного препятствия. И этого неизбежного зла как бы еще недостаточно, еще и общинное сознание выступает в той же роли и создает тем самым еще большую преграду между человеком и религиозной идеей. Свое предназначение дополнительной меры подавления человека (или контроля его сознания и всей его жизни) оно выполняет. Но оно же и превращает его в вечного недоросля, неспособного к самостоятельной ответственности и самостоятельному выбору. Можно назвать это благообразно: «коллективизм» – и сказать, что это свойственно российскому (как полуазиатскому) менталитету. Но если это свойство противоречит требованиям христианства к человеку и мешает ему этим требованиям соответствовать и даже понять их, то благообразие этого свойства, его ценность и необходимость сомнительны. Христианство подразумевает личный выбор и личную ответственность каждого человека. И в то же время сущность христианства – это совершенствование отношения к человеку, к личности. И то и другое несовместимо с общинным сознанием. Что из этих двух несовместимых вещей должно измениться или исчезнуть? Сущность христианства не изменится и не исчезнет. Может исчезнуть только общинное сознание, и это в интересах российского человека, принадлежащего не только к своей стране и национальности (национальностям), но и к христианскому миру. Это означает, что сосуществование этих несовместимых вещей ведет к потерям для третьей стороны – для самого человека.

Кроме того, для остатков общинного сознания просто не осталось реальной основы. У него почти исчезла почва, на которой оно существовало долгое время, когда его существование было оправданно и, может быть, в какой-то степени эффективно. Сейчас его присутствие (или того, что от него осталось) в менталитете российского человека означает только слабость.

Возможно, это также и фактор времени, возраста российской цивилизации. То есть не только общинное сознание устарело для российского человека, но и человек устарел для него. Повзрослевшему возрасту должен соответствовать более высокий уровень ответственности. И одновременно – более близкий христианству, подразумевающему личный выбор человека и его личную ответственность за свой выбор.

Конечно, коллективизм (иначе говоря, соборность) – понятие, не чуждое христианству. «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Матф. 18:20). Но эта соборность имеет смысл, только если собираются люди во имя Бога, а не просто так. Значит, и сами люди должны быть такими, чтобы о них можно было сказать, что они действуют во имя Бога, а не просто занимают место под солнцем. Таким образом, их внутреннее содержание, их качество важнее, чем сама по себе соборность. А качество определяется тем, насколько оно соответствует требованиям религии к человеку (заповедям).

* * *

Об этом соответствии нам приходится помнить, в отличие от стран и народов, не принадлежащих к христианскому миру. Однако и эти страны и народы не остаются без некоего идеологического (то есть, в сущности, религиозного) влияния под видом «вестернизации». Можно предположить, что это влияние является частью давно существующей в мировом масштабе тенденции к объединению, которая наиболее реально и наглядно выразилась в создании Европейского союза. Объединение – не значит завоевание, присоединение, создание империй. Это именно добровольное объединение стран, для которого необходима некая общая основа, и прежде всего идеологическая. Понятно, какая общая идеологическая основа у Европейского союза.

Но все возрастающее влияние Запада во всемирном масштабе позволяет предположить, что эта же самая основа стремится распространиться и на всех остальных. Конечно, это влияние не явно идеологическое. Его идеологическая (религиозная) сущность глубоко скрыта под большим слоем других вещей из области политики и экономики. Может быть, в какой-то степени скрыта она и от тех, кто это влияние оказывает, то есть у них другая «морковка перед носом». Так или иначе, но они способствуют осуществлению этой очень основательной и объективной тенденции к объединению. Эта тенденция настолько основательна и объективна, что можно сказать, осуществление ее как бы «гарантировано». Поэтому осуществлять кому бы то ни было какие-то шаги в этом направлении не очень трудно. Как плыть по течению.

Но при этом никому не гарантирована какая-то определенная роль в этом процессе. Поэтому актуален вопрос не об осуществлении самого этого процесса, а о роли в нем. Кем быть: неким одушевленным субъектом, осознанно и самостоятельно идущим в этом направлении, или неодушевленным предметом, который двигается посторонними усилиями? Это зависит от степени соответствия человека (например, российского) тому, что составляет сущность распространяемого влияния (или распространяемой общей, по существу, идеологической основы). Соответствия именно сущности, а не внешним атрибутам. Сущность – это требования к качеству самого человека, к тому, что он собой представляет, то есть к его менталитету.

Это еще одна причина – сегодняшняя, современная – для существования данной идеи – идеи о необходимости изменения менталитета.

При этом нужно заметить, что под словом «религия» подразумевается не та ограниченная область, некий загончик, где помещаются церковь и воцерковленные люди, – то есть то, что сейчас принято обозначать словом «религия». Религия (то есть связь человека с Богом) не может существовать в некой ограниченной области по определению. Просто уже прошел тот период времени (огромный период, измеряющийся веками), когда христианство преимущественно через церковь осуществляло тотальное влияние на общество, на человека. Этот период уже закончился во всем христианском мире. Результатом этого влияния стала не та ограниченная область, называемая религией, а человек – такой, каким он стал в результате многовекового воздействия на него христианства. При этом он может ходить или не ходить в церковь, считать себя свободным или не свободным от ре-

лигии. Это, может быть, теперь и не так важно, потому что религия уже существует в самом человеке, в его «составе» и его идеологии, в идеологии общества. Тем более что сущность религии (особенно христианства) – это не молитвы и не хождение в церковь, а отношение к человеку. От этого никто не может быть свободен. Таким образом, ответственность за соответствие требованиям, предъявляемым христианством, лежит на всем обществе, а не только на тех, кто считает себя верующими.

В то же время остальная (невоцерковленная), большая часть общества явно имеет идеологический (то есть, в сущности, религиозный) вакуум и пытается заполнить его как-нибудь, потому что никто не может быть полностью свободен от какой-либо идеологии (религии). Заполнить этот вакуум знакомым и привычным религиозным содержанием, но как бы переведенным на светский и современный язык, – один из способов воздействия на менталитет с целью его изменения. Основное содержание христианской идеи само по себе противоречит некоторым чертам российского менталитета (низкий уровень отношения к человеку, статичность, созерцательность, эстетический уклон в ущерб этическим ценностям) и может воздействовать на него для уменьшения влияния этих черт.

Перевести на светский и современный язык, то есть сделать близким и насущным для сегодняшней жизни каждого человека, можно все религиозное (христианское) содержание. Сущность его состоит в совершенствовании отношения к человеку. (Без выполнения этого требования и вера может быть недействительна.) Это абстрактное и, казалось бы, слишком общее требование в переводе на язык сегодняшней реальной и насущной жизни означает в первую очередь изменение шкалы ценностей, где человек (личность) традиционно и всеми способами отодвигается на второе, третье и более дальние места. Без перемещения его на первое место, несмотря на многовековую традицию, невозможно преодолеть пропасть между Россией и Западом в области менталитета (самой основной и влиятельной области), а главное – невозможно выполнить основное требование, предъявляемое христианством, – улучшение отношения к человеку.

Выполнение этого требования имеет не только религиозное, но и вполне земное значение. Религия, в частности христианство, – это огромная возможность влияния на ситуацию, может быть, единственная настоящая возможность эффективного влияния. Но для того, чтобы иметь отношение к этой возможности, надо выполнять требования, предъявляемые к человеку христианством.

Те же самые, в сущности, требования к человеку существуют и в других наиболее распространенных религиях. Таким образом, на этом уровне не существует какой-то значительной разницы и непреодолимых преград между религиями. Поэтому распространение сущности христианства не в религиозной, а в идеологической (светской) форме актуально также и для тех, кто относится к другим религиозным традициям.

* * *

Это только один способ влияния на менталитет с целью его изменения. И это как бы способ воздействия «по-хорошему». Вероятно, существуют и способы воздействия «по-плохому», может быть, они даже и более эффективны. Всего же раз-

личных способов существует, возможно, большое количество. Но все их не знает, наверное, никто.

Кроме уже названного, можно обозначить еще два способа: само существование в общественном сознании этой идеи о необходимости изменения менталитета (это наиболее простое и реальное) и использование уже существующего опыта (западного). Менталитет западного человека, являясь тоже далеко не идеальным, как и российский, все-таки несколько больше соответствует требованиям того, что составляет основу идеологии западного мира, то есть христианства. Эти требования заключаются в основном в улучшении отношения к человеку. В менталитете, в общественном сознании западного человека это соответствие выражается в более высоком уровне отношения к человеку, к личности, которая находится если не на первом, то на более близком к первому месте в шкале ценностей по сравнению с российским менталитетом. Может быть, это оттого, что Западная Европа прошла больший по времени и качественно другой путь к этому соответствию. Как писал П. Я. Чаадаев, «они (западные народы. – *И. М.*) не лучше нас; но они опытнее нас» [Чаадаев 1989: 467].

Какова бы ни была эта разница, пусть хоть на миллиметр, но в любом случае стоило бы учесть этот опыт и в какой-то степени усвоить его – прежде всего опыт именно в этой области. Просто для того, чтобы не изобретать заново велосипед. Этот опыт – рационализм, индивидуализм, в большей степени «прозрачность» менталитета, преимущественно «этическая» шкала ценностей, где на первом или близком к первому месте находится человек. Это, наверное, более скучно, чем «непрозрачный», полный мифов, сказок, лжи, эстетически ориентированный российский менталитет, так как все эти мифы, сказки и ложь – красивы. Но для того, чтобы что-то приобрести, неизбежно приходится что-то потерять или избавиться от чего-то, как от иллюзий или от идолов.

Впрочем, это не значит создать теперь себе идола из Запада. Использование его опыта для собственной пользы – это всего лишь использование опыта, не более того. Учиться у кого-то, как все когда-нибудь учатся, используя чужие знания для собственного образования, – это не значит молиться на него же. Все мы изучаем, например, в школе математику или физику по учебникам, в которых излагаются веками добывавшиеся знания, но вовсе не обожествляем авторов этих учебников. Мы их, скорее всего, не замечаем и никогда потом не вспоминаем. Дело не в них самих, а в пользе, которую мы можем для себя извлечь из этого многовекового опыта.

Идея необходимости изменения менталитета и так уже «витают в воздухе» (об этом много говорят, в том числе в СМИ), но она еще не вполне осознана обществом. То есть мы давно уже поняли, что прежде всего происходит «разруха в головах», а потом уже во всей остальной жизни, но четко признаться самим себе, что что-то в себе нужно изменить, переделать, перевоспитать, еще не решаемся. Ведь это означает, что нужно проделать большую работу. Но даже это трудное осознание – уже отчасти изменение, первый шаг на этом пути.

* * *

А путь этот обозначен уже давно, и идея «переделывания», «перевоспитания» российским обществом самого себя имеет глубокие корни в истории русской общественной мысли. Вот что об этом писал, в частности, П. Я. Чаадаев: «Необходимо стремиться всеми способами оживить наши верования и наше воистину христианское побуждение... Вот что я имел в виду, говоря о необходимости снова начать у нас воспитание человеческого рода» [Чаадаев 1989: 29].

Н. В. Гоголь в книге «Выбранные места из переписки с друзьями» также призвал современное ему общество жить по-христиански, чтобы преодолеть множество проблем российской действительности. А для этого воспитать себя как христианина, то есть существенно измениться внутренне. Гоголь считал, что такие внутренние преобразования в российском обществе вполне возможны, называя русский народ «растопленным металлом»: «Мы еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму; еще нам возможно выбросить, оттолкнуть от себя нам неприличное и внести в себя все, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней» [Гоголь 1952: 417].

Н. А. Бердяев говорит уже более конкретно о том, что возрождение России «предполагает перевоспитание русского характера. Мы должны будем усвоить себе некоторые западные добродетели, оставаясь русскими... Мировая роль России предполагает пробуждение в ней творческой активности человека... Россия должна пройти через религиозную эмансипацию личности» [Бердяев 2002: 268, 289, 290].

Еще более четко ставит задачу И. А. Ильин в книге, которая так и называется – «Наши задачи»: «России нужен *новый русский человек*: проверенный огнями соблазна и суда, очищенный от слабостей, заблуждений и уродливостей прошлого и строящий себя *по-новому, из нового духа, ради новых великих целей*... В этом главное. Делая это, мы строим *новую Россию*... Препней России не будет. Будет *новая Россия*. По-прежнему Россия; но не прежняя, рухнувшая; а новая, обновленная, для которой опасности не будут опасны и катастрофы не будут страшны. И вот *к ней* мы должны готовиться; и *ее* мы должны готовить, – ковать в себе самих, во всех нас *новый русский дух*, по-прежнему *русский*, но не *прежний русский* (то есть больной, не укорененный, слабый, растерянный). И в этом *главное*...

России нужен *новый русский человек*, с обновленным – религиозным, познавательным, нравственным, художественным, гражданским, собственническим и хозяйственным – укладом...

Весь наш душевный уклад должен быть обновлен: в этой трагедии должен завязаться и окрепнуть *новый русский национальный характер*, укорененный во Христе, сердечный и волевой, достойный и прямой, без изворотливо-лживой хитрости и с живым чувством духовного ранга. В русской душе должен быть *преодолен раб*; в ней должно начаться новое *гражданственно-свободное правосознание*» [Ильин 1993: 160, 163, 199].

Здесь следует заметить, что в русской душе должен быть преодолен не только и не столько раб, которого там, может быть, и не было никогда, сколько рабовладелец. Наверное, чем дальше, тем это становится яснее всем. Не было бы тех, кто стремится стать рабовладельцами, – не было бы и тех, кого, пользуясь обстоятельствами, превращают в рабов.

И. А. Ильин также писал: «Мы должны вырабатывать – *каждый самостоятельно, для себя и про себя, мыслью своего сердца* – те убеждения, на которых следует строить грядущую Россию... Возрождение России требует от нас именно таких *лично-самостоятельных, религиозно-укорененных, волевых убеждений*. Их нельзя взять у другого; их можно выработать *только самому*. Это не развлечение; это духовный труд» [Ильин 1993: 351].

Как можно заметить, философы разных эпох со временем все более определенно формулировали, в сущности, задачу возрождения человека, изменения его внутренних качеств, а значит, говоря современным языком, – изменения менталитета.

Литература

Бердяев Н. А. Философия свободы. М., 2002.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. VIII. М. : Изд-во АН СССР, 1952.

Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 2. Кн. 1. М. : Русская книга, 1993.

Чаадаев, П. Я. Соч. М. : Правда, 1989.

РОССИЙСКАЯ КОСМОЛОГИЯ В РЕШЕНИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Авилов В. И.

д. т. н., главный научный сотрудник
Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН.

Авилова С. Д.

д. б. н., главный научный сотрудник
Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН.
E-mail: avands@yandex.ru

Используя экосистемный подход, авторы анализируют достижения современной космонавтики с точки зрения возможных проявлений жизни на космических объектах для объяснения базовых планетарных процессов и явлений. Новый взгляд на космические проблемы с экосистемных позиций позволил выдвинуть и обосновать концепцию вселенского распространения явления хемолитоавтотрофии. Высказанная идея дает импульс теоретическим исследованиям по проблеме происхождения жизни и планетарным процессам. Из нее следуют более точные оценки потенциальных ресурсов космоса, приближающие реализацию планов освоения космических объектов.

Ключевые слова: проблемы космонавтики, жизнь, хемолитоавтотрофия, ресурсы.

In this work the authors, using the ecosystem approach, analyze modern astronautics achievements from the point of view of possible life displays on space objects to explain basic planetary processes and phenomena. Reconceptualization of space problems in the ecosystem context has allowed to suggest and substantiate the concept of the chemolytoautotrophy phenomenon universal distribution. The stated idea gives an impulse to theoretical researches on the life origin problem and on planetary processes. The more exact estimations of potential space resources that bring closer realization of space objects development plans follow from this.

Keywords: astronautics problems, life, chemolytoautotrophy, resources.

На современном этапе человечество готово вкладывать большие деньги в освоение космоса, имея в виду научное, военное, прикладное и даже развлекательное значение космических разработок. История современной цивилизации подсказывает: главный интерес человека – в самосознании через изучение дальних миров, поиск своего места во Вселенной. Созерцание неба постепенно привело к развитию основ астрономии, механики и многого другого, положив начало космо-

Век глобализации 2/2011 163–173

логии. Современная космонавтика вобрала в себя опыт практически всех наук, начиная от точнейших методов физхимии и кончая постулатами философии.

Исследование космического пространства находится на передовой линии фундаментальной науки. В наш век, когда многое измеряется финансами, реализация космических программ зависит от капиталовложений. Передовые европейские страны, США, Япония, Китай, Индия, вкладывая значительные средства, за последние два десятилетия запустили десятки космических аппаратов и добились крупных успехов в познании дальнего космоса. Создание и вывод на околоземную орбиту только одного космического телескопа «Хаббл» с помощью шаттла «Дискавери» в 1990 г. обошлись в 2,5 млрд долларов. NASA платит 56 млн долларов за отправку каждого американского космонавта на МКС. Затраты на работу европейского марсохода EхоMars-2018, планируемую в благоприятном астрономическом окне весной 2018 г. на планете Марс, уже сейчас оцениваются в 850 млн евро. Это лишь отдельные примеры ежегодного финансирования космических проектов, составляющего поистине астрономические суммы. Вполне резонно возникает вопрос: во имя чего такие суммы тратит человечество? И какое место сможет занять в этой гонке Россия?

Не секрет, что Россия не смогла удержать статус космического первопроходца – СССР. О двадцати годах бесплодных усилий пишет академик Э. М. Галимов [2010]. По его мнению, организация планетарно-космических исследований в России была «крайне непродуктивной» – за эти годы не было сделано ни одного запуска в сторону Луны и планет. Необходимо извлечь уроки и ориентировать отечественную космонавтику на выбор путей развития. С этой позиции стоит оценить достигнутое, чтобы выбрать наиболее перспективное направление для дальнейшего эффективного изучения космоса.

Достижения современной космонавтики обеспечили получение сведений по базовым планетарным переменным (по В. И. Вернадскому) – основному химическому составу и фазовому состоянию вещества, термодинамическим переменным, отрывочных данных по компонентам живого вещества. В этом ключе уместно вспомнить опасения ученых инфицировать Землю неизвестными бактериями с первых образцов лунного грунта. Но космические объекты и детали конструкции, побывавшие в открытом космосе, оказались стерильными, что практически опровергло концепцию панспермии, предполагавшей перенос и распространение белковой формы жизни космическими телами.

Теперь наблюдается обратная тенденция – микроорганизмов из космоса не боятся, их специально разыскивают. Поиск жизни во Вселенной продолжается всеми доступными средствами, и это становится чуть ли не главным направлением. Во всяком случае, результаты большей части самостоятельных и бесценных натуральных измерений, выполненных межпланетными станциями, используют как аргумент в пользу существования или отсутствия жизни на космических телах. Возможно, просто подогревая интерес общественности и оправдывая затраты средств налогоплательщиков. И это лишний раз подчеркивает глубочайшую заинтересованность человека в обнаружении себе подобных, живых организмов. По этому направлению ведутся интенсивные исследования, широко освещаемые в СМИ (журнал «Новости космонавтики» 2010 г. и др.).

Орбитальная американская станция Mars Odyssey дистанционно обнаружила наличие залежей подповерхностного марсианского льда. Аппарат – зонд Phoenix (США) совершил посадку на Марс в мае 2008 г. В ходе пятимесячной работы зонд отправил на Землю результаты изучения химического состава марсианской почвы. Анализ и обработка полученных измерений подтвердили обнаруженное ранее наличие льда под поверхностью почвы, что повысило энтузиазм сторонников идеи существования жизни на планете.

Возможность обнаружения следов жизни несут и другие космические программы. Японский межпланетный аппарат Hayabusa (Сокол) был запущен в мае 2003 г. для встречи и контакта с крохотным астероидом длиной немногим более 0,5 км. В ноябре 2005 г. он коснулся астероида трубой грунтозаборника, а в июне 2010 г. возвращаемая капсула приземлилась в Австралии, доставив в ловушке мелкие частицы астероида размером около 10 мкм и менее – до 1 мкм (микрона). Образцы намечено изучить в 10 университетах мира. Успех вдохновил японских исследователей. В их планы входит запуск нового астероидного зонда Hayabusa-2 в 2014 г. По этому проекту, оцениваемому в 200 млн долларов, зонд планируют запустить к астероиду (диаметром около 1 км), богатому углеродом и относящемуся к раннему периоду Солнечной системы. Задача зонда – отобрать образцы грунта астероида и доставить их на Землю в 2020 г. для разнопланового изучения. В частности, возможна проверка концепции панспермии, которая продолжает интриговать некоторых ученых.

Астрофизическое направление космонавтики заметно прогрессирует. Идея использовать для астрономических наблюдений искусственный спутник, поставив на него телескоп, родилась почти век тому назад. С началом космической эры появилась практическая возможность создать внеземные обсерватории. Выведенные на орбиту космические телескопы обладают понятными преимуществами по сравнению с земными собратьями. С их помощью выполнены многочисленные уникальные измерения, получены новые научные факты. О них широко информируют общественность, они часто становятся новостью № 1 в прессе. Интерес к ним вызван и подогревается тем, что получаемая информация имеет прямое отношение к проблемам жизни. Назовем наиболее значимые результаты.

Уникальный космический телескоп «Хаббл» (Hubble) весом 11,1 т был доставлен на орбиту в грузовом отсеке шаттла «Дискавери» в 1990 г. За 20 лет его работы более 4 тысяч астрономов получили возможность использовать «Хаббл» для исследования. Свет, отраженный от главного зеркала телескопа, направляется в электронные фотокамеры. Поступающие от них сигналы принимают в центре обработки, воспроизводя снимок космического объекта. Дополнительная обзорная камера позволяет вести наблюдения в спектральном диапазоне от инфракрасной зоны до ультрафиолета. Поток данных ежедневно составляет 15 Гбайт. Они постоянно несут новую бесценную информацию, открывая широкие возможности для ее интерпретации.

На основе измерений выдвинута гипотеза, связывающая массу черных дыр и свойства Галактики. Получена современная космологическая модель, которая представляет собой Вселенную, расширяющуюся с ускорением и заполненную темной энергией. Назван возраст Вселенной – 13,7 млрд лет.

Обсерватория «Кеплер» (Kepler) с телескопом-фотометром была выведена на гелиоцентрическую орбиту, близкую к орбите Земли, в марте 2009 г. [Ильин 2010].

«Кеплер» (США) постоянно нацелен на один и тот же участок неба, где «высвечиваются» более 150 тыс. звезд. В их исследовании применен метод транзитов, наиболее эффективный для обнаружения планет. Во множестве звезд выделяют те, у которых блеск периодически чуть-чуть ослабевает. Такие регулярные частные затмения звезды связывают с «прохождением» планеты по ее диску. Метод фиксирует только планеты, у которых плоскость орбиты пересекает диск звезды. Поэтому вероятность обнаружения планет чрезвычайно мала, но она возрастает при увеличении как времени непрерывного измерения блеска отдельной звезды, так и числа одновременно тестируемых звезд. Именно эти качества, присущие «Кеплеру», обеспечили гарантированную удачу. За несколько месяцев работы ему удалось зафиксировать более 700 «звездных затмений», то есть следы потенциальных кандидатов в планеты. Целенаправленные наблюдения за кандидатами привели к открытию планетарных систем с солнцеподобными звездами, названными Kepler-9, 10 и уже 11. Считают, что среди кандидатов имеется около 140 землеподобных планет, превышающих по диаметру Землю не более чем в 2 раза. Обнаружение таких планет всегда было мечтой многих астрономов, так как по принципу подобия на них можно ожидать присутствие жизни вплоть до инопланетных цивилизаций.

Детальная обработка данных обсерватории «Кеплер» в совокупности с материалом наземных обсерваторий, использующих иные методы наблюдений (смещение положения звезды, смещение линий поглощения элементов в спектре звезды, прямое видение и др.), утвердили факт существования большого количества новых планет. Уже сейчас имеются основания сделать вывод о наличии собственной планетарной системы (наподобие Солнечной системы) у большинства звезд. И на многих может быть жизнь, подтверждая высказанную авторами идею «всежизни» – о повсеместном ее распространении [Авилов, Авилова 2009а: 142].

В пользу этой идеи говорят также измерения, выполненные орбитальным инфракрасным телескопом WISE (США). Начиная с декабря 2009 г. им совершен полный обзор неба, при этом американские ученые получили около 1,3 млн кадров, на которых видны разнообразные объекты [Ильин 2010]. ИК-детекторы уловили излучения от космических тел и образований в четырех диапазонах (от 3,3 до 23 мкм). Инфракрасная обсерватория WISE увидела свыше 60 тыс. астероидов, 70 комет (часть из них новые), облако разлетающейся материи вокруг умирающей звезды – как полагают, атомы кислорода, светящиеся в самом длинном диапазоне волн. Во всех четырех диапазонах получены снимки туманностей и галактик, при этом удалось различить изображения в диапазонах 3,4 и 4,6 мкм (синие и голубые точки), где преобладает излучение звезд и на длинах волн 12 и 24 мкм зеленый и красный цвета соответствуют в основном свечению нагретого газа и пыли. Соединенные вместе четыре изображения создают сказочно красивые картины этих объектов в виде фантастических скоплений облаков пыли и газа с огоньками звезд. Интерпретаторы изображений предположительно говорят о зонах активного звездообразования, сильных звездных ветрах, уносящих пыль и газ от центра звездного скопления. На других снимках, наоборот, газовое облако сконцентрировано в центре туманности, где происходят процессы звездообразования. Там находят много молодых звезд, оценивая их возраст в миллион лет. Астрофизические исследования указывают на факты создания себе подобных звезд и их обра-

зований, включая планетные системы, во Вселенной, что является одним из важных показателей и проявлений жизни.

К настоящему времени автоматическими межпланетными станциями собрана информация о вулканизме на спутнике Юпитера Ио, спутнике Сатурна Энцеладе, на Венере и предположительно на Марсе, где есть намеки на недавние лавовые потоки. Миссия «Кассини-Гюйгенс» определила аномально высокое содержание метана – порядка 5 % – в атмосфере Титана, спутника планеты Сатурн. На снимках поверхности Титана видны глыбы льда, дренажная система, образованная, возможно, жидким метаном, и заполненная им затемненная область. Присутствие радиогенного ^{40}Ar в атмосфере Титана свидетельствует о дегазации недр космического тела [Галимов 2010]. Межпланетный зонд «Галилео» передал изображение спутника Юпитера Европы, покрытого панцирем льда. Предположительно лед является плавающим, толщина достигает километров, а под ним – океан жидкой воды.

Новые научные факты вызвали рождение различных гипотез. Их обилие свидетельствует, что базовые явления космоса слабо изучены. Американские участники проекта посчитали, что найденный на Марсе карбонат кальция может вызвать периодическое появление талой воды. Обнаруженные в почве надо льдом перхлораты – химические соединения – извлекают воду из атмосферы и удерживают ее. Образовавшаяся пленка из воды может послужить основой для развития жизни, тем более что сами перхлораты служат пищей для некоторых микробов.

Существуют различные интерпретации полученного материала. Присутствие воды рассматривают как безусловную предпосылку для зарождения в ней жизни. Понимая, что для поддержания высоких концентраций метана в атмосфере Марса необходима постоянная подпитка, предполагают два изолированных источника – либо современную геологическую активность, либо биосферу. При этом некоторые допускают существование микробиальной жизни в марсианском грунте. В свою очередь, на конференции «Дегазация Земли» (2003 г.) авторы, представляя собственные исследования по явлению хемолитоавтотрофии (подробнее ниже), предложили идею о поиске жизни на Марсе «не на поверхности, а в более глубоких слоях отложений».

Высказывают и другие мысли. Однако они не в состоянии объяснить некоторые научные факты. На снимках поверхности Марса зафиксированы морфоструктурные элементы, объясняемые как русла рек, обнажение осадочных пород и другое, что свидетельствует о жидкой воде в древней истории Марса. Откуда она появилась? Этот же вопрос относим к происхождению воды, найденной на спутнике Юпитера Европе, кольцах Сатурна и других объектах.

Перечисленное подтверждает разнообразие воззрений на проявления жизни в космосе. Ответы надо искать в новых теоретических построениях, которые послужат руководящей идеей для планирования космических экспериментов. Такая постановка вопроса хорошо вписывается в общую логику научного процесса – периодичность получения научных фактов, то есть эмпирического познания, их теоретическое обобщение и постановку новых опытов для решения последующих проблем. Делаем вывод о назревшей необходимости скорректировать цели, задачи, методы космологии.

В методах космологии должен возобладать **экосистемный подход**. Рассмотренные направления и достижения современной космонавтики при всем многооб-

разии используемых средств и методов в решении многоплановых задач имеют ярко выраженную тенденцию находить в получаемых результатах аспекты, связанные с какими-либо сторонами проявления или существования космической жизни. Выявленная тенденция позволяет назвать изучение жизни и сопровождающих явлений наиболее значимой целью космологии. Аналогичной точки зрения придерживаются многие исследователи. В уже упомянутой книге академик Э. М. Галимов среди «задач планетных исследований» на первое место ставит проблему происхождения жизни, в стратегии решения важнейших проблем космонавтики называет доставку и изучение вещества с малых космических тел, а также изучение внутреннего строения планет и спутников. Американские ученые высказывают мнение, что в случае обнаружения явных признаков жизни немедленно возникнет задача непосредственных поисков жизни всеми возможными способами, вплоть до пилотируемой экспедиции на Марс. С этим нельзя не согласиться.

Приняв приоритетность изучения жизни, логично делаем заключение о необходимости рассматривать проблемы космологии с экосистемных позиций. С нашей точки зрения, в решении этих первоочередных и многих других задач космических исследований высокоэффективным будет экосистемный подход к анализу получаемой информации [Авилов, Авилова 2002; 2010а; 2010б; 2010в; 2011].

При анализе экосистемных взаимодействий (экосистемном анализе) необходимо соблюдать известные в экологии законы и иметь в виду общие понятия в познании окружающего мира. Сопоставление и анализ взаимодействий в разнородных экосистемах учитывают особенности взаимоотношения индивидуального, единичного и общего, законы подобия, оптимальности и другие, имеющие место при сложении систем. Принцип подобия процессов и явлений в одноуровневых экосистемах позволяет проводить аналогии между ними – сопоставлять экосистему Земли с экосистемами планет и небесных тел. Исходим из идеи, что природе свойственен разумный консерватизм, то есть одни и те же проблемы в разных точках Вселенной она решает одинаковым способом (общий системогенетический закон).

Такие подходы имеются в арсенале средств методологии, используемой в разработанном авторами новом междисциплинарном научном направлении – аквагеоэкологии, созданном на стыке наук геологии, экологии и океанологии [Они же 2009а; 2010а]. Аквагеоэкология нацелена на изучение природных объектов с учетом присутствия в них жизни как неотъемлемой части экосистемы. Собственная методология аквагеоэкологических исследований (экосистемный анализ) и механизм ее реализации (ее информационная система) приведены в работах авторов, где рассмотрены природные процессы и явления в объектах Мирового океана и осадочной толщи Земли [Они же 2002; 2008; 2009а; 2009б]. На основе экосистемного анализа собственных газобиогеохимических данных авторы ввели в число базовых переменных понятие «жизненность материи», выделили «активное живое вещество», обосновали его количественный показатель – биомассу микроорганизмов (БАЖМ) по АТФ [Они же 2009а; 2010а]. По основным параметрам приемы аквагеоэкологии будут приемлемы и продуктивны при исследовании проблем космоса с акцентом на явления внеземной жизни.

Необходимо только учитывать специфику исследования космических объектов – преобладание дистанционных методов. Поэтому в информационную систему по проблеме «всежизни» вводим в основном не прямые, а доступные косвенные показатели проявления космической жизни. В земных экосистемах превалирует обратная предпочтительность – аквагеоэкология оперирует главенствующими признаками жизни (АТФ и ферменты) [Авилов, Авилова 2011]. В то же время многолетний анализ экосистемных взаимодействий установил причинно-следственную связь активной жизнедеятельности с косвенными проявлениями – потоками вещества и энергии, а также продуктами метаболизма [Они же 2002: 7–8; 2008; 2009б]. Косвенные показатели являются весомыми аргументами в изучении процессов, происходящих в глубинах осадочной толщи Земли, где прямые измерения сложны и малоинформативны. По косвенным признакам авторами была выдвинута концепция перманентного нефтегазообразования, в которой центральное место отведено явлению хемолитоавтотрофии [Они же 2010б; 2010в]. Этот метод, давший хорошие результаты на Земле, может быть с успехом применен при изучении проявлений жизни в подобных экосистемах космоса.

Явление хемолитоавтотрофии заключается в развитии сообщества микроорганизмов преимущественно с хемолитоавтотрофным типом обмена веществ по следующему механизму. Хемолитоавтотрофы способны использовать неорганические доноры электронов (прежде всего водород) и получать почти весь углерод путем фиксации двуокиси углерода. Для получения энергии эти микроорганизмы используют CO_2 в качестве акцептора водорода, что ведет к образованию метана и воды [Они же 2002; 2008; 2009б].

Среди метанобразующих бактерий, к которым относятся хемолитоавтотрофы, встречаются практически все известные формы, существуют мезофильные и термофильные виды. Некоторые из них, приспосабливаясь к окружающей среде, могут превращать окись углерода в метан или использовать другие доноры электронов (соединения серы, азота и другие). Число описанных родов и видов быстро растет. При всем многообразии их объединяют в группу «архебактерии» по целому ряду общих свойств. По особенностям их клеточных компонентов, присутствию механизма автотрофной фиксации CO_2 , высокой адаптационной способности и другим свойствам большинство из них рассматриваются как прямые потомки тех прабактерий, которые на заре эволюции смогли использовать неорганические соединения для своей жизнедеятельности. Ее следы оставлены более 3 млрд лет назад, например, в виде отложений восстановленного углерода в земных породах. От всех остальных архебактерии отличаются местообитанием с экстремальными условиями, часто при отсутствии кислорода. Такие условия встречались на ранней Земле и характерны для космических тел. Поэтому архебактерии, в первую очередь метанобразующие хемолитоавтотрофы, – первые кандидаты на обнаружение на космических объектах. Методы их выявления в земных условиях разработаны в аквагеоэкологии, и по аналогии они могут быть полезны в космических исследованиях.

В публикациях авторов, упомянутых книгах доказано, что в обнаружении хемолитоавтотрофии в природных экосистемах наилучшие результаты приносит использование комплекса газобиогеохимических показателей – критериев состояния самой микробиоты и активности среды обитания [Они же 2002; 2008; 2009а; 2009б; 2010а и др.]. По ним явление хемолитоавтотрофии установлено в придон-

ной среде и осадочной толще на 20–30 % площади дна Мирового океана, в частности в экстремальных рассолах Красного моря и других локальных экосистемах [Авилов, Авилова 2009б; 2010а]. Например, в местах захоронения во время войн в Балтийском море запасов химического оружия, содержащих иприт, мышьяк и другие ОВ, измерены повышенные содержания АТФ в воде и осадках. Микробильное сообщество адаптируется в условиях токсичной среды.

Недавние исследования специалистов NASA (осень 2010 г.) обнаружили поразительное адаптационное свойство микроорганизмов – использовать мышьяк, да еще в высокощелочной среде. Провели чистый эксперимент, поместив их в среду с мышьяком без фосфора. Каково же было удивление: эти микроорганизмы вместо фосфора в ДНК и РНК включали мышьяк. По оценке авторов, это еще один путь приспособления хемолитоавтотрофов в космосе.

Проявления хемолитоавтотрофии отмечены там, где протекают процессы глубинной дегазации Земли и разгрузки литосферы в динамически активных зонах. То есть необходимые газы в виде питательного субстрата поступают из недр Земли при ее дегазации. На их потоках при благоприятных условиях на разных этапах осадочной толщи хемолитоавтотрофы развиваются и генерируют биогенный метан, который, поднимаясь, образует области аномально высоких концентраций в воде и атмосфере. Высокие концентрации метана в атмосфере космических тел в сопоставлении с земными величинами относим к важным значимым признакам тектонической активности их недр и связанному с ней явлению хемолитоавтотрофии.

Хемолитоавтотрофия – вселенское явление. Учитывая накопленные знания, определяем главные признаки идентификации хемолитоавтотрофии на космических телах. Во-первых, активность и дегазация недр, поставляющие газовые компоненты (H_2 и CO_2), во-вторых, обнаружение продуктов жизнедеятельности хемолитоавтотрофов: в первую очередь легкоподвижные и достаточно устойчивые компоненты – метан и вода, а также останки микроорганизмов. Анализируя полученные сведения, выдвигаем концепцию о развитии хемолитоавтотрофии на многих космических объектах. По этим признакам, термодинамическим параметрам определяем благоприятную экосистему для данных микроорганизмов. Она существует на Земле, Марсе, Титане, Европе и других землеподобных планетах, которых по астрофизическим наблюдениям можно ожидать у большинства звезд.

Все становится на свои места, если принять концепцию космического распространения хемолитоавтотрофии. Тогда вода, обнаруженная на планетах и их спутниках, не предпосылка, а следствие, продукт жизнедеятельности в этих космических телах. Аналогично и метан. Например, в недрах планетоподобного Титана продолжается жизнедеятельность хемолитоавтотрофов, их подвижные метаболиты – метан и вода – мигрируют к поверхности, где превращаются в газогидраты или жидкий метан и далее переходят в атмосферу. Измеренное [Галимов 2010] содержание изотопа углерода атмосферного метана (приблизительно 80–90 ‰ в величинах $\delta^{13}C$) указывает на биохимическое происхождение метана на Титане. Хемолитоавтотрофная концепция объяснила суть происходящих в космосе биохимических процессов, ответив на поставленные вопросы, и тем самым утвердила право на свое существование.

Эти факты доказывают, что хемолитоавтотрофия является базовым вселенским явлением наряду со временем, гравитацией и др. Из этой концепции вытекают важные следствия. В области теоретической космологии можно проводить

исторические реконструкции. Примерно 5 млрд лет назад Марс был цветущей планетой, имелась жидкая вода, а Земля находилась в состоянии современной Венеры. Где-то 4 млрд лет назад температура Земли понизилась, возникла благоприятная экосистема и начали развиваться прабактерии (хемолитоавтотрофы), которые со временем заполнили водой океаны, создали условия для эволюции. А через 2–3 млрд лет благоприятная экосистема возникнет на Венере, прабактерии съедят ее углекислотную атмосферу, наполнят впадины водой.

Концепция позволяет воссоздать преобразования в галактических и вселенской экосистемах, а установленные общие закономерности спроецировать на Солнечную экосистему и нашу планету. На вселенский уровень выдвигаем проблему повсеместного распространения жизни, в том числе явления хемолитоавтотрофии. Успехи космонавтики обнадеживают. Орбитальные обсерватории только-только начали распознавать малую толику планет действенным методом транзитов, как счет открытых планет пошел на сотни. То, что предполагали многие, становится реальным. Землеподобных космических тел во Вселенной может быть больше, чем звезд. Там, где возникла благоприятная экосистема, существует своя жизнь, хотя бы на микробиальном уровне, с обязательным участием хемолитоавтотрофов во всей истории, как на Земле. Среди различных проявлений жизни прежде всего хемолитоавтотрофия претендует на роль вселенского явления.

Предложенная концепция также продвигает **вопросы практической космологии**. Утвердив определяющую роль жизни на начальном этапе в виде хемолитоавтотрофов, концепция объясняет единый механизм производства ими ресурсов воды и углеводов в космосе. Нами сформулирован главный постулат: «Вода и углеводороды из жизни, а жизнь – на глубинных потоках неорганических соединений». Из его идей по принципу подобия вытекает другое важное следствие: там, где обнаружены признаки хемолитоавтотрофии, следует искать потенциальные ресурсы. Так, на Марсе в недрах прогнозируем скопления жидкой воды, газа и нефти, возможно, угля. Во всяком случае, при планировании экспедиций на Марс приоритетной задачей надо ставить не поиск жизни (разве что только удостовериться, что она там есть), а разведку запасов. Насколько они будут полезны человеку, покажет будущее.

Потенциальные ресурсы космоса уже сейчас надо включать в перспективные планы. На это настраивает ускоряющийся прогресс человечества. Эксперты оценивают стремительные изменения в его структуре по обобщенным параметрам. За сто лет прошлого века народонаселение увеличилось в 3 раза, энергопотребление возросло в 10, скорость передвижения – в 100, а мощность оружия – в 1000 раз. По прогнозам ООН, к 2100 г. структура используемых энергоносителей кардинально преобразится – только 15 % будет приходиться в сумме на нефть, газ и уголь. Предрекается закат углеводородной экономики. Следует главный вывод: для удовлетворения разнообразных и постоянно возрастающих потребностей современной цивилизации необходимы привлечение большего количества энерго-ресурсов и поиск новых видов сырья. Поскольку надежды на земные источники тают, резонно обратить взгляд на космос. Необходимость принятия мер становится очевидной.

Решение проблемы носит системный, комплексный характер. Немаловажное место должно занять представление о запасах полезных веществ, потенциальных ресурсах космоса. Основными источниками энергии станут, как считают, термоядерные и космические источники, в частности солнечная энергия и ее производ-

ное – биотопливо. Перспективы атомной энергетики совсем не радужные, ее тормозят огромные радиоактивные отходы, а также технологические и социальные проблемы, связанные с их захоронением. Масла в огонь критики подливают катастрофы на атомных станциях (на Фукусиме и др.).

На замену уже через десятки лет, как считают, придет термоядерная промышленность, в которой будущее за термоядом на гелии-3, имеющем преимущества перед дейтериевым циклом в части экологической чистоты (без радиоактивности) и колоссального энергетического выхода. Препятствие – отсутствие сырья на Земле. Но его огромные запасы есть на Луне. Задача из области фантастики? Вспомним, К. Э. Циолковского в свое время тоже называли фантастом, а примерно через полвека его идеи были реализованы в спутниках на околоземной орбите, ознаменовавших начало космической эры. Мы считаем перспективным освоение ресурса гелия-3 в ближайшие полвека.

Возможно, в связи с этим происходит активизация программ исследования Луны с помощью автоматических аппаратов. Толчком послужила информация об обнаружении воды в лунном грунте зондом Chandrayaan-1. На 2013 г. намечена российско-индийская миссия Chandrayaan-2. Заместитель руководителя Федерального космического агентства А. Е. Шилов отметил, что наличие воды на Луне в какой-то форме практически доказано и зонд с посадочным аппаратом и минирoverом должен подтвердить это. Одновременно готовится реализация российского проекта «Луна-Глоб» для посадки аппарата в область полюса Луны и забора проб грунта. На очереди – подготовка российско-индийской миссии «Луна-Ресурс-2» по доставке образцов грунта на Землю. Подобные программы с использованием луноходов и сбором образцов готовят Япония и Китай, в перспективе ставя задачу доставки лунного грунта на Землю. Различные проекты во многом сходны не только принципами технических решений, но и задачами – поиск воды в виде льда или иной формы.

Обнаружение ресурсов воды на Луне открывает широкие практические возможности. Побуждающим мотивом может стать организация добычи и промышленной переработки гелия-3. Возникающие сложные технические проблемы диктуются удаленностью объекта и малыми концентрациями гелиевого сырья в лунном грунте – порядка 10 мг гелия на тонну. Гелий-3 надо отделить и доставить на Землю. Технология таких работ понятна специалистам, а технические вопросы, как уже заметили, решаются со временем гораздо быстрее, чем сейчас можно представить. Планируется смена тенденций – человек переходит от изучения к освоению Луны. В перспективе и пилотируемые полеты, и строительство станций на Луне, в основном с использованием роботов.

Активная роль российской космологии видится в генерации созидательных идей и организации международного сотрудничества для их реализации. Подтверждение предложенной авторами концепции вселенской хемолитоавтотрофии мы относим к актуальной задаче современной космологии. При этом надо иметь в виду, что хемолитоавтотрофы входят обязательной составной частью в разнообразный мир биоты, занимая свою небольшую нишу, но в благоприятных для них экстремальных условиях на отдельных космических телах они могут занять доминирующее положение в биосфере. Дать ответ уже могут исследования на ближайших космических объектах с экстремальными условиями – Марсе, Титане и др.

С этой точки зрения очень перспективной выглядит решимость многих стран направить пилотируемую экспедицию на Марс. В этом русле находится экспедиция ExoMars 2018, планируемая в благоприятном астрономическом окне весной 2018 г. на планете Марс. Ни у США, ни у Европы не хватало средств на новый крупный марсианский проект, поэтому они объединились в программе ExoMars. Директор научных направлений ЕКА Дэвид Саусвуд предложил: «Чтобы исследовать Марс по-настоящему, мы хотим собрать все таланты, которые только есть на Земле». В задачи проекта входят биологические и геохимические исследования. Российской космологии есть что предложить для этого проекта. В России проводят медико-биологический эксперимент «Марс-500», имитирующий полет международного экипажа на планету. В Китае разрабатывают сверхтяжелые носители (двигатели с 600-тонной тягой), надеясь расширить возможности для межпланетных полетов в космосе на несколько порядков.

Достижение этой цели может стать объединительной идеей для современной цивилизации. Российская наука в свое время создала основы космологии и продолжает способствовать прогрессу космонавтики. Разработанная авторами концепция вселенской хемолитоавтотрофии вносит вклад в общие усилия и задает вектор настоящих и будущих исследований российской космологии под девизом: «Жизнь определяет многие космические процессы, ресурсы космоса – Человеку!»

Литература

Авилов В. И., Авилова С. Д. Хемолитоавтотрофия в сфере проблем нефтегазодности акваторий // Геология, геофизика и разработка нефтяных и газовых месторождений. 2002. № 10. С. 7–9.

Авилов В. И., Авилова С. Д. Явление хемолитоавтотрофии в нефтегазообразовании // Геология и полезные ископаемые Мирового океана. Киев : Нац. академия наук Украины. 2008. С. 70–78.

Авилов В. И., Авилова С. Д. Информационная система аквагеоэкологии. М. : Прима-Пресс, 2009а.

Авилов В. И., Авилова С. Д. Газобиогеохимические исследования в придонной среде акваторий // Доклады Академии наук. 2009б. Т. 427. № 6. С. 821–825.

Авилов В. И., Авилова С. Д. Изучение экосистем в аквагеоэкологии. М. : Прима-Пресс, 2010а.

Авилов В. И., Авилова С. Д. Концепция перманентного нефтегазообразования // Всероссийская конференция с международным участием «Дегазация Земли: геотектоника, геодинамика, геофлюиды, нефть и газ, углеводороды и жизнь». М. : ГЕОС, 2010б. С. 11–14.

Авилов В. И., Авилова С. Д. Концептуальный подход к проблеме образования углеводородов // Геология, геофизика и разработка нефтяных и газовых месторождений. 2010в. № 8. С. 16–20.

Авилов В. И., Авилова С. Д. Океан – единый живой организм // Наука в России. 2011. № 1. С. 25–29.

Галимов Э. М. Замыслы и просчеты: Фундаментальные космические исследования в России последнего десятилетия. Двадцать лет бесплодных усилий. М. : Едиториал УРСС, 2010.

Ильин А. Первые открытия «Кеплера». WISE завершил обзор неба // Новости космонавтики. 2010. № 10(333). С. 68–72.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Чумаков А. Н.

д. ф. н., проф., первый вице-президент
Российского философского общества, зав. кафедрой
философии Финансового университета при Правительстве РФ.
E-mail: chumakov@iph.ras.ru

Рассматриваются современные подходы к осмыслению процессов глобализации и обусловленных ею кризисных явлений. Обращается внимание на разработку нового подхода, в котором на первый план выдвигаются межличностные, культурные и гуманитарные аспекты. На примере Китая показаны значительные потенциальные возможности и серьезные преимущества такого подхода перед традиционным, основанным на анализе экономических параметров общественной жизни. Делаются соответствующие обобщения и выводы.

Ключевые слова: культура, глобализация, экономический кризис, гуманитарная сфера, цивилизация, диалог, политика, общественное развитие.

In the article it is considered modern approaches to comprehension of the globalization processes and crisis phenomena it causes. The author draws attention to the development of a new approach where interpersonal, cultural and humanitarian aspects come to the fore. Using China's example he shows substantial implicit possibilities and definite advantages of such an approach in comparison with traditional, based mainly on analysis of economic parameters of social life. Appropriate generalizations and conclusion are given.

Keywords: culture, globalization, economic crisis, humanitarian sphere, civilization, dialogue, politics, social development.

Глобальный финансово-экономический кризис третий год держит в напряжении мировое сообщество, порождая новые принципиальной важности вопросы. Закончится ли он без новых всплесков и когда? Кроются ли его причины только в экономической, деловой сфере или заключены также в области идеологии, политики? Они обусловлены техническими просчетами или имеют системный характер? Как связаны с общими процессами глобализации? Наконец, какое место в финансово-экономических потрясениях глобального масштаба занимает гуманитарная сфера, культура в целом?

Ответы на эти и подобные им вопросы пытаются найти во всем мире, регулярно организуя международные и региональные встречи, форумы, конгрессы, конференции. При этом можно заметить явное различие в подходах к пониманию

Век глобализации 2/2011 174–180

сложившейся ситуации. Так, страны западного мира и ориентирующиеся на подобный путь развития общественные системы основной упор делают на анализе экономических, финансовых, управленческих, административных и т. п. вопросов, обсуждая их на экономических форумах в Давосе, Рио-де-Жанейро, Санкт-Петербурге, Ярославле и др.

Иной подход, основанный на первостепенном внимании к гуманитарной сфере, все более четко проявляется в странах, где техногенный тип развития не имеет глубоких корней и традиций. Так, в исламском мире фундаментальное значение придается религиозному фактору, а, например, в Китае, Азербайджане или Индии акцент смещается в область культуры и общественных отношений.

Китай в этом плане наиболее показателен и явно выходит на первые позиции, а потому заслуживает особого внимания. Еще недавно, казалось бы, отсталая страна все более уверенно набирает экономические обороты и демонстрирует способность решать сложнейшие не только экономические, но и социально-политические проблемы. Кто-то рассматривает это как чудо, кто-то – как результат сохранения идеологических устоев и приверженности социалистическим идеалам, но в основном сходятся на том, что за всем этим стоят правильно выбранные ориентиры экономической политики и эффективные технико-управленческие решения, согласующиеся с объективными процессами глобализации. С последним утверждением трудно не согласиться, ибо это действительно так. Но только лишь к этому дело не сводится, ибо суть происходящего несколько иная и заключена глубже. Дело в том, что в Китае умело сочетаются стратегия и тактика преобразований всей системы общественных отношений, в которых экономическая сфера хотя и рассматривается как важнейшая, тем не менее, не воспринимается в качестве единственной или, например, самой главной. Традиции, культура и возможности диалога интересуют китайцев не меньше, когда дело касается экономики, внутренней и внешней политики.

Этот же подход они демонстрируют и в процессе осмысления современных процессов глобализации, а также поиска путей выхода из явно затянувшегося глобального финансово-экономического кризиса. Так, Китай, который, по существу, никогда не был «техногенной цивилизацией», выступил с грандиозной гуманитарной инициативой, заявив о регулярном проведении Мирового культурного форума (World Cultural Forum [Taihu, China]), который задуман аналогично Давосскому мировому экономическому форуму и будет проходить с периодичностью один раз в два года. Таким образом, дело касается сферы, казалось бы, весьма далекой от решения сугубо прагматических задач, как то обычно представляется на первый взгляд, когда речь идет о внушительных успехах китайских экономических реформ. Однако с точки зрения перспективы и приоритета стратегического мышления, в пику осязаемым результатам и сиюминутным тактическим выгодам, принятое решение, несомненно, является знаковым, эпохальным.

Уже сделан и первый принципиальной важности шаг в этом направлении, а именно: 18–19 мая 2011 г. в одном из самых живописных мест Китая – Тайху (в окрестностях г. Суджоу) состоялась первая конференция этого форума под общим названием «Диалог и сотрудничество в целях мировой гармонии и общего развития».

На форум были приглашены известные ученые, общественные и политические деятели из многих стран мира, что предопределило соответствующий настрой участников и изначально задало высокий уровень теоретических обсуждений и развернувшихся дискуссий. Внушительное представительство китайской стороны было обеспечено делегатами ЦК КПК, Министерства культуры, образования и других государственных и общественных структур. Их выступления с приветственными речами и содержательными докладами были весьма конструктивными и оставили хорошее впечатление. С пленарными докладами выступили: премьер-министр Пакистана Юсуф Реза Гилани, экс-президент Португалии Марио Соареш, экс-президент Индонезии Мегавати Сукарнопутри, лауреат Нобелевской премии по экономике за 1999 г. профессор Роберт Манделл, президент Будапештского клуба Эрвин Ласло, один из ведущих китайских философов академик Китайской академии гуманитарных наук Ру Ксин, доктор философии, бывший посол Египта в Китае Мухаммед Номан Галал, доктор философии президент Кореической философской ассоциации Ёсу Ким и др.

Важно подчеркнуть, что в Тайху пытаются найти новые подходы к решению мировых проблем, на что указывает и тот факт, что данный форум замышляется в качестве гуманитарной альтернативы Давосу. Конечно, речь не идет о буквальном противопоставлении тому, что делается на получившем широкую известность экономическом форуме. Но пока Запад и некоторые другие страны настойчиво и целенаправленно анализируют экономические и финансовые проблемы в стремлении именно здесь отыскать причины разразившегося мирового кризиса и тем самым найти пути выхода из него, сформулировав концепцию дальнейшего социально-экономического развития, китайцы, с их умением не спешить и смотреть на века вперед, поняли главное: дело не только в экономике и даже совсем не в ней!

Главная проблема, как они справедливо полагают, в человеке, его поведении, ментальности и его качествах, которые не согласуются с современным, стремительно глобализирующимся миром. Здесь корень всех проблем. Иными словами, китайцы, почувствовавшие вкус к стратегическим прорывам, по существу, первыми увидели новые возможности там, где их еще пока никто по-настоящему не видит. Они тонко уловили суть происходящих перемен и стали осваивать никем еще не занятую нишу принципиальной важности, особенно сильно давшую о себе знать в контексте последнего мирового финансово-экономического кризиса. А он, как это уже признают серьезные аналитики, ярко высветил не столько экономические ошибки и технические просчеты отдельных государств и соответствующих мировых структур, сколько *кризис культуры и духовности, нравственной составляющей на всех уровнях общественного развития.*

Все это трудно понять, если мыслить категориями сиюминутной выгоды, смотреть на короткую дистанцию и жить одним днем. Однако в контексте исторической перспективы, если не только смотреть вперед, но и создавать будущее, это именно так.

Делая серьезный поворот в сторону гуманитарной сферы, Китай рано или поздно и здесь выйдет на лидирующие позиции, задавая тон на этом принципиальном и стратегически важном направлении. Уверенность в правильности такого шага только возрастает, когда мы наблюдаем малоэффективные попытки управлять мировыми делами при помощи только финансовых и экономических рыча-

гов. Об этом же говорит и неспособность мирового сообщества, равно как и отдельных стран реализовать концепцию «устойчивого развития». Наконец, рост межрелигиозного противостояния, усиление международного терроризма и провал (причем далеко не только в Европе) политики мультикультурализма дают основание полагать, что именно здесь, в сфере общественных отношений и человеческих качеств¹, следует ожидать прорыв, который пока только угадывается и для многих еще не очевиден.

Китайцы в соответствии с заветами Дэн Сяопина «хладнокровно наблюдают», «уверенно реагируют на изменения», «делают конкретные дела» и «укрепляют позиции», тогда как в техногенных культурно-цивилизационных системах еще не обращают должного внимания на гуманитарную сферу и по-настоящему в нее не вкладываются².

Кто окажется прав, чья позиция лучше отражает реальность, наконец, что в конечном счете будет более действенным: западная тактика или китайская стратегия – на все эти вопросы ответит время. Как минимум, китайцы ничего не потеряют. Но в случае правильно выбранной стратегии и верно взятых ориентиров борьбу за выживание и лучшие позиции в глобальном мире они выиграют. Когда? Это уже не так важно, если иметь в виду их ментальность и особое восприятие времени. Быть может, отчасти понять дух такого восприятия мира помогут слова китайского премьера Чжоу Эньлая, который на вопрос американского президента Р. Никсона «Как Великая Французская революция повлияла на развитие западной цивилизации?» ответил: «Об этом еще рано судить».

Следует заметить, что китайцы не вдруг и не сразу пришли к своему решению основать Мировой культурный форум. К его открытию они долго и основательно готовились, опираясь в том числе и на свои весьма серьезные наработки в этой области. Достаточно сказать, что с 2004 г. на базе Пекинского университета ежегодно проходит Международный Пекинский форум, где гуманитарная проблематика находится в центре внимания. Последний – «XII Международный Пекинский Форум 2010» – состоялся 4–7 ноября 2010 г. и был посвящен теме «Гармония цивилизаций и процветание для всех. Обязательства и ответственность за лучший мир». В нем приняли участие ведущие ученые, общественные и политические деятели практически из всех наиболее значимых стран развитого и развивающегося мира. Форум прошел на самом высоком уровне и оставил сильное впечатление. Достаточно сказать, что среди его участников и основных докладчиков были: бывший британский премьер Тони Блэр, бывший президент Мексики Эрнесто Зедилло, бывший президент Нигерии Олусегун Обасанджо, вице-премьер КНР Ванг Квишан и др. Среди тех, чьи доклады вызвали особый интерес, хотелось бы отметить Паоло Гуэррьери – итальянского профессора экономики, вице-президента Института международных отношений (Рим) – и Грегори Чина – сотрудника Центра международного управления инновациями, профессора экономики отдела политических наук Йорского университета (Канада).

Следует подчеркнуть, что идеологию, а также цель и задачи своих начинаний организаторы столь масштабной акции сформулировали предельно четко, пропи-

¹ Одним из первых, кто поднял эту тему на серьезный уровень обсуждения, был основатель и первый президент Римского клуба А. Печчеи, выпустивший в 1977 г. свою знаменитую книгу «Человеческие качества». См. в русском переводе: Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980.

² К большому сожалению, в России в этой области дела обстоят и того хуже.

сав их уже в преамбуле основных документов форума. В ней, в частности, говорится: «Земля – колыбель для всего живого и общий дом, в котором мы живем. Она породила и продолжает производить многочисленные разновидности различных форм жизни и человеческих цивилизаций. Это не только обеспечивает материальные потребности нашего выживания и развития, но является также духовной гаванью, в которой мы можем укрыться, когда ищем утешение и мир.

От начала своей истории люди прошли большой путь развития человеческих цивилизаций от длительного периода темноты примитивной жизни, через ассоциирующиеся с рассветом тысячелетия развития аграрных обществ, к усиливающемуся свету промышленного прогресса в течение последних столетий; в течение этого процесса мир был свидетелем рождения и роста несметного числа человеческих цивилизаций. Однако как раз теперь, когда мы гордимся нашими достижениями в создании развитых цивилизаций на Земле, мы не можем закрывать глаза на колоссальное опустошение, которым человеческие цивилизации грозят природе, не можем не обращать внимания на негативные последствия, которые они оставляют на своем пути, равно как и не замечать того, что все это драматично опрокинуло равновесие и нарушило гармонию естественного порядка вещей. Кроме того, современные общества, находясь в ситуации острой конкурентной борьбы, преследуют собственные материальные выгоды и стремятся к беспрецедентным экономическим достижениям. Результатом всего этого является растущее социальное неравенство, ухудшение нравов, нарастание идеологического и духовного кризиса»³.

Обосновывая свою инициативу, направленность действий и последовательность предпринимаемых шагов, организаторы форума отмечают, что «наши действия сегодня, бесспорно, формируют перспективу нашего будущего. Поэтому так важно и, более того, абсолютно необходимо дать серьезный анализ сложившейся ситуации, осмыслить влияние, которое наше социальное развитие оказывает на окружающую среду и на наш внутренний духовный мир. А это означает, что мы должны заниматься вопросами, которые имеют стратегическое значение по отношению к человеческому выживанию и развитию.

Таким образом, чтобы впредь обеспечить себе лучший мир, мы должны предпринять усилия к построению социальной гармонии, посвятить себя сохранению естественной среды обитания и построению цивилизации с высоким культурным и идеологическим уровнем».

Далее, обосновывая необходимость уделять первостепенное внимание гуманитарной сфере в условиях глобальных изменений, китайцы особо подчеркивают: «Глобализация порождает серьезные проблемы типа глобального экологического кризиса, международного финансового кризиса, политических и военных столкновений, религиозных и национальных конфликтов, терроризма, неравенства и т. д. При этих обстоятельствах мы должны не только анализировать эти проблемы и искать ответы с помощью науки, технологии, экономики и политики, но также должны более глубоко размышлять о перспективах веры, этики и основных ценностей. Иначе мы не будем в состоянии понять экзистенциальные доктрины друг друга, не сможем действовать на основе здравого смысла, не говоря уже

³ Здесь и далее приведены цитаты с сайта: www.beijingforum.org

о том, чтобы быть в состоянии брать на себя общую ответственность или общие действия в интересах нашего общего дома».

Сказанное лишь подтверждает, что наука и образование в Китае активно развиваются и заметно укрепляют свои позиции на мировой арене. Характерным же является то, что гуманитарное направление находится на особом положении, ему уделяется особое внимание и оно явно на подъеме. Об этом же свидетельствует и большая научно-исследовательская активность китайских университетов, причем далеко не только столичных. Множество международных конференций, регулярно организуемых различными университетами при активной и щедрой поддержке со стороны государства, – еще один аргумент к сказанному. При этом материалы конференций неизменно публикуются на китайском и английском языках и широко освещаются в средствах массовой информации. Что особенно важно, так это состав участников конференций. Обычно 50–70 % аудитории составляют студенты и аспиранты; наряду с учеными и профессорско-преподавательским составом неизменно активно участвуют китайские политические и общественные деятели, представители культуры. Иностранных ученых (как правило, с солидным статусом) приглашают от десяти до тридцати человек, а их расходы обычно полностью берет на себя китайская сторона.

Характерным примером такого рода может быть Международная конференция *«Традиции и современный мир: на пути к мультикультурному диалогу и коммуникациям в сфере идей и ценностей»*, которая состоялась 11–14 декабря 2009 г. в Пекинском педагогическом университете. Помимо данного университета в организации и проведении конференции также принимали участие такие ведущие университеты Китая, как Пекинский университет, Университет Синьхуа, Народный университет Китая и др. Из 12 приглашенных иностранных участников 7 представляли США, 2 – Германию, 1 – Австрию, 1 – Италию и 1 – Россию.

Сказанное в отношении университетов в полной мере относится и к системе высшего образования в целом, щедро поддерживаемой правительством Китая. Убедиться в этом несложно, если на протяжении даже незначительного времени несколько раз посетить какие-то конкретные китайские университеты и познакомиться с их материально-технической базой, которая, как не трудно будет заметить даже визуально, постоянно и основательно обновляется. Все это, помимо хорошо организованного учебного процесса, поощрения научных командировок и повышения квалификации, создает хорошие возможности для сотрудничества с ведущими зарубежными университетами, стимулирует осуществление совместных научных программ и научно-исследовательских проектов, способствует взаимному посещению с лекциями ведущих ученых, международному обмену студентами, аспирантами и т. п.

Справедливости ради надо сказать, что в современном мире Китай является не единственной страной, где стремятся к комплексному, системному решению проблем с серьезной опорой на гуманитарное знание. Движение и определенные результаты в этом направлении можно видеть, например, в Азербайджане, где Министерство культуры и туризма совместно с Национальной академией наук Азербайджана заявило о регулярном проведении Всемирного форума «Диалог культур». Первая международная конференция «Многообразие культур и фило-

софия диалога в современном мире», организованная в рамках этого форума с участием первых лиц государства и большим пленарным докладом президента страны, состоялась в Баку 6–9 апреля 2011 г.⁴

С момента появления нового тренда прошло немного времени, но уже очевидно, что инициативы Китая и Азербайджана конституировать и регулярно проводить всемирные гуманитарные форумы наряду с Всемирным экономическим форумом в Давосе полностью себя оправдывают. Независимо друг от друга участники столь высоких собраний справедливо отмечают, что наиболее серьезные проблемы современности возникают по причине кризиса духовности и отсутствия должного взаимопонимания между народами. Поэтому так важно исследовать возможности для эффективного межкультурного диалога, и состоявшиеся встречи уже стали серьезным шагом на этом пути. Несомненная польза от подобных форумов и в том, что рассмотрение теоретических общегуманитарных проблем на таких встречах проходит с участием крупнейших ученых с мировыми именами, а также известных политических и общественных деятелей.

Отмеченные выше тренды в развитии современной науки и образования позволяют сделать вполне определенные выводы в отношении нашей страны. Вне всякого сомнения, те, кто несет ответственность за принятие решений в данной сфере на самом высоком уровне, должны обратить внимание на новейшие тенденции мирового развития. Следует также адекватно оценить реакцию на эти перемены со стороны других государств и осознать, наконец, что будущее закладывается сегодня, причем в первую очередь в духовной, гуманитарной сфере. При этом важно иметь в виду, что перспективы общественного развития будут зависеть от правильно выбранных целей и приоритетов. Успехи же и конкурентоспособность в глобальном мире будут определяться не денежными поступлениями от продажи ресурсов, не грубой мощью силовых структур и жестко выстроенной «вертикалью власти», а развитостью гуманитарной сферы и мудрым управлением, раскрывающим «человеческий капитал» и общественную инициативу. Иными словами, перед вызовами глобализации в более выгодной ситуации окажутся те страны, где первостепенное внимание уделяют культуре, что, несомненно, скажется на том, насколько развитым будет гражданское общество и насколько эффективно будут задействованы новые технологии общественного управления, именуемые «мягкой силой» (soft power).

⁴ Более подробно об этом форуме см. в статье Р. Рзаевой «Многообразие культур и философия диалога в современном мире», опубликованной в данном номере журнала.

МНОГООБРАЗИЕ КУЛЬТУР И ФИЛОСОФИЯ ДИАЛОГА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Рзаева Р. О.

к. ф. н., зам. директора Института философии,
социологии и права Национальной академии наук Азербайджана.

E-mail: philsoclaw@gmail.com

Подводятся итоги Бакинского Всемирного форума по межкультурному диалогу, рассматриваются основные выступления и различные точки зрения, прозвучавшие в дискуссиях и обсуждениях докладов. Выявляются роль и значение данного форума для решения современных проблем глобализации, дается оценка как самой идее его проведения, так и перспективам реализации принятых решений. Особое внимание уделяется необходимости разработки философии диалога.

Ключевые слова: философия, межкультурный диалог, культура, современный мир, глобализация, мультикультурализм, цивилизация.

The author summarizes the World Forum on Intercultural Dialogue held in Baku, observes the major presentations and different viewpoints stated in debates and discussions. The role and importance of the Forum for solving modern globalization problems is explored; the very idea to hold such a forum and realization of its decisions is evaluated. Special attention is paid to the necessity to develop dialogue philosophy.

Keywords: philosophy, intercultural dialogue, culture, modern world, globalization, multiculturalism, civilization.

С 7 по 9 апреля 2011 г. в Баку под патронажем президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева проходил Всемирный форум по межкультурному диалогу, инициатива проведения которого была выдвинута на 65-й сессии Генеральной ассамблеи ООН 23 сентября 2010 г. в Нью-Йорке.

Всемирный форум проводился в Баку, во дворце «Гюлистан» при поддержке ЮНЕСКО, Альянса цивилизаций ООН, Совета Европы (СЕ), Центра «Север – Юг» СЕ, ИСЕСКО, а также Евроньюс.

Межкультурный диалог, являющийся актуальным вопросом современности и составляющий глобальную повестку дня, ставит все человечество перед вопросом о наилучшем варианте его реализации в различных контекстах. В условиях глобального изменения культурной составляющей, характеризующейся усиливающейся взаимозависимостью в мире, мультикультурализм приобретает все большее значение и актуальность.

В этом измерении форум, на котором были представлены люди со всех континентов мира, приобретает значение и актуальность с точки зрения культурного плюрализма и межкультурного диалога как источника обогащения.

Век глобализации 2/2011 181–187

Именно это понимание легло в основу названия сессии открытия форума «К миру без границ», на которой выступил с речью президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев.

Глава государства отметил значение форума для межкультурного диалога и его проведения именно в Азербайджане, в Баку – основоположнике традиции проведения подобных представительных мероприятий, описав предысторию международного мероприятия такого формата. Господин И. Алиев подчеркнул, что именно географические, исторические и культурные основы на протяжении веков сделали Азербайджан традиционным пространством для проведения межкультурных мероприятий.

Основными стержневыми темами обсуждения на форуме были следующие вопросы:

- Как сделать диалог более содержательным?

На очередной сессии форума, проходившей под названием «Более содержательный диалог: культура, искусство и наследие», говорилось о наиболее приемлемых рамках для поддержания межкультурного диалога и достижения позитивных результатов.

- Женщины как ключевые участницы межкультурного диалога.

На этой сессии с содержательной речью выступила президент Фонда Гейдара Алиева, посол доброй воли ЮНЕСКО и ИСЕСКО, депутат Милли Меджлиса Мехрибан ханум Алиева.

Акцентуация на роли женщин в межкультурном диалоге приобретает особое значение в контексте отхода от стереотипов и предрассудков и формирования гендерной культуры, что актуализируется в контексте взаимообусловленного и взаимозависимого соотношения гендера, культуры развития и глобальной этики. Сосуществование различных культурных контекстов в мировом масштабе обуславливает необходимость привлечения и содействия межкультурному диалогу в современную эпоху больше, чем когда-либо.

- Религиозная составляющая межкультурного диалога.

В частности, в ходе этой сессии обсуждались диалог между и внутри мировых религий, мультикультурализм и толерантность.

- Влияние технологий, социальных медиа и журналистики на межкультурные отношения.

Темами данной сессии являлись взаимосвязь и взаимовлияние медиа и современных технологий на диалог и наоборот.

В целом на форуме обсуждались пути и способы реализации межкультурного диалога в свете вызовов современности и современного культурного разнообразия. Целью Всемирного форума стало осмысление плюралистических перспектив в мире.

Общие универсальные ценности, составляющие основу каждой культуры в отдельности, а также всех культур мира, представляют собой тот пласт, который может послужить платформой для межкультурного диалога.

В этом контексте философское осмысление форм и условий построения межкультурного диалога приобретает большое значение.

7–9 апреля 2011 г. в рамках Всемирного форума по межкультурному диалогу в Баку состоялась Международная научная конференция «Многообразие культур

и философия диалога в современном мире». В конференции наряду с учеными-философами из стран Европы, Африки, Азии принимали участие и ученые Азербайджана. В центре внимания конференции – осмысление понимания философии диалога, способной ответить на вызовы современного мира, поиск диалога между глобализацией и идентичностью.

Ни одна дисциплина в мире не может оказать такое содействие межкультурному диалогу, как философия. Современные реалии, в частности глобализация, требуют расширенного и углубленного понимания диалога, который должна предложить именно философия. Она, проблематизируя межкультурный диалог как совокупность контекстуальностей и составляющих, посредством их осмысления актуализирует потребность поиска путей его эффективности. Таким образом, именно философия, подчеркивая значение всех глубинных составляющих диалога, способна предложить тот смысловой и этический фундамент, который необходим для определения форм построения межкультурного диалога.

Конференция началась с демонстрации видеоролика о философской науке в Азербайджане.

В первый день конференции состоялось пленарное заседание, на котором с докладами выступили директор институтов философии и руководители философских организаций, а также видные ученые: директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана И. Р. Мамедзаде (Азербайджан), директор Института философии Российской академии наук А. А. Гусейнов (Россия), профессор К. Гюрсой (Турция), директор Института философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан А. Н. Нысанбаев (Казахстан), директор Института философии Национальной академии наук Беларуси А. А. Лазаревич (Беларусь), первый вице-президент Российского философского общества А. Н. Чумаков (Россия).

Открыл пленарное заседание директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана доктор философских наук Ильхам Мамедзаде, выступив с докладом на тему «Диалог культур в контексте философской рефлексии».

В своем выступлении И. Мамедзаде, отмечая, что позитивной альтернативы диалогу культур в условиях глобализации нет и что он требует не только участия, но и рефлексии по поводу того, какое сознание способно к нему, как его вести и т. д., подчеркнул, что проведение в стране за последние годы нескольких общественно и международно значимых конференций, связанных с диалогом культур, религий и цивилизаций, свидетельствует о том, что азербайджанская политическая и интеллектуальная элита в своем курсе на социокультурную модернизацию понимает и принимает свою ответственность в участии в этом процессе.

По словам И. Мамедзаде, в культуре всегда (потенциально) присутствует диалог как отношения разных культур и в то же время как диалог человека с самим собой по поводу своего выбора, то есть самоопределения и самоидентификации. Говоря о курсе модернизации, провозглашенном президентом Азербайджанской Республики И. Алиевым, ученый отметил, что модернизация неотделима от науки, от уровня философской рефлексии, от специфики отношений в обществе.

Директор Института философии Российской академии наук академик Абдулсалам Гусейнов, подчеркивая особую роль философии в межкультурном диалоге, отметил, что анализ взаимодействия культур в режиме диалога обусловлен как

диалогическим потенциалом самой философии, так и особой ее ролью в самой культуре. Он акцентировал внимание на значении философии как дисциплины, служащей интеллектуальной и этической основой для межкультурного диалога благодаря своим универсальным принципам.

Профессор Кянан Гюрсой в своем докладе «Разнообразии культур и этика сосуществования в эпоху глобализации» попытался раскрыть значение, по его определению, «этического сознания в культуре» через движение от отношения к Другому на индивидуальном уровне к отношению к «другим» культурам на межкультурном уровне. Профессор также заострил внимание на необходимости выработки для каждой культуры способа, метода гармоничного сосуществования «отличий» внутри одной культуры и изучения основных этических ценностей универсального характера, обеспечивающих синтез и успех сосуществования, в качестве примеров которых отметил ряд городов, в том числе и Баку.

На культурно-исторических предпосылках межконфессионального взаимодействия духовного согласия в Республике Казахстан акцентировал внимание директор Института философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан академик А. Н. Нысанбаев. В своем докладе «Смысл и ценность концепта взаимопонимания в пространстве межкультурного диалога» академик говорил о типах диалога и оптимальном варианте, необходимом для духовно-нравственного взаимопонимания. По словам ученого, к философскому взаимопониманию приближает именно диалог, подразумевающий свободу.

С докладом «Глобальная коммуникация и национально-культурная идентичность» выступил директор Института философии Национальной академии наук Беларуси А. А. Лазаревич. Он отметил, что мир вне категорий взаимодействия и диалога – это мир без будущего, мир, обреченный, мягко говоря, на неуспех. Ученый подчеркнул ценность философии как способа постижения мира, имеющего неповторимую спецификацию как на личностном, так и на уровне общественного сознания. А. А. Лазаревич подчеркнул механизмы сохранения национально-культурной идентичности в условиях трансформации коммуникационного пространства человека и общества. Ученый в качестве оснований национальной самоидентификации рассмотрел опыт философской реконструкции духовно-культурного наследия нации. Отмеченные А. А. Лазаревичем вопросы были проанализированы им в условиях постиндустриального информационного общества и новых технологий социальной коммуникации.

В своем выступлении на тему «Культурно-цивилизационный аспект диалога в глобальном мире» первый вице-президент Российского философского общества профессор Александр Чумаков заострил внимание на том, что конструкция современного мира на всех уровнях (глобальном, региональном, локальном) все больше приходит в противоречие с объективными процессами глобализации. По его мнению, политика мультикультурализма, не учитывающая цивилизационный разрыв в развитии различных культур, обречена на провал. Отсюда культурно-цивилизационный диалог в глобальном мире является, по существу, единственным приемлемым способом разрешения противоречий и обеспечения сбалансированного общественного развития. Он также подчеркнул, что для продуктивного диалога на глобальном уровне требуется как минимум признание необходимости: а) общей для всех системы основных этических норм и ценностей (общечеловеческой морали); б) единого правового поля (глобального права); в) религиозной то-

лерантности и свободы совести, формирование которых становится приоритетной задачей современного человечества.

Член-корреспондент НАН Азербайджана профессор С. Халилов в своем докладе «Цивилизация, культура, нравственность: идентичные и отличные моменты» остановился на классификации понятий «цивилизация» и «культура» и отметил общность понятия «цивилизация» в этом контексте. Соответственно, по словам С. Халилова, в этом смысле можно говорить о диалоге культур, а не цивилизаций.

Заведующая отделением истории философии и общественной мысли Института философии, социологии и права НАН Азербайджана профессор Зумруд Кулизаде выступила с докладом «История философии исламского региона в контексте диалога культур эпохи глобализации».

В рамках международной конференции были проведены заседания двух круглых столов, первый из которых так и называется – «К пониманию философии диалога в современном мире». Он был посвящен вызовам современного мира и философии диалога, проблемам модернизации национального сознания на постсоветском пространстве, толерантности и другим вопросам.

Заведующий департаментом философии и философской антропологии Инсбрукского Университета Австрии профессор Г. Кёхлер в докладе «Диалог цивилизаций и вызовы мультикультурализма» акцентировал внимание на важности понимания нормативных и социальных оснований диалога и идентификации принципов, которые лежат в основе национально-культурной специфики. По словам профессора, «философия диалога» стала обязательным элементом любой политики, нацеленной на достижение «единства в (культурном) разнообразии» и, таким образом, обеспечение социального мира. Г. Кёхлер в своем выступлении рассказал в общих чертах о некоторых из основных особенностей «герменевтики диалога», которая в условиях глобализирующегося мира стала неперенным условием мирного сосуществования среди культур и цивилизаций.

С докладом «Возможна ли не-западная философия?» выступил член-корреспондент РАН заместитель директора ИФ РАН А. В. Смирнов. Он отметил следующее: несмотря на то, что за последние десятилетия много говорилось о «не-западной философии», в многочисленных изданиях термин «не-западная» не проясняется, и не обсуждается значение не-западного философствования. А. В. Смирнов выдвигает тезис, что если для западной культуры характерна субстанциально-ориентированная картина мира, то для арабской – процессуально-ориентированная картина мира, рассматривая его в названных аспектах связки и фундаментальной онтологии.

Ученый из Турции, профессор кафедры философии факультета естественных наук – литературы Университета «Акдениз» Исмаил Якыт выступил с докладом «Место и значение национальной культуры в образовании». Он акцентировал внимание на необходимости определений понятий «культура», «национальная культура», «цивилизация» и «образование» и на их взаимосвязях. По словам И. Якыта, мосты, которые должны быть сооружены между культурами в глобализирующемся мире, должны сооружаться не за счет пренебрежения национальной культурой, наоборот, посредством воспитания молодежи в этом духе, тем самым предоставив ей возможность сравнивать культуры и привнести богатство своей национальной культуры в мировую.

Заведующий сектором социальной философии ИФ РАН академик РАН, профессор В. Г. Федотова определила диалог культур и цивилизаций как социальную инновацию периода глобализации. По ее словам, поздняя современность наших дней утрачивает монологизм и ищет в диалоге новые разумные основания. Согласно профессору, чтобы говорить о диалоге как между людьми разной рациональности, так и между разными цивилизациями, необходимо, по определению Ю. Хабермаса, избежать крайностей толерантности и «гуманитарной интервенции».

Были заслушаны также доклады Н. Мамедова, А. Ф. Абасова, Т. Джемиля из Румынии, З. Хеншелави из Алжира, Рабиту Ньёя из Камеруна и др.

9 апреля состоялся очередной круглый стол на тему «Многообразие культур и глобализация: освобождаясь от стереотипов и в поиске диалога». Это мероприятие стало итоговым заседанием международной конференции «Многообразие культур и философия диалога в современном мире», проводимой в рамках Всемирного форума по межкультурному диалогу.

В центре внимания круглого стола – поиск диалога между глобализацией и идентичностью и риски современности. На круглом столе ученые провели обмен мнениями по вопросам культуры и религии, диалога Востока и Запада и других тем.

В своем выступлении «Современность: дискурс постмодерна» заместитель директора Института философии, социологии и права НАН Азербайджана кандидат философских наук Р. О. Рзаева акцентировала внимание на актуализации в современную эпоху значимости рефлексии в общественном сознании наблюдаемых в обществе тенденций и процессов. Как отметила Р. О. Рзаева, констатация перехода к «рефлексивной современности» актуализирует сознание и его значение сегодня больше, чем когда-либо. Согласно Рзаевой, у каждой эпохи есть своя современность, во всяком случае, ее понимание, и степень или уровень современности того или иного общества должны определяться его способностью ответить на ее вызовы, то есть вызовы современности.

В свою очередь доцент кафедры социологии Московского государственного института международных отношений при МИД РФ кандидат социологических наук Н. Н. Федотова в докладе «Конфликты, идентичность и диалог» дала классификацию насилию: прямое, структурное, не прямое, культурное. В этой призме ученый проводит параллели между теорией столкновения цивилизаций и концепцией диалога культур как ее оппонента, акцентирует внимание на необходимости условий для диалога. Согласно Н. Федотовой, диалог, присущий демократии, – это путь от компромисса по конкретным вопросам в начальной стадии диалога к компромиссу, означающему жертву части интересов во имя общего блага с сохранением своих базовых интересов.

Заместитель директора ИФ РАН, ученый секретарь Международной ассоциации философских институтов Европы и Азии, доктор философских наук С. А. Никольский заострил внимание на необходимости рассмотрения на такого рода мероприятиях политических, социальных и других смысловых составляющих понятия «культура». Согласно ученому, данный подход способствует конкретизации вопросов, в частности связанных с идентичностью, культурной интеграцией.

С докладами также выступили С. Виндиш-Грец из Бельгии, С. Слимман из Ливана, Г. Курмангалиева из Казахстана, ректор Университета «Хазар» (Баку, Азербайджан) Дж. Райдер, А. Абасов, Р. Д. Азимова, Э. Шахгалдиев, Р. М. Ильясов, Э. М. Самедов, А. Э. Гаджиева и другие.

На третий день конференции состоялась церемония закрытия, где был обсужден и принят меморандум. В меморандуме отмечается, что участники конференции «Многообразие культур и философия диалога в современном мире» – известные ученые и философы Европы, Азии и Африки – констатируют, что в условиях глобализации вместе с выраженным стремлением сохранить самобытность и многообразие культур мира расширяется взаимодействие культур. Философы – участники конференции, осознавая свою ответственность за разработку эпистемологических и этических оснований общественной жизни в режиме диалога, видят настоящее и ближайшее будущее человечества в диалоге культур, направленном на сохранение единства мира в его многообразии и через многообразие. Для становления действенных форм сотрудничества и взаимоприемлемых этических стандартов особое внимание необходимо уделить разработке философии диалога.

Участники конференции сочли необходимым публикацию ее материалов с учетом научно-теоретического и практического значения идей, прозвучавших на конференции, и призвали способствовать сотрудничеству философов в исследовании проблем диалога культур, тем самым принимая в нем участие, в частности поддерживая деятельность Международной ассоциации исследовательских институтов философии Европы и Азии как организации по установлению сотрудничества и доверия между учеными в области философии.

Отметив успешное проведение форума, участники конференции выразили признательность руководству Азербайджана за организацию мероприятия на столь высоком уровне, что подтверждает усилия Азербайджана в укреплении сотрудничества, углублении философии диалога и утверждении климата доверия в мире.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ПРИВЕТСТВИЕ ДЕПУТАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ А. И. ГУРОВА

Уважаемый Александр Николаевич!

25 апреля 2008 г. был подписан в печать первый номер журнала «Век глобализации», летом того же года издание успешно прошло презентацию на XXII Международном философском конгрессе в Сеуле (Южная Корея), а в настоящее время журнал уже занимает 135-ю строку в Перечне ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Это очевидный прогресс, достигаемый далеко не каждым печатным изданием, мнящим себя глашатаем фундаментальной науки!

Лично мне «Век глобализации», к слову, как немало других научных источников, известен по причине осуществления депутатской деятельности. Сегодня, знаете ли, без квалифицированных, компактно и внятно изложенных сведений о сути той или иной проблемы, будь она социального характера или природного, без «горячей» информации в политической жизни просто не обойтись. В этом смысле названный журнал выгодно отличается от немалого списка научных изданий, включенных в упомянутый выше Перечень ВАКа. Почему?

Объяснение простое. На страницах «Века глобализации» буквально с первого его номера начали выступать крупные специалисты, причем из разных областей знания и не только граждане Российской Федерации. Такой междисциплинарный подход заведомо обрек журнал на публичный успех. Не думаю, конечно, что его читают подобно газете «Жизнь» в каждой пригородной электричке, но интерес к очередному номеру со стороны публики думающей, пусть и не многомиллионной, несомненен. Хотя, с другой стороны, обязательное ознакомление в учебных программах с содержанием «Века глобализации» и среди школьников-старшеклассников, студенческой аудитории, равно как профессорско-преподавательского состава, вреда бы интеллектуальной составляющей современного российского общества не принесло. Наоборот, преумножило коллективный Разум, столь ценный в текущем бытии.

Немаловажно и другое. Учредителем журнала выступает издательство «Учитель». Да, учредитель располагается в городе-герое Волгограде, не в городе-герое Москве. Но этот аспект отражен в названии журнала – «Век глобализации». В наши дни географические расстояния благодаря НТР становятся столь скромным фактором, что будь учредитель во Владивостоке (если брать пределы Российской Федерации), абсолютно ничего бы не изменилось, исключая разве что ценовую составляющую.

Завершая свое приветствие ВАКовскому журналу «Век глобализации», хотел бы традиционно пожелать его шеф-редактору профессору Леониду Ефимовичу Гринину (издательство «Учитель»), главному редактору профессору Александру Николаевичу Чумакову, редакционной коллегии и международной редакционной коллегии (не стану перечислять всех персонально, однако обращаю внимание на многонациональный состав ученых обеих коллегий, что сегодня так важно для укрепления, как говорили прежде, дружбы народов, и, как произносят в наши дни – межэтнического и межконфессионального единения) и, разумеется, читателям этого замечательного фундаментального научного издания – крепкого здоровья, творческих успехов и дальнейшего освоения научного пространства в национальных (российских) и международных масштабах!

С трехлетним юбилеем вас, друзья и коллеги!

*Депутат Государственной Думы, председатель Комиссии
по мандатным вопросам и вопросам депутатской этики,
член Комитета по безопасности, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
член Союза писателей России и пр. А. И. Гуров*

НАШИ АВТОРЫ

АБЫЛГАЗИЕВ Игорь Ишеналиевич – доктор исторических наук, профессор, научный руководитель факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова.

АВИЛОВ Владимир Игоревич – доктор технических наук, главный научный сотрудник Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН. *E-mail: avands@yandex.ru*

АВИЛОВА Светлана Давыдовна – доктор биологических наук, главный научный сотрудник Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН. *E-mail: avands@yandex.ru*

БОРЗЫХ Станислав Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Томского государственного архитектурно-строительного университета, член Российского философского общества. *E-mail: c_tac@ngs.ru*

ДАВИДЕНКО Ксения Вячеславовна – факультет глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова. *E-mail: bcbg@bk.ru*

ДЕРГАЧЕВА Елена Александровна – докторант кафедры философии Московского педагогического государственного университета, доцент, кандидат философских наук, заместитель декана факультета экономики Брянского государственного технического университета. *E-mail: lena_debusi@yahoo.com dergacheva@hotmail.ru*

ДРОБОТ Галина Анатольевна – доктор политических наук МГУ им. М. В. Ломоносова, факультет глобальных процессов, доцент. *E-mail: gdrobot@mail.ru*

ДУВЭ Вильям – старший партнер компании ANRC Consulting (Нидерланды). *E-mail: w.l.j.xu-doeve@anrc-consulting.com*

ИВАХНИЮК Ирина Валентиновна – доктор экономических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой народонаселения экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. *E-mail: ivakhnyuk@econ.msu.ru; irina.ivahnuk@mtu-net.ru*

ИЛЬИН Илья Вячеславович – доктор политических наук, доцент, декан факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова. *E-mail: dekanat@fgp.msu.ru*

КОМЛЕВА Елена Владимировна – научный сотрудник Института философии и политологии Дортмундского технического университета. *E-mail: komleva_ap@mail.ru*

ЛАСЛО Эрвин – основатель и президент Будапештского клуба, автор пятого доклада Римскому клубу «Цели для человечества», профессор Университета глобальных изменений им. Джордано Бруно. *E-mail: ervin@ervinlaszlo.it*

МОНАХОВА Ирина Рудольфовна – журналист, литературовед, член Союза писателей России. *E-mail: imonahova@list.ru*

РЗАЕВА Роида Октай кызы – кандидат философских наук, заместитель директора Института философии, социологии и права национальной академии наук Азербайджана. *E-mail: philsoclaw@gmail.com*

РУБЦОВ Борис Борисович – доктор экономических наук, заведующий кафедрой «Финансовые рынки и финансовый инжиниринг» Финансового университета при Правительстве РФ, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН. *E-mail: sdfa56@mail.ru*

САБЛИН Иван Валерьевич – магистрант Санкт-Петербургского государственного университета (направление «международные отношения») и Гейдельбергского университета (направление «глобальная история»). *E-mail: ivan.sablin@gmail.com*

СТЕПИН Вячеслав Семенович – академик РАН, руководитель секции философии, социологии, психологии и права отделения общественных наук РАН. *E-mail: rphs@iph.ras.ru*

ХАСБУЛАТОВ Руслан Имранович – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики РЭУ им. Г. В. Плеханова. *E-mail: hasbulatov@rea.ru*

ЧУМАКОВ Александр Николаевич – доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества, заведующий кафедрой философии Финансового университета при Правительстве РФ. *E-mail: chumakov@iph.ras.ru*

VEK GLOBALIZATSII
[AGE OF GLOBALIZATION]
Journal of Global Studies

Contents

Theory

László E. Global bifurcation: the time to make a decision (pp. 3–7).

Stepin V. S. Globalization and cultural dialogue: the matter of values (pp. 8–17).

Borzykh S. V. The concept of globalization: a new interpretation (pp. 18–31).

Khasbulatov R. I. Idols and idolaters: the failure of libertarianism. Paper 2 (pp. 32–40).

Drobot G. A. Global governance in the context of international relations theory (pp. 41–52).

Processes of Globalization

Dergacheva E. A. The peculiarities of global technospheric change of biosphere (pp. 53–61).

Abylgaziev I. I., Ilyin I. V. The ways to strategic stability (pp. 62–72).

Global Problems

Rubtsov B. B. Global financial markets: scales, structure, regulation (pp. 73–98).

Doeve W., Davidenko K. V. Global financial crisis: the lessons for policymakers (pp. 99–108).

Ivakhnyuk I. V. Labour migration regulation: global crisis' contradictory lessons (pp. 109–125).

Nature, Society, Man

Sablin I. V. International aspects of India and China' environmental policy (pp. 126–139).

Komleva E. V. Anthropological social nuclear phenomenon (pp. 140–149).

Russia in the Global World

Monakhova I. R. Russian mentality in the light of global challenges – eternal and modern (pp. 150–162).

Avilov V. I., Avilova S. D. Russian cosmology for solving global problems (pp. 163–173).

Scientific Life

Chumakov A. N. Culture and globalization challenges: new approaches (pp. 174–180).

Rzaeva R. O. Cultural diversity and philosophy of dialogue in the modern world (pp. 181–187).

The Letter to the Editors (pp. 188–189).

The Authors of the Issue (p. 190).

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегель 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой («закавыченной») цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Дройзен И. Г. История эллинизма. СПб. : Наука; Ювента, 1997. Т. 1.

Воронов А. М. Оценка региональных изменений гидроклиматических условий Европейской территории СССР по историческим данным // Водные ресурсы. 1992. № 4. С. 97–105.

Шишков Ю. В. 2003. Мирохозяйственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М.: Экономистъ. С. 25–47.

История Древнего Востока / под ред. В. И. Кузицина. М. : Высшая школа, 1988.

Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

U.S. Bureau of the Census. World Population Information: [сайт]. URL: <http://www.census.gov/ipc/www/world.html> (дата обращения: 24.02.2008).

Ссылки на **интернет-публикации** рекомендуется приводить лишь в тех случаях, если источник не существует либо недоступен на бумажных носителях.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации». 2(8), 2011. – 192 с.

Ответственная за выпуск *Е. В. Еманова*
Технический редактор *Е. А. Никифорова*
Корректоры *И. Г. Гергель, Н. В. Самсонова*
Верстка *Е. Ф. Прыгуновой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г.

© Издательство «Учитель»
400059, г. Волгоград, а/я 114.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 15.10.2011. Формат 70×100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,48.
Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»
Полиграфкомбинат «Офсет»
400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.
Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10